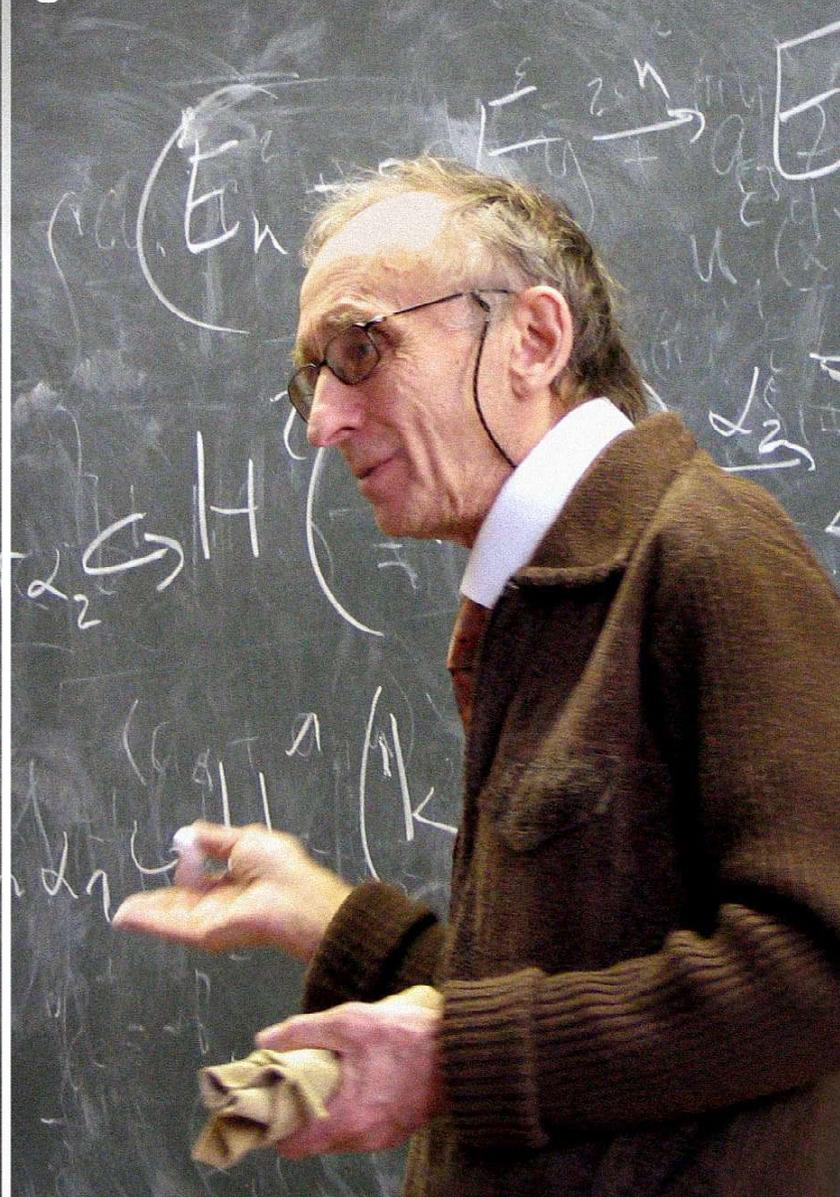

БАШМАКОВ

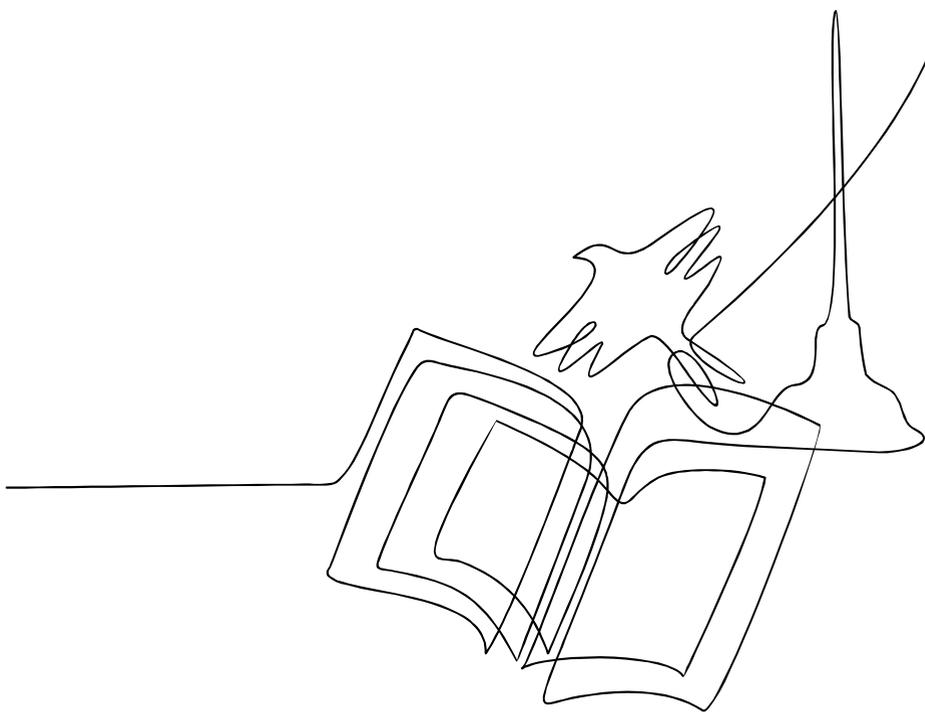
o cecce

И МЫ

o Heim

Башиаков о себе
и мы о нём

Санкт-Петербург
2023

УДК 82-94
ББК 63.3(2)6-8
Б33

Составители

Коточигов А. М., Иванов С. Г.

Башмаков о себе и мы о нём / Сост. Коточигов А. М., Иванов С. Г. —
СПб.: АНО «КИО», 2023 — 167 с.

ISBN 978-5-91406-098-2

Книга — сборник воспоминаний о Марке Ивановиче Башмакове, математике, педагоге, альпинисте, искусствоведе — личности многогранной, притягательной, творческой. В книге собраны воспоминания его друзей, коллег, учеников, стремящихся сохранить светлую память о замечательном человеке.

© Коллектив авторов, 2023

© Коточигов А. М. (сост.), 2023

© Иванов С. Г. (сост.), 2023

© Василькова А. В.

(худож. оформл.), 2023

© АНО «КИО», 2023

ISBN 978-5-91406-098-2

Без объявления

От составителей

Прими собранье пестрых глав...

Авторы сборника посвящают его светлой памяти Марка Ивановича Башмакова и своими текстами хотят дать представление о его многогранной личности. Наверное, ни один из авторов не может сказать, что он хорошо знает все направления деятельности Марка Ивановича, но каждый может сказать, что в той области, которая представляет главное направление его собственной активности, Марк Иванович был профессионалом высокого уровня.

Воспоминания в сборнике отражают эту многогранность и сгруппированы по основным, с точки зрения составителей, направлениям активности Марка Ивановича. Они далеко не исчерпывают всего того, чем занимался и в чем преуспел Марк Иванович, но, мы думаем, дают правильное представление о масштабах его личности.

Марк Иванович много и хорошо писал о своей работе и своих увлечениях. Мы воспользовались этим, и большинство разделов открываются его собственными текстами, затрагивающими соответствующую тематику.

Во всех текстах редакторы сохранили авторский стиль, подчеркивая тем самым притягательную силу, которой обладал Марк Иванович, сумевший заронить в души множества очень непохожих друг на друга людей интерес к совместной работе и чувство причастности к важному общему делу.

Единственное, о чем составители просили авторов, — поддерживать позитивный дух воспоминаний. Как сказал поэт:

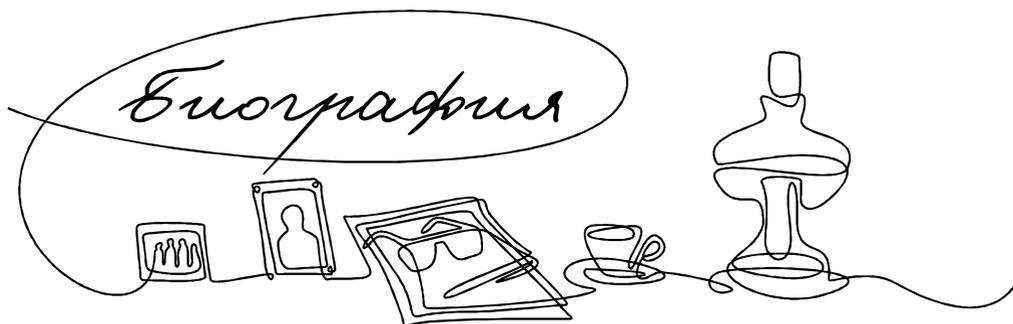
Не говори с тоской: «их нет»;
Но с благодарностью: «были».

*С. Г. Иванов
А. М. Коточигов*

Содержание

Биография	6
Марк Иванович о себе (интервью, записанное <i>Д. Б. Эпштейном</i>)	6
<i>А. М. Вершик</i> . Башмаков — математик и не только	21
<i>М. И. Башмаков</i> . Фрагмент из сборника «Наш матмех» (1954–1959)	25
<i>Д. Б. Эпштейн</i> . Лишь один эпизод	26
Олимпиады и кружки для школьников	30
<i>М. И. Башмаков, А. А. Никитин</i> . Олимпиада начинается с конкурса	30
У истоков ЮМШ (интервью, записанное <i>С. Г. Ивановым</i>)	35
<i>Н. А. Жарковская</i> . История конкурса «Кенгуру»	44
<i>М. С. Ларионов</i> . Игровой конкурс «Золотое руно» и продуктивное обучение	48
45-й интернат и Классическая гимназия	53
Вспоминают выпускники 45-го интерната 1966 года <i>М. Горяев</i> . Счастье плодотворного общения	53
<i>Н. Васюнина (Ракушева)</i> . Жизнь вокруг учебы	64
<i>В. Хомутников</i> . Центр притяжения	74
<i>Л. Григорьева (Пантелеева)</i> . Подарок судьбы	76
<i>Н. Васильев</i> . Для меня он здесь	77
<i>Т. Лихолетова (Щербакова)</i> . Что камертон для музыканта	79
<i>С. В. Бурячко</i> . Башмаков и Классическая гимназия № 610	79
Горсовет	
<i>Ю. П. Мальшев</i> . Русский европеец	83

Альпинизм	89
Хроника альпинистских достижений	89
<i>М. И. Башмаков. Зимой в горах .....</i>	<i>90</i>
<i>А. Э. Глушковский. Небожитель, с которым хочется общаться .....</i>	<i>106</i>
<i>А. Лукин. Уникальный организатор .....</i>	<i>108</i>
<i>А. В. Корень. Эпизоды из жизни. Что вспоминается .....</i>	<i>112</i>
Кафедра математики в ЛЭТИ	113
<i>А. М. Коточигов. Кафедра Башмакова в ЛЭТИ .....</i>	<i>113</i>
<i>Л. Я. Шашкина. История знакомства и сотрудничества ...</i>	<i>117</i>
Школьная математика	119
<i>С. Г. Иванов. Учебники и книги М. И. Башмакова .....</i>	<i>119</i>
<i>С. Н. Поздняков. Научно-педагогическая школа М. И. Башмакова .....</i>	<i>123</i>
Стенограмма выступления М. И. Башмакова 11 декабря 2020 г. в рамках онлайн-совещания по научному проекту	133
Книга Художника	136
Выставки книг из собрания Марка Башмакова в Эрмитаже	136
Книги из собрания Марка Башмакова, переданные в дар Эрмитажу	138
От Пьера Боннара до Энди Уорхола (Расшифровка онлайн-экскурсии <i>М. В. Балана</i>)	140
Комментарий М. И. Башмакова к иллюстрациям Сальвадора Дали для книги «Алиса в стране чудес»	154
<i>Ф. М. Лурье. Марк — искусствовед .....</i>	<i>156</i>
Выборка из списка книг М. И. Башмакова, по теме «Книга художника»	161
М. И. Башмаков в высказываниях современников	162
Заключение	167

М. И. Башмаков. Воспоминания

*Запись рассказа Марка Ивановича о себе из сборника
«МАТМЕХ ЛГУ, шестидесятые и не только» (2011 год),
сделанная Д. Б. Эпштейном*

Я родился в 1937 году в Ленинграде. Мой отец, выходец из крестьян Тверской губернии, не имел определенной профессии. В самом начале Великой Отечественной войны он ушел добровольцем на фронт, в 1943 году попал в госпиталь, вышел оттуда инвалидом и работал до конца своей жизни в Ленинграде. Мать, родом из Винницы, работала бухгалтером и вела большую семью из трех сыновей (я был средним).

Вывезли меня из блокадного Ленинграда только в 1943 году, я ходил в первый класс в Березниках, на Урале, приходил там в себя. А уже в мае 1945 года вернулся в Питер. Жил в рабочем районе.

Закончив 316 школу с золотой медалью в 1954 году, мог поступать без экзаменов, выбирал между матмехом и факультетом журналистики. Выбрал матмех, потому что в школе занимался в математическом кружке. Это был первый университетский кружок. Им руководил замечательный человек, профессиональный математик Г. Епифанов.

На факультете, да и во всем университете, была особая атмосфера науки. Преподаватели ориентировали нас на то, что Университет — это не только матмех. Мы посещали лекции

на философском факультете, филологическом, восточном. В Эрмитаже я посещал лекции по искусству, это давало особое восприятие города, помогало впитывать его атмосферу и воспитывало общую культуру. Обстановку нашего факультета создавали высокоинтеллектуальные люди, например Г. М. Фихтенгольц, Д. К. Фаддеев, В. И. Смирнов — Дед (с большой буквы). Все они создавали эту атмосферу. В. И. Смирнов был также великолепным музыкантом. Мой непосредственный руководитель, Дмитрий Константинович Фаддеев, учившийся на композиторском отделении Консерватории, назвал своего сына Людвигом в честь Бетховена. Четвертую симфонию Шостаковича, которую тогда еще нигде не исполняли, Дмитрий Константинович исполнял нам на рояле.

Была атмосфера очень уважительного отношения к людям, причем независимо от происхождения, возраста, а тем более, национальности. Кругозор преподавателей был очень широк, и каждый человек чувствовал эту атмосферу. И атмосфера уважительного отношения к людям не противоречила математическому образованию и культуре. Выдающиеся математики, такие как А. Д. Александров, С. Г. Михлин, В. А. Залгаллер, С. М. Лозинский — образовывали широкий круг людей высокого уровня. Д. К. Фаддеев был в тот период деканом факультета. И этот уровень поддерживали не только чистые математики. Например, астрономы А. А. Никитин, Т. А. Агекян, Р. В. Соболев, механики Н. Н. Поляхов, С. В. Валландер, И. П. Гинзбург. Высокоинтеллектуальные люди были на каждой кафедре, они создавали эту особую атмосферу. Сравнить с другими факультетами трудно, так как с ними я познакомился позже, но, судя по моим последующим знакомствам, думаю, что и на других факультетах в то время была атмосфера высокой науки и культуры.

Я пришел на матмех вместе с другими членами кружка Г. Епифанова, около 10 человек. Среди них немало ставших

известными учеными. И настроение было у нас — все впитывать в себя. Вели мы себя активно, ходили на кафедральные семинары, спецкурсы. Из преподавателей на меня влияли особенно сильно Д. К. Фаддеев, Г. М. Фихтенгольц, А. Д. Александров, Ю. Ф. Борисов, З. И. Борович (он молодой был, вел практику по алгебре). Из тех, кто старше меня на 3–4 года, сильно влияли В. П. Хавин, В. М. Бабич, Д. А. Владимиров, Б. М. Макаров. Они тогда поступали в аспирантуру. Все то поколение влияло, они организовывали своего рода соревнование.

Общественная работа студентов первых курсов в основном была со школьниками. Мы все стали руководителями кружков. Это внесла наша группа! Это были первые кружки на факультете. Кружковцы были всего на два года моложе меня. Один из них, теперь профессор С. Ю. Славянов, недавно подарил мне свою монографию и написал: «Моему учителю». В моем кружке, кстати говоря, занимался, например, Толя Яковлев*, теперь заведующий кафедрой алгебры.

ЮМШ я придумал в 1958 году, чтобы объединить кружки в одну систему. Это тоже было комсомольское начинание, шло оно от самой жизни. Для нас комсомол был способом решения жизненных проблем, инструментом улучшения жизни и одновременно — воспитания и самовоспитания.

Атмосфера общественной жизни была очень сильной. Особое место занимали стройки. Сам я был на двух стройках, где руководителем был В. Я. Павилайнен. Два раза был на целине: первый раз в 1957 году, после третьего курса, а второй раз — в 1959 году, уже будучи аспирантом.

На 3 курсе меня избрали секретарем бюро ВЛКСМ курса, на 4 курсе — секретарем бюро факультета. Состав факультетского комитета был сильным. Это были люди верхнего слоя

---

* Анатолий Владимирович Яковлев (04.05.1940–29.04.2022) — советский и российский математик, профессор, лауреат премии имени А. И. Мальцева.

студентов в смысле знаний, получаемых оценок, занятий математикой. Например, Катя Кудрявая — наш культсектор — стала профессором кафедры гидродинамики, она знаменитый человек в мире, занимается плазмой, ученица С. В. Валландера. Рядом были В. Демьянов, А. Марданов, В. Малоземов, Р. Шмидт — все это были сильные математики и активнейшие комсомольцы.

Тогда был общий «тренд» факультета и комсомольской организации, поэтому цели выдвигались самой жизнью, формулировались как решения собраний и конференций. Важно, что это не было каким-то «трюком», формальным мероприятием или чем-то надуманным. Это логично вытекало из предшествующей работы и ситуации на факультете. Была ведь постоянная преемственность.

Ничего не выдумывалось, но немало подсказывалось старшими. Важно было не противопоставлять себя, «войти в резонанс» со старшими. Подчеркну: уважение к старшим, к преподавателям и профессорам на факультете было огромное.

Вспоминаются общие комсомольские собрания факультета, которые были грандиозными мероприятиями. Было, например, собрание на тему «О качестве подготовки специалистов на матмехе» осенью 1957 года. Оно продолжалось 4 часа, ученые отнеслись к нему очень серьезно и внимательно выслушивали то, что говорили студенты, в том числе и их критические замечания.

От партийной организации очень помогал А. А. Никитин, но не только он. Он был астроном, не брал все на себя. Из математиков был Модест Михайлович Смирнов, но было и много механиков, которые активно участвовали в партработе и работали с комсомолом. Среди математиков членов партии было немного, В. П. Скитович, например. Поэтому, кстати, мне и В. Ф. Демьянову, с пониманием значения этого, давали рекомендации при вступлении в партию.

А проблем, которые приходилось в конце 1950-х годов решать в парторганизации, было немало... И довольно непростых, учитывая обстановку тех лет, «оттаивание» от предыдущего периода. Одно приглашение В. А. Рохлина в той обстановке чего стоило!

* * *

В конце аспирантуры по инициативе А. А. Никитина (входившего в партком ЛГУ) меня сделали секретарем комитета комсомола Университета. Там пришлось поработать 2 года. Тогда я познакомился со всеми факультетами. Надо сказать, везде хватало проблем, пришлось вникать в разные ситуации, и людей при необходимости защищать — это тоже приходилось делать.

В Комитет ВЛКСМ ЛГУ мы привлекли массу хороших ребят с филологического, философского и других факультетов. В те годы я приобрел много знакомых, прекрасных людей с разных факультетов. Например, Рита Замяткина — ныне профессор философии, политолог — была моим замом по идеологии. Время выдвинуло тогда много новых людей, и мы напрямую обсуждали все вопросы. Много в развитии Университета было инициировано и проведено общественными организациями.

Мне довелось активно участвовать в организации 45-го Интерната при ЛГУ, ныне Академической Гимназии. Для работы со школьниками мы объединились с москвичами, работавшими в МГУ и Физтехе. Так начались Всесоюзные математические олимпиады, Заочная математическая школа, школы-интернаты, впоследствии журнал «Квант». В Москве в 1961 году с математиком Н. Васильевым и физиком А. Савиным мы написали письмо об открытии Интерната. Пришлось пробивать эту идею вместе. Участвовали также ученики знаменитых физиков И. К. Кикоина и Я. Б. Зельдовича — И. Слободецкий и Л. Асламазов. Л. Асламазов передал письмо Кикоину. Мы

связались также с М. А. Лаврентьевым, который тогда стал директором Сибирского научного центра, он тоже поддержал. Академик Кикоин отнес письмо в ЦК. И там поддержали! Вы можете представить себе что-то подобное сегодня?!

Решение было принято 26 августа 1963 года, а мы к этому времени с Алексеем Алексеевичем Никитиным уже добились открытия в городе математических классов и зачислили два класса. Но тут мы дали телеграмму поступившим пока не приезжать и добрали ребят для Интерната. Декан биофака Данилевский Александр Сергеевич добился открытия биологического класса. Тогда же и химический класс был открыт — нас активно поддерживал весь университет.

Важную роль играло доверие старших к нам — молодым. По сути дела, все главные документы по Интернату хранились у меня, молодого аспиранта, в бюро комсомола. На университетском уровне большую помощь оказывали лично и своим моральным авторитетом А. А. Никитин, А. Д. Александров, К. Я. Кондратьев, на факультете — С. Г. Михлин. И все это было неотделимо от работы комсомола и его инициативы.

В 1965 году меня сделали председателем предметной комиссии факультета. И тут тоже была позиция партбюро! Было сделано немало для того, чтобы устранить неприглядные случаи при поступлении на факультет, которые бывали. Затем председателем стал З. И. Борович, а я стал заместителем.

* * *

Я сейчас сильно связан с молодыми ребятами. Современные ребята — столь же интересные и творческие люди, как и пятьдесят лет назад. Но в наши годы не надо было выбирать между наукой и бизнесом, между обучением и работой. Теперь изменились приоритеты — это факт. Но надо сохранить традиции.

Хотя я по-прежнему связан с матмехом, но не готов давать советы современным студентам. Скажу одно: не надо замы-

каться в узкой специальности, ведь матмех дает хорошую школу мышления, понимание «сути вещей». Но отнюдь не все должны и могут стать профессиональными математиками.

* * *

Главная проблема современного социально-экономического положения в стране, на мой взгляд, — в идейной ситуации: нет адекватных идей о том, как и куда мы должны двигаться. Помните, у Беранже:

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!

Путь, идея, идеал, к которому мы стремимся, необходимы всему обществу, тем более, если мы совершаем такой сложный процесс перехода.

Академиком А. Сахаровым двигало чувство, что наверху люди недостаточно четко видят недостатки нашей системы, он хотел сформулировать новые идеи развития. И он их сформулировал в виде идей конвергенции. Эти идеи казались утопическими, но... они давали позитивный образ будущего. К сожалению, их отбросили.

Идеи утопистов нельзя выкидывать, так как они освещают путь развития. Я начинаю в своих учебниках для 5 класса с Платона! Должна быть преемственность идей. А этого сейчас нет, нет нацеленности на будущее, нет живого обмена идеями, а потому нет и ввода наиболее умных и справедливых людей во власть. Новая стержневая идея не появилась, а старую разрушили, высмеивают.

Я не осуждаю того, что произошло. Я принимаю новую действительность, но далее ведь надо действовать с пониманием, и в этом смысле «по понятиям», с учетом интересов, традиций, преемственности. Нельзя ориентироваться только на то, что формализуемо. Надо смотреть шире!

* * *

То, чем я занимался в математике, было сильно представлено именно на Западе. Для работы нужны были постоянные контакты с западными математиками. Я многократно подавал документы для поездок по приглашениям на разные конференции и семинары, но всегда получал отказ. В конце концов мне сказали, что на Запад меня никогда не выпустят. Это подтолкнуло к тому, чтобы уйти из «чистой математики».

В 1977 году я ушел из Университета в ЛЭТИ заведовать кафедрой, оставшись в Университете на полставки. Ректором ЛЭТИ им. В.И. Ульянова (Ленина) был тогда А. А. Вавилов. Он предложил мне взять кафедру математики, сначала на полставки, обещал предоставить условия для занятий другими вещами. Кафедра была громадная. И он действительно предоставил мне возможность заниматься, чем я хочу, в том числе, вопросами преподавания в школе.

В ЛЭТИ я пользовался авторитетом по вопросам, чему надо и чему не надо учить будущих инженеров. Имел очень хороший контакт со специальными кафедрами. Затем я стал более настойчиво и с большими средствами заниматься школьной педагогикой, а затем и общей. Работал в этом направлении, наработывал опыт.

И тут наступил 1990 год, момент избрания нового Ленсовета. По инициативе моих учеников я попал в Ленсовет в 1990 году в результате выборов, где мне, кстати, противостоял кандидат от Народного Фронта. Выиграл я выборы легко, практически почти ничего не пришлось делать, лишь один раз прошла встреча с избирателями. Меня поддерживали молодые ребята, которые и выдвигали.

В Ленсовете было тогда 400 депутатов, в том числе немало людей из 45-го Интерната. Уровень Ленсовета был вообще весьма высокий. Достаточно сказать, что в Президиуме того Ленсовета было 8 докторов наук... Саша Сунгуров, Глеб Ле-

бедев и другие. Недавно праздновалось 20-летие, это было впечатляющим мероприятием!

В Ленсовете я стал, естественно, заниматься образованием. Я предложил себя в качестве кандидата на пост председателя Комиссии по народному образованию. И я получил этот пост, хотя у руководителей Совета сначала были другие планы, другие кандидатуры.

Мое направление было самостоятельным, комиссия была сформирована при моем участии — хорошая, рабочая. Без политиканства. Мы четко понимали, что можем сделать, а что — нет. Я стремился в своей работе сохранить те хорошие традиции в управлении образованием, которые были наработаны до 1990 года, но поддерживал смену кадров. Это несколько испортило мои отношения в городе в тот момент, но полагаю, что тогда удалось сделать много полезного. Много предлагалось полезного, появились главные специалисты, новые направления... Комитет по образованию в городе возглавил Олег Ермолаевич Лебедев, серьезный человек, в солидном возрасте. Мы с ним нормально сработались.

На Западе в тот период появились проекты по развитию образования для ЕС. У меня возникли там хорошие связи. Для России в ЕС был выделен грант в 10,5 млн экю. Моей группе удалось выиграть этот грант, нацеленный на совершенствование образования в России. Я создал Центр Перспективного обучения в ЕС и свой институт с аналогичным названием. Они в существенной степени жили за счет средств ЕС. Более 10 проектов финансировалось за счет средств грантов ЕС за эти годы. Мы не весь этот большой проект целиком выполнили, так как он был рассчитан и на Прибалтику, а они отделились...

Благодаря хорошему финансированию, а также качественному составлению и выполнению проекта, я смог послать на обучение в Англию, Голландию более сотни преподавателей из Петербурга. Речь шла об обучении работе с компьютерами,

но не только. По этим проектам было много сделано по переподготовке преподавателей и представителей регионов. Эти люди, в свою очередь, организовали 13 региональных центров профессионального переобучения учителей. Они же должны были налаживать связи непосредственно со школами.

Были программы совместно с Венгрией и Германией по совершенствованию образования (TACIS и другие). Во всех этих местах я умел «забрасывать удочки», на многие из которых рыба ловилась... Гранты мы получали регулярно.

При прохождении одного из проектов (самого большого) меня напрямую связали с Министром трудовых ресурсов ЕС. Я рассказывал ему три часа о школьном образовании в СССР. Это подействовало. Министр взял текст моего проекта и его «протолкнул». И хотя в Москве проект был сначала отклонен, но в итоге, благодаря ходатайству министра, именно он был принят. Потом в Москве был шорох, так как обычно все деньги уходили туда: кто хватанул такие огромные деньги в Питере?

Скоро у меня образовался очень серьезный опыт работы над проектами, а на их основе было создано в мире более 1000 школ «продуктивного обучения». Много публикаций и книг было, в том числе на Западе, по этим проектам. Уровень был высокий. Наши результаты вызывали интерес по всему миру, к нам приезжали иностранные делегации. Даже из Германии приезжала делегация в составе 20 учителей изучать наш опыт.

По результатам работ меня в 1993 году избрали академиком новой Российской Академии образования.

Деньги я получал не на преподавание математики, а, например, на подготовку к рынку труда, на переподготовку учительского корпуса... Была заложена педагогическая сторона во всех этих проектах. Мне приходилось заниматься и проектами ЕС по подготовке к рынку труда. В итоге я получил бессрочную визу в Германию, годовые визы в Голландию и ряд других стран. Я приобрел возможность широко ездить. Ездить

приходилось очень много, поэтому кафедру в ЛЭТИ пришлось передать В. Харламову, а затем А. Коточигову.

Примерно через 1,5 года, особенно после прихода А. Собчака, пошли «новые веяния», Совет стали «дисциплинировать», председателями комиссий должны были стать освобожденные работники. Быть освобожденным председателем комиссии по образованию мне не хотелось, так как это означало административное подчинение. Это мое нежелание вызывало недовольство у руководителей Ленсовета. В итоге я передал комиссию Юрию Малышеву. Комиссия сохранилась. Но тут полномочия Совета были прекращены досрочно. Ельцин с подачи Собчака закрыл своим указом все советы как «наследие советских времен», то есть из-за политических дрызг...

У меня было свое мнение, но я занимал конструктивную позицию — надо работать, надо учить ребят и совершенствовать педагогику. Когда Ленсовет закрыли, я сделал свой институт негосударственным, но академическим учреждением. В Академии у меня сохранились хорошие позиции, была своя группа из 7 человек. Теперь я инициировал проекты через этот институт и свою группу помощников. Но проекты в итоге ушли из Питера. Немало проектов было вне города. В городе тоже было много всего.

Я предложил создать «Центр развития образования», чтобы объединить ресурсы. Я — государственный, образование — дело государства, но не только: семья и общество должны участвовать в этом процессе. А люди в административной системе любят и умеют работать только в государственной системе. Но не с обществом. О. Е. Лебедев это понимал, он дал нам 10 ставок и здание. Я стал председателем Попечительского совета «Центра развития образования». И параллельно я был директором «Института продуктивного обучения». Комитет предлагал мне заниматься теми проблемами, которые не вмещались в государственный стандарт. Мы успешно работали вместе в одном здании с государственным Центром. И комитет

занял разумную позицию: то, что не умещалось в государственные рамки, я брал на себя, ну, и получал за работу деньги.

Еще пример: у нас был нуль мониторинга качества обучения, почти никто этим не занимался. А у меня была лаборатория мониторинга. Были и экономическая, и компьютерная лаборатории. Все шло широко...

Но в какой-то момент в администрацию, в комитет по образованию к руководству пришла некая дама. У нее были очень хорошие связи с руководством города, но иные «взгляды» на принципы распределения средств. Началась борьба за выделяемые по различным программам деньги. Я был до этого включен в программы компьютеризации школы, моя группа имела результаты по этому направлению и должна была получить часть денег из выделенных 20 млн руб. Но тогда была создана новая структура из трех человек, закрыт созданный мной «Центр развития образования», и деньги через короткий срок ушли в эту новую структуру, а затем вообще куда-то на сторону. Я пытался бороться за сохранение центра, но ничего не получилось. Мои работы в городе перестали финансироваться и поддерживаться Комитетом по образованию. В итоге я временно перестал работать в городе.

Но по многим вопросам мои разработки существенно обгоняли то, что делалось в городе и даже в стране. Пример — школа давно стала профильной на Западе, мы этим занимались, но в России и в СССР в основном тогда была идеология единой школы. Я серьезно занялся профилизацией. И до этого я и мои сотрудники 10 лет занимались по сути дела «подгонкой» школы под возможности и интересы ребенка. Мы создавали более 10 типов сельской школы. Мы разрабатывали индивидуальные траектории для каждого школьника. На Западе такого рода проекты идут. И я стал снова получать гранты и заказы. Например, из Германии, по совершенствованию образования молодых немцев из Поволжья, поскольку они

плохо адаптировались: даже молодые ребята не хотели вписываться в германскую культуру, даже 5–8 летние дети не имели внутреннего стимула, изолировались... Бывают и другие причины, здоровье, например. В Швеции — также сильная тенденция к индивидуализации образования... Уже в четырех Восточных землях Германии приняты наши программы. Сейчас я сам уже немцами не занимаюсь, хотя связи сохранились.

В 1991 году мной была параллельно выдвинута и реализована, получила поддержку идея программы «Кенгуру» с французами. Речь идет о дополнительном образовании для школьников, финансируемом родителями, вне рамок государства, добровольно, для всех классов. Суть программы в том, чтобы заинтересовать школьников, сделать обучение максимально интересным и понятным им. В этой программе участвует 5,5 млн человек во всем мире, в том числе более 2 млн в России. А начало было — 300 человек в первый год! Рост числа участников по годам — экспоненциальный. Начиналась программа с математики. В ходе этой программы я решал вопрос: как сделать математику интересной, чем подтолкнуть массу ребят к математике?! Не одного или самых талантливых, а большинство!

Ближних по духу людей я нашел во Франции. Французы издали массу книг по этой теме, в том числе и мои. Я много работал во Франции... Начал я с математики, но свои идеи и программы старался вписывать в общую систему образования, то есть занимался не только преподаванием математики, но и других предметов. Надо было вписать математику в общую систему. Поэтому появились новые программы по русскому языку — «Русский медвежонок», по мировой культуре — «Золотое руно». Также родились программы ЧИП (человек и природа), «Британский Бульдог» (по английскому языку). Эти программы — средство вовлечения и обучения для всех. В программе «Русский медвежонок» занято более 2 млн, в программе «Золотое руно» — более 500 тыс. человек.

Это своего рода олимпиады, но доступные и полезные для всех желающих. Это мощный толчок к самостоятельному получению знаний, участникам становится интересно учиться, а это самое главное.

Это большая программа, для разных классов, по всем названным предметам. Мы стараемся связать занятия с основным курсом обучения, но при этом сделать обучение интересным.

У нас негосударственная организация. Все пока идет вне государства, что, конечно, неправильно, но пока государство не берет эти вопросы на себя.

Мои труды и учебники перевели в Италии, в других странах, но у нас так и не нашли времени... Даже олимпиады стали у нас средством отбора для вузов — в таком виде это перестало меня интересовать.

* * *

Лет 8 назад ко мне пристало издательство — давайте издадим Ваши учебники по математике. Я постепенно влез в подготовку учебников даже для начальной школы. Потом пошли учебники для 7–9 классов, куча разветвленных учебников для старших. Сейчас идут учебники для 10–11 классов. Куча книг...

И для гимназий также пишем учебники. Для них математика нужна с особым гуманитарным уклоном. По логике, например, мы добавляем не только про доказательство, но и поэтов, писателей... Параграф «Теория», например, начинается с теории стиха, причем рассматриваются не только классические стили, но и редкие...

Эта деятельность отнимает все силы. Со мной работает целая команда.

* * *

И есть еще одно важное для меня направление — книга в XX веке. Я стал консультантом по развитию книжной графики в XX веке в двух издательствах: «Альфа-Ред» и «Вита Нова».

У меня издано более 20 книг в этих издательствах. Есть даже эротическая серия по античной классике.

Издательство «Вита Нова» издало много прекрасно оформленных книг, я же способствовал возврату имен, пропаганде многих классиков русского искусства. Я, например, специалист по Александру Алексеевичу Алексееву, который является известным русским художником, книжным графиком, аниматором. В 1921 году он эмигрировал во Францию. Он стал знаменосцем французской книжной графики, потом переехал в США. Иллюстрировал много классики на русском языке, в том числе Пушкина, Гоголя. Он во Французской энциклопедии — первый книжный график. Издательство выпустило с моей подачи «Братьев Карамазовых» со 100 литографиями Алексеева. В 1928 году эта книга была издана на французском языке. У меня есть эта книга, она раритет. Известны 120 его офортов к «Анне Карениной». Все они собраны мной.

Я привез в «Вита Нова» издание «Мертвых душ» с иллюстрациями М. Шагала для переиздания, но они не смогли договориться с наследниками.

А «Альфа-Ред» делает факсимильные издания, сканируя... Флобер, Матисс... Тиражи — 100–120 экз. Я предложил этому же издательству «Божественную комедию» Данте с иллюстрациями Сальвадора Дали! 100 иллюстраций — по одной к каждой песне. И это издано! В книгу вошли только иллюстрации Дали с определенным текстом в переводе Лозинского. Делают они по индивидуальным заказам, это весьма дорогое издание.

У меня много редких книг, первых изданий поэтов. Например, Гумилев — первая книга, издана в Берлине в 1923 году. А вот первое издание Заратустры!

Вот такие у меня сегодня направления деятельности! Скучать некогда!

Башмаков — математик и не только*А. М. Вершик*

Я на четыре года старше Марка Ивановича, поэтому, когда он поступил на первый курс матмеха (1954 г.), я перешел на пятый. На его курсе было много заметных и способных юношей и девушек, хорошо помню нескольких человек этого выпуска — сильных олимпиадников и вообще, подающих надежды — Марк, Юра Бураго, Толя Андрианов, Володя Мазья, Ольга Бондарева, Нина Казаринова, Рудик Зайдман и др. Не все из них реализовались как ученые — такое обстоятельство вполне обычно; но Марк реализовался сразу в нескольких сферах, и математика, пожалуй, была, как выяснилось, не самой главной из них. Я не очень много с ним пересекался в студенческие годы, но хорошо помню его активность и характерную для него стремительность, обращенные в то время в основном на работу со школьниками, организацию олимпиад и т. д. Это были годы быстрого развития российского школьного повышенного математического образования, сделавшегося в дальнейшем образцом для многих стран.

Более тесно мы с ним общались, когда я уже был в аспирантуре, а он заканчивал университет. Марк пошел на кафедру алгебры к Дмитрию Константиновичу Фаддееву, ставшему его научным руководителем на все годы, пока Марк активно занимался математикой. Он в основном занимался алгебраической геометрией и теорией чисел и был близок к группе московских математиков, изучавших аналогичные проблемы. Его отличала общематематическая образованность, с ним было интересно разговаривать на математические темы и рассказывать ему о своих темах, даже не близких ему, он умел слушать и видеть общее.

Особая роль М. И. принадлежит в организации и работе знаменитого, существующего и поныне математического (45-го)

Интерната. Время его создания — начало шестидесятых — запомнилось и мне. Дело в том, что известный в университетских кругах, и особенно на матмехе, А. А. Никитин — он был тогда секретарем парткома факультета — был, видимо, ответственным за подбор кадров для интерната. Это было то (недолгое) время, когда такие новшества, как математический интернат, еще поощрялись, — продолжалась так называемая оттепель... Мои отношения с А. А. были сложными, как и он сам (он, например, возражал против вторжения в Чехословакию в 1968 году, о чем написал в ЦК, но, правда, потом признал свою ошибку). В 1951 году, когда я поступал на матмех, он вел собеседование (для медалистов) при приеме и поразил меня своим надменным и открыто недружелюбным поведением на собеседовании, причина чего мне стала ясна позже. Но я поступил на матмех и первые три года университета был очень активным комсомольцем и организатором. А. А. даже настаивал на моем избрании (от матмеха) в большой комитет комсомола ЛГУ. И вот в 1961, когда я был уже аспирантом, он вызвал меня и предложил стать директором организуемого Интерната, — кажется, я был первым кандидатом на эту роль. Я сразу же отказался, по многим причинам. Лучшего кандидата, чем Марк, придумать было невозможно, и он долгое время возглавлял это замечательное заведение. Пожалуй, самое прямое доказательство того, что Интернат башмаковских лет был действительно замечательным образовательным и педагогическим центром, не похожим на все остальное, является тот энтузиазм, с которым бывшие воспитанники Интерната тех лет, ставшие известными учеными, вспоминают про годы обучения в нем на недавних конференциях.

М. И. обладал очень важной для организационных дел чертой, его активность в работе с молодежью и с коллегами обрела живые и увлекательные формы, подчас непохожие на привычные стандарты, и поэтому часто он увлекал людей сво-

ей деятельностью. Должен заметить, что эта черта у математиков встречается не столь часто, но, с другой стороны, именно математический склад помогает развить ее тем, у кого она есть. И действительно, он всесторонне реализовал свои способности.

К моему сожалению, когда М.И. предложили вступить в партию, он после некоторых колебаний согласился, и я уверен, что в дальнейшем сожалел об этом. Его облику это не подходило, и ему это не было нужно, хотя, возможно, здесь были деловые соображения. Он еще в то время работал на факультете, и гнетущая, с моей точки зрения, тогдашняя обстановка вполне могла склонять людей к сомнительным и не характерным для них поступкам. Во всяком случае, я не помню, чтобы он был в какой бы то ни было, даже косвенной, оппозиции к окружающему.

После интерната М.И. начал «школьную» деятельность другого вида — он стал видной фигурой организации общего (не «олимпиадного») образования в стране и стал даже членом педагогической академии. Я, начав в 1970 году заниматься делами Ленинградского математического общества, привлек его к организации школьной комиссии общества в качестве председателя, и он долгие годы выполнял эту работу, проводил заседания общества, посвященные образованию и школе, информировал об учебниках, некоторые из которых написал он сам или в соавторстве — полное собрание учебников с 1 по 10 класс. Должен сказать, что его школьные учебники отличались свежестью и оригинальностью, но не все из них имели удачную судьбу.

Когда я был членом исполкома Европейского математического общества от России (1996–2000 гг.), я рекомендовал его как представителя России в комиссию по школьному образованию этого общества. Его компетентность и знания этих вещей и плюс к этому блестящее знание европейских языков позво-

лили ему удачно выполнить функции эксперта и организатора. Напомню, что он провел в Париже и во французской Африке довольно много времени, и долгое время жил в Германии. Хорошо помню его впечатления о жизни и культуре стран, где он жил.

Не могу не вспомнить о наших контактах, когда он был заведующим кафедрой математики в ЛЭТИ. Главное воспоминание состоит в том, что в обстановке известной селекции при подборе кадров, например, на преподавательские должности в вузах, проводившейся в стране почти все советские годы, ему удалось взять на работу несколько талантливых молодых людей (среди них несколько моих учеников) вопреки так называемым «обычным кадровым принципам».

О его замечательной альпинистской карьере я знаю мало, но его успехи здесь тоже поражают.

Зато о другом увлечении я знаю несколько больше. Он начал заниматься довольно рано книгособирательством, что немножко удивило. У меня были друзья, которые занимались тем же. В советские времена это было нетривиальное занятие и подчас небезопасное. Он собирал высоко ценимые старые издания, в основном, поэзию Серебряного века, и сделался держателем потрясающей библиотеки. И из этого, конечно, выросло его увлечение совершенно особым видом букинистической деятельности — сборанием «книг художника». Это собрание специальных изданий книг, которые делаются в небольшом количестве экземпляров высокими художниками-мастерами. Думаю, он был едва ли не единственным, во всяком случае в Петербурге, таким собирателем. В конце концов его «признал» сам Эрмитаж, в котором прошло несколько выставок его коллекции, а он стал экспертом музея по этому виду экспонатов. Мне удалось бывать у него и в питерской, и в берлинской квартирах, заполненных редчайшими дорогостоящими книгами художников.

Грустно думать об уходе таких одаренных, незаменимых для общества и в то же время недостаточно оцененных обществом людей, как Марк Иванович Башмаков.

Фрагмент из сборника «Наш матмех» (1954–1959)

(2007 год)

*Текст написан Марком Ивановичем
для сборника воспоминаний студентов его курса*

Марк Башмаков. Учился в аспирантуре у Д.К. Фаддеева с 1959 г. В это время (1960–1961 гг.) был в годичной командировке в Гвинее на преподавательской работе. После аспирантуры работал на кафедре алгебры, где в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1970–1971 гг. стажировался во Франции, в 1974 г. защитил докторскую диссертацию «Когомология абелевых многообразий». С 1977 по 1998 г. заведовал кафедрой высшей математики-2 в ЛЭТИ. В 1993 г. избран академиком РАО (Российской Академии образования), а примерно за год до этого организовал в Берлине Европейский институт продуктивного обучения. В 1998 г. вернулся на матмех и до настоящего времени сочетаю работу на матмехе с работой в Берлине. Принимаю активное участие в развитии международной сети такого обучения.

Как у нас, так и за рубежом издал несколько монографий по социальной педагогике, в частности, это «Теория и практика продуктивного обучения», «Информационная среда обучения». Написал несколько школьных учебников. Сейчас снова занимаюсь школьными учебниками. Являюсь одним из организаторов в 1970-е гг. журнала «Квант», математических олимпиад, математической игры «Кенгуру».

Лишь один эпизод

Д. Б. Эпштейн

Мы встречались с Башмаковым М. И. редко. обстоятельно беседовали всего один раз, когда в 2010 году я занимался сборником воспоминаний о матмехе и брал интервью у Марка Ивановича для этого сборника.

Мы встретились в его петербургской квартире. Он рассказывал о своих занятиях последних лет — об олимпиаде для школьников (Кенгуру), о создаваемых и издаваемых им учебниках математики для всех классов, начиная с первого, о коллекционировании редких книг по искусству и книгах, издаваемых самим Марком Ивановичем...

Сборник вышел. С тех пор мы лишь изредка обменивались письмами по электронной почте.

От Г. В. Анашко я узнал, что Марк Иванович в свой день рождения (84 года!) был на Эльбрусе. На меня этот факт произвел неизгладимое впечатление. Я как будто даже видел фото Марка Ивановича в полном альпинистском снаряжении и с огромным рюкзаком. А ведь он был невысокого роста и никогда не казался мне здоровяком... Я в это время, через полгода после своего семидесятипятилетия, едва мог поднять какие-то пять килограммов, так как подхватил какой-то вирус, который поразил все мои суставы на полтора года.

О Марке Ивановиче я впервые услышал, когда в 1965 году начал заниматься комсомольской работой. О нем очень уважительно всегда говорил Алексей Алексеевич Никитин, парторг матмеха в тот период. И это уважение как-то навсегда передалось мне... Я знал, что он был секретарем «Большого комитета комсомола». Так мы называли комитет ВЛКСМ всего ЛГУ. Знал и то, что он был одним из «отцов-основателей» Юношеской Математической Школы при матмехе, которая

сыграла колоссальную роль в привлечении способных ребят на факультет.

Иногда я видел его на матмехе, в том числе, на ежегодных отчетно-выборных комсомольских конференциях, позже — на партсобраниях. Голос у него всегда был негромкий, довольно высокий, движения и реакция — быстрые, точные.

Единственный эпизод матмеховской поры с Марком Ивановичем, который запомнился мне, был связан его необычным, как тогда мне казалось, действием на партийном собрании, проходящим, видимо, в 1967 году. Собрание было в 88 аудитории. Я был уже кандидатом в члены партии и, как положено, присутствовал на собрании. Мы сидели рядом с Михаилом Поповым (был в 1966–1967 годах секретарем комсомольской организации матмеха, в дальнейшем профессор, доктор философских наук). Именно Миша привлек меня к комсомольской работе, он на год раньше вступил в КПСС. Мы были в период моего пребывания на матмехе друзьями и на партсобраниях, как правило, сидели вместе. Марк Башмаков сидел в президиуме вместе с кем-то другим, ведущим собрание. Обсуждался какой-то вопрос, привлекавший всеобщее внимание, как вдруг в аудиторию вошел незнакомый мне мужчина и, увидев, что она занята, стал громко задавать вопросы ведущим, дескать, здесь должны быть какие-то занятия... А где они, куда ему идти?! Марк встал и что-то объяснил вошедшему. Но тот не унимался и шумно протестовал, требовал каких-то дополнительных объяснений. Марк предложил ему выйти из аудитории и продолжить обсуждение снаружи. Нарушитель собрания продолжал что-то громко говорить. И тогда Марк сделал то, что запомнилось... Он быстро сделал два шага вокруг нарушителя и... вышел сам. Это было неожиданно. Нарушитель остался один..., все смотрели на него, но никто с ним не общался. И ему оставалось только выйти вслед за Башмаковым. Мы с Мишей посмотрели друг на друга с восторгом,

так как оба оценили этот маневр (когда занимаешься общественной работой, такую находчивость начинаешь ценить!). И тут же поделились своим восхищением этим несложным, но эффективным и эффективным поступком. Поэтому он и запомнился как пример того, как Марк Иванович умел неожиданно и эффективно, бесшумно разрешать непростые человеческие ситуации.

В своей автобиографии, выложенной на сайте «Института продуктивного обучения» (<https://ipokengu.ru/konkurs-kenguru/format/m-i-bashmakov.html>), созданного М.И. Башмаковым в 90-е годы, он особо подчеркивает свою роль лидера-организатора. Приведу небольшой отрывок оттуда: «Параллельно научно-преподавательской деятельности все эти годы я шел путем лидера и организатора различных коллективов. Этот путь начался в студенческие годы и был естественно связан с комсомолом (я избирался руководителем комсомольских организаций от курса до десятитысячного коллектива всего Ленинградского Университета) и Коммунистической партией. Мне предлагали выбрать дорогу партийного функционера, но я благоразумно от неё отказался, хотя не только не стыжусь своего комсомольско-партийного прошлого, но имею основания гордиться тем, что мне удалось сделать в те годы для людей. Деятельность лидера-организатора предполагала порождение и организационное оформление самых различных идей, большинство из которых живо до сих пор».

Действительно, читая его биографию и воспоминания в сборнике «МАТМЕХ ЛГУ, шестидесятые и не только» (2011 г.), поражаешься, сколько замечательных начинаний, важных для обучения математике, начиная с ЮМШ в 1958 году, для привлечения способной и талантливой молодежи в вузы, повышения качества преподавания математики и обучения педагогике, для воспитания интереса к математике и другим наукам, для воспитания человека в самом высоком смысле этого слова

задумал и осуществил Марк Иванович. Поистине, сам он был человеком настолько широким, глубоким и одновременно деятельным, что о нем можно говорить как о человеке Возрождения, вспоминая ту великую эпоху.

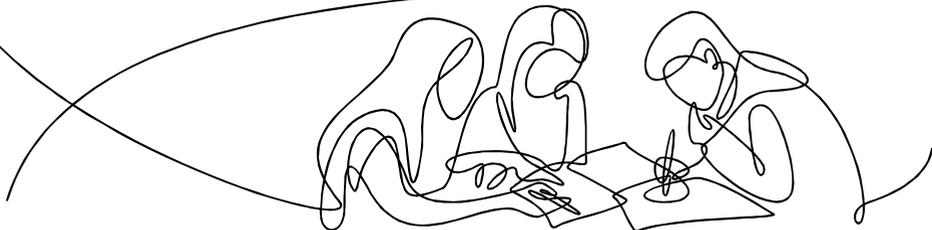
Еще одна цитата (из уже названных воспоминаний Марка Ивановича): «Идеи утопистов нельзя выкидывать, так как они освещают путь развития. Я начинаю в своих учебниках для 5 класса с Платона! Должна быть преемственность идей. А этого сейчас нет, нет нацеленности на будущее, нет живого обмена идеями, а потому нет и ввода наиболее умных и справедливых людей во власть. Новая стержневая идея не появилась, а старую разрушили, высмеивают».

Всей своей жизнью Марк Иванович утверждал неразрушаемую идею воспитания и развития Человека, которая, я надеюсь, восторжествует, в том числе, и благодаря ему.

Прилагаю фотографию, где они с А.А. Никитиным стоят около здания матмеха. Тепло, солнце, зелень... Видимо, 1958 год. Все еще впереди!

Олимпиады и кружки для школьников

Олимпиада начинается с конкурса

М.И. Башмаков, А.А. Никитин

Статья была напечатана в газете «Ленинградский университет» 24 декабря 1975 года и, по мнению редакторов, она актуальна до сих пор.

На математико-механическом факультете Ленинградского университета с большим удовольствием узнали, что с этого года для учащихся всех курсов средних профессионально-технических училищ города и области решено проводить ежегодные математические олимпиады. Разумеется, преподаватели и студенты примут самое активное участие в них, окажут всемерную помощь учителям математики и самим учащимся в подготовке и проведении Олимпиады.

Еще в 1934 году математическим факультетом была проведена первая в стране и Ленинграде математическая Олимпиада для учащихся средних школ и фабрично-заводских училищ, и с той поры ежегодно (за исключением суровых военных лет) школьники города (за последние годы — и области) разных

классов (начиная с пятого), любящие и интересующиеся математикой, соревнуются в умении решать задачи.

Олимпиада начинается с конкурса решения задач в своей группе, в своем классе, затем она переходит на уровень школы или училища и, наконец, завершается заключительным туром в масштабе города или области. И так это происходит уже много лет. Давно выросли первые участники математических олимпиад, по-разному сложились их жизненные судьбы — одни стали профессиональными математиками, другие — учителями, инженерами, работниками конструкторских бюро и вычислительных центров, военнослужащими, высококвалифицированными рабочими и т. д. Но во всех случаях интерес к математике, тот фундамент математических знаний, полученный в юные годы, привычка к строгому рассуждению, точному определению, любовь к математической книге, умение быстро и точно считать и мерить оказались нужными и полезными в жизни. Думается, что то же самое скажут, когда пройдут годы, участники и победители математических олимпиад средних профтехучилищ.

Конечно, основные математические знания и навыки дают детям классные занятия в школе и училище. Однако немалую роль в формировании математической культуры, создании постоянного интереса к математике играют факультативы, кружки, интересные лекции и, как некое завершение всего, — математические олимпиады. Именно участие в таких формах внеклассной работы, пусть даже вначале небольшое, и от случая к случаю, очень эффективно помогает хорошему и твердому усвоению программного школьного материала, его практическому приложению в общетехнических и производственных дисциплинах. Лучшие и наиболее прочные знания — это те, которые приобретаются — хоть в какой-то мере — самостоятельно, пусть даже их и будет немного.

В олимпиаде, кружке, факультативе может принимать участие любой ученик любого класса. Глубоко ошибочно распространённое кое-где мнение о том, что олимпиады — это для каких-то особо одаренных ребят — «вундеркиндов» или для тех, кто после получения среднего образования в обычной школе идет прямо в вуз, где нужно держать конкурсные экзамены по математике, а для других, мол, и не по силам и не нужно. Это все ошибочно и неверно. Любой ученик среднего профтехучилища может и в состоянии хорошо освоить программный материал по математике, научиться решать разные задачи, в том числе и практические, и трудные, требующие смекалки и сообразительности, и твердого знания изученного ранее математического материала. Все это доступно каждому, но оно не дается даром. От ученика требуется интерес, усидчивость, трудолюбие, желание знать, и эти качества нужно в себе воспитывать.

Для начала успешного занятия математикой достаточно очень немного. Нужно заинтересоваться какой-либо занимательной и простой задачей, попытаться решить ее, и уж совсем хорошо, если интерес к задаче превысит на сегодня и на завтра желание посмотреть хоккейный матч или сходить на футбол. Многие ребята любят читать книги, очень часто «про приключения и шпионов». Конечно, такие книги интересны, и их стоит читать, но, нам думается, что не менее интересно познакомиться с одной или двумя книгами занимательной математики типа «Занимательная алгебра» Я.И. Перельмана, «Веселое и занимательное о числах и фигурах» В. Литцмана и другими. Специально для ребят, интересующихся математикой и физикой, издается журнал «Квант», где печатается много интересных и доступных статей. Посмотрите как-нибудь на досуге этот журнал, он вам, несомненно, понравится. Все мы хорошо знаем, что для того, чтобы успешно заниматься спортом, добиваться в нем успеха, нужно тренироваться. Ана-

логично обстоит дело, если хочется потренировать свою смекалку, сообразительность, выработать в себе усидчивость, трудолюбие, серьезное отношение к занятиям. Учителя и мастера, вся работа училища способствует этому, но очень, очень многое зависит от самого себя.

Иногда некоторые ребята и девушки рассуждают так: зачем мне хорошее знание математики? Обойдусь и «тройками с натяжкой», хорошо работать смогу и без нее, учиться дальше не собираюсь, а если буду учиться дальше, то изучу ее потом. Такое рассуждение плохо от начала и до конца. Допустим, что сейчас, начиная работать, такой ученик обойдется скромными знаниями, которые получил, а дальше? Производство совершенствуется, вводится новая техника, возникает необходимость переквалификации, а то и смены профессии. Знаний, как показывает опыт, не хватает, а получить их заново — дело, далеко не простое: слаб фундамент подготовки, нет навыков, привычки к занятиям. Кроме того, перед молодым рабочим, как и перед всей молодежью, у нас открыты широкие дороги, есть все возможности для выявления талантов и способностей, нужных обществу — речь может идти в будущем о повышении рабочего мастерства, участия в управлении производством и в общественной жизни, о службе в армии, учебе в партийных, комсомольских школах, в военных училищах, технических вузах, университетах и т. д. На многих из этих жизненных путей придется сталкиваться с серьезной математикой и ее приложениями. Среднее профтехучилище имеет все возможности дать за три года хорошую математическую подготовку, но усилий одних учителей тут мало, нужно серьезное, добросовестное отношение учеников.

В настоящее время перед учителями и учащимися училищ стоит серьезная задача. Начиная с 1975 года, изучение математики в училищах идет по новой программе, которая знакомит учащихся с элементами современной математики, мате-

матики XX века, уровнем математической строгости нашего времени, своеобразными и пока еще не очень привычными математическими понятиями, теоремами и задачами, с ними связанными. Именно эта математика лежит в основе ее многочисленных применений на производстве, в конструировании, в технологии и т. д.

Хорошее освоение новой программы — дело непростое, требующее времени и труда, особо серьезного отношения к занятиям, хорошего понимания необходимого, но непривычного и незнакомого материала, твердого знания материала 5–8 классов. По нашему мнению, тут будут особенно полезны разные формы внеклассной работы, о которых уже упоминалось выше.

Очень хорошо, что почти во всех училищах проходит «Неделя математики». Думается, её проведение украсит и выставка популярных книжек по математике, хорошо и массово проведенный конкурс решения занимательных задач, задач на смекалку, училищный тур математической олимпиады, постановка хороших лекций, экскурсий в вычислительные центры и т. д.

Математический факультет Ленинградского университета будет доволен, если учителя математики и учащиеся, особенно из области, обратятся к нам за какой-либо помощью при проведении того или иного мероприятия (экскурсия в вычислительный центр, встреча с ученым-математиком, интересная лекция по математике, астрономии, механике, подбор занимательных и интересных задач, помощь в проверке начального тура олимпиады и т. д.). Мы надеемся, что такие контакты у нас появятся и будут крепнуть от года к году.

Многие учителя математики, средних профтехучилищ активно работают над повышением своей научно-педагогической квалификации, методического мастерства, более тесной и научно обоснованной увязки математического материала с дисциплинами общетехнического и производственного цик-

лов, серьезно думают над тем, как наиболее оптимально работать над изложением новой программы. В этой трудной и напряженной работе реальную помощь могут оказать профессора и преподаватели: аналитики, геометры, алгебраисты математического факультета. Естественно, что в такой работе первое условие успеха — желание взаимных контактов.

В заключение нам хотелось бы обратить внимание учителей математики и учащихся средних профтехучилищ, любящих и желающих глубоко познать математику, механику и астрономию: математико-механический факультет будет рад видеть сейчас и особенно в будущем в числе своих студентов вечернего, а затем и дневного отделений, выпускников средних профтехучилищ, хорошо работавших на производстве, служивших в армии, проявляющих постоянный и глубокий интерес к математике, механике и их приложениям в современном производстве.

У истоков ЮМШ

*Запись беседы с С.Г. Ивановым
для сборника «Из истории матмеха» (1997 год)*

Марк Иванович, скажите, пожалуйста, когда Вы учились на факультете и в каких самых интересных делах участвовали в то время?

Я поступил на матмех в 1954 году. В этом году на матмех было принято около 15 выпускников одного математического кружка при Университете, его вел энтузиаст Григорий Владимирович Епифанов. И как раз выпускники этого кружка резко изменили отношение к кружкам на матмехе. До этого тоже были кружки, но именно с 54-го года они стали расти, прямо как грибы. Я, уже будучи на втором курсе, вел кружки, и почти все выпускники нашего кружка делали то же самое.

Какие формы работы со школьниками были до официального создания ЮМШ, то есть до 60-го года, и какие новые идеи внесло создание ЮМШ?

Период с 54-го по 59-й годы был очень характерным и замечательным в истории матмеха. Работа со школьниками, с одной стороны, соединилась со значительной общественной работой, а с другой стороны, ей занимались, я не побоюсь сказать, самые сильные ребята. На матмехе создавалась атмосфера очень уважительного отношения к этой работе как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Мне кажется, что очень важно иметь в виду создание такого ореола — что это, с одной стороны, занятие для самых сильных студентов, недаром многие затем остались в аспирантуре и связали свою жизнь с матмехом, а с другой стороны, расценивалось как важная общественная работа. Среди наших дел можно выделить следующие:

- разрастание сети кружков на самом факультете,
- создание программ для них,
- расширение — сначала в районы города, затем в те же годы началась работа вне Ленинграда.

Стало ясно, что необходимо объединить то, что делается, организовать, дать этому имя. Тогда, к 60-му году, появилась идея создания ЮМШ.

По чьей инициативе была создана ЮМШ?

Этот вопрос мне неоднократно задавали раньше, но я должен сказать, что на него не так легко ответить. Работа со школьниками стала общим делом. Назвать одну фамилию было бы неправильно. Был круг ребят, в основном набора 54–56-го годов, они активно организовывали общественную жизнь матмеха, организовали и ЮМШ. К тому же мы были организаторами первой, вернее, нулевой Всероссийской олимпиады.

Я повез 10 школьников, среди которых были ныне известные математики Михаил Громов, Ирина Глускина, в Москву, это стало прообразом Всероссийской, Всесоюзной олимпиады. Впоследствии мы входили в жюри этих олимпиад.

В газете «Матмех за неделю» в октябре 60-го года было написано, что первое собрание руководителей кружков ЮМШ состоялось не где-нибудь, а в деканате матмеха. Не говорит ли это о повышенном внимании к организации кружков со стороны руководства матмеха?

Конечно. Я уже пытался провести эту мысль. Наши старшие товарищи создали на факультете такую обстановку — соединение научной и общественной работы. Такого не было на большинстве факультетов: одни занимались общественной работой, другие — научной. А у нас сумели объединить. Бумагу о создании ЮМШ я носил подписывать к В. И. Смирнову, одновременно ее подписывали А. А. Никитин, М. М. Смирнов — это были люди, очень много сделавшие для факультета как ученые, но и они, и деканат не выпускали из виду общественную работу.

Математические кружки были в нашем городе и раньше — с довоенных времен. Скажите, пожалуйста, кружки новой сети, названной ЮМШ, чем-то существенно отличались от прежних?

Первое принципиальное различие, которое появилось: кружок старались сделать не только местом, где занимаются математикой, но и в известной мере домом. Это шло от кружка Епифанова, сыгравшего большую роль в жизни матмеха. Были, конечно, кружки и до него, но это был первый кружок, где ребята, кроме математики, занимались много чем, дружили вместе. И тем же отличалась ЮМШ. Но, в то же время, стиль работы определялся личностью руководителя кружка.

И еще один момент. Мы старались сделать так, чтобы в ЮМШ не были забыты некоторые важные математические идеи, чтобы «изюминки», находки сохранялись. Публиковать было трудно, и мы пытались создавать программы. Хотя прямо скажу, что это было нужно в основном тем, кто программы составлял. Но то, что мы считали нужным собираться, обсуждать основные темы занятий кружка, выясняли, где искать книги (в те времена это было не так просто) — вот чем ЮМШ отличалась от разрозненных кружков.

Что привлекало студентов в ЮМШ? Стремление пообщаться, найти новых друзей, повышение математической культуры школьников или, может быть, реклама матмеха?

Одновременно несколько моментов. Конечно, привлечение ребят к занятиям математикой. Но при этом, как ни странно, играло большую роль желание попреподавать, поучить, пообщаться с ребятами, потому что были хорошие примеры, когда кружок — это второй дом. И создание такого «дома», где все вокруг тебя и с тобой вместе — это очень сильно привлекало.

Выступали ли перед школьниками в рамках ЮМШ доценты и профессора матмеха?

Я не помню, чтобы это проводилось на отдельных занятиях, потому что они обычно состояли в решении задач, но, скажем, Д. К. Фаддеев считал необходимым иметь лекторий. Лекторий для школьников то возникал, то исчезал, но в целом был долго, и кружковцы были обязаны на него ходить. А в лекторий привлекались самые знаменитые профессора. Мне много приходилось заниматься организацией этого лектория, я знал, к кому надо обратиться с какой тематикой, и никогда не было отказов. Я хорошо помню всех наших профессоров, читавших лекции школьникам.

Как набирали школьников и преподавателей?

Школьников набирали несколькими путями. Во-первых, расходилась информация от тех, кто уже учился, и от тех, кто учился раньше и пришел на матмех — был очень большой приток за счет этого. Кроме того, проходили объявления по школам. И, наконец, все-таки самое главное — итоги олимпиад. Олимпиады привлекали очень большое количество школьников, и участникам высылались персональные приглашения.

Что же касается набора преподавателей — у нас просто не было отбоя от желающих, это было таким делом чести. Каждый, кто любил математику и хорошо учился, считал себя обязанным попробовать вести кружок. Не у всех хорошо получалось, на самом деле, но многие на этом приобрели свой первый опыт общения, преподавания математики, испытывали свое отношение к математике, поэтому ЮМШ очень привлекала ребят.

Сколько кружков было в ЮМШ в начале 60-х и где проводились занятия?

Прежде всего, была централизованная школа. На самом матмехе, на 10-й линии, в разные годы было от 10 до 20 кружков. Наши попытки прийти в районы были не очень удачными, потому что школьников привлекала возможность приехать в Университет. И те, кто вел занятия, предпочитали вести их в здании матмеха, поэтому кружков в районах было то много, то мало.

По какому принципу выдавались дипломы об окончании ЮМШ?

У меня совершенно не отложился в памяти факт вручения дипломов. Мне кажется, что их просто выдавали ответственным за классы, и они их раздавали, исходя из своих соображений. Мы все относились к этим дипломам скептически.

Откуда руководители кружков брали задачи и теорию для занятий и чем они занимались со школьниками? Была ли не-

которая единая программа, связанная, например, со школьниками данного возраста?

Вы затронули очень длинный и сложный вопрос о содержании занятий кружков. Я тоже об этом много думал. Первое, что приходит в голову — то, что существует «джентльменский» набор, который, если спросить у разных людей из разных мест, будет одним и тем же. Когда я приезжал в Москву, у них были перечислены те же самые темы, хотя книг о кружках тогда еще не было. То есть, в первую очередь, хорошее математическое образование давало некоторый спектр тем, которыми надо заниматься на кружке. Второе, конечно, традиции. Были темы, о которых можно судить по регулярным выпускам подготовительных задач к олимпиадам. У меня есть самый первый выпуск, составленный Делоне, Житомирским, подготовленный Фихтенгольцем, Тартаковским в 34-м году, и выбор тем совершенно ясен. Когда сеть кружков стала разрастаться, мы сформулировали набор обязательных тем. И, наконец, мы указывали литературу. Это было время, когда начали выпускать книги из серии «Библиотека математического кружка», замечательные книги Шклярского, Делоне... Старые книги мы пропагандировали — задачник Кречмара, задачник Делоне–Житомирского и другие, еще более старые. Это передавалось из уст в уста, хотя мы пытались что-нибудь и написать. В конце концов, некоторые публикации тех лет остались.

Осуществлялся ли контроль за кружками со стороны студентов или преподавателей матмеха?

Нет, формально контроля не было. Единственным контролем было следующее: становилось известно, что такой-то кружок разваливается — скажем, люди перестают приходить. И тогда руководители ЮМШ начинают разбираться, случайность ли это, виноват ли руководитель кружка и стоит ли доверять ему кружок в дальнейшем.

Отвечал ли кто-нибудь за всю ЮМШ в целом?

В комитете комсомола всегда был такой человек. Кроме того, на первом этапе мы попросили профессора С. Г. Михлина быть нашим старшим руководителем, и некоторое время он нам помогал.

Не снизилась ли роль ЮМШ с появлением в середине 60-х годов физико-математических школ?

Конечно, снизилась, потому что учиться в хорошей школе, где и так много занятий математикой, и ходить в кружок становилось тяжело. К тому же часто привлекало не само наличие кружка, а чья-нибудь яркая личность. Физматшкол вначале было мало, и уже там сконцентрировались мощные силы, особенно в первое время. Так что мне кажется, что вы правы.

Когда состоялась первая Летняя математическая школа?

Если я не ошибаюсь, в 61-м году, в одном из районов области, причем учились в ней и городские школьники, и областные — из этого района. Организаторами были Борис Докторов, Леда Авотина... А первую ЛМШ с набором школьников со всей области удалось организовать только в 70-м году, в поселке Сиверский. Директором ЛМШ-70 был Владимир Трегубов.

Что еще было сделано в то время для популяризации математики и матмеха?

Очень большая работа проводилась вне города, мы начали проводить олимпиады, набирать детей в интернат. Приезжаем мы, например, в Архангельск. Кто в Архангельске занимается математикой? Педагогический институт. Мы приходим туда — но они и сами с усами. И они вдруг почувствовали, что им полезно иметь с нами связь. И вот что было предложено — мне трудно представить себе, как это даже сейчас можно было

организовать. Мы предложили, чтобы лучшие старшекурсники приезжали к нам и целый год учились на последнем курсе матмеха по специальной программе. И чтобы они у нас получили диплом, который был бы засчитан там, у них. И в 60-е годы несколько лет подряд из каждого крупного педвуза присылали по 5 человек, большинство из которых до сих пор связано с матмехом и которые стали нашими проводниками в своих областях. Эти ребята приезжали к нам, и наши лучшие профессора читали им лекции. Фактически это были первые педагогические потоки. У нас про них забыли. Но до сих пор, когда я приезжаю в ряд областей, о них вспоминают. Скажем, в Вологде мы бросили такое мощное зерно... Там сейчас есть университет, и политехнический институт открылся. Кто там возглавляет кафедры математики? Кто там все эти годы занимается с ребятами? Те выпускники, которые у нас проучились год. Они не на лекцию приехали, не на олимпиаду, мы им сумели организовать жизнь в общежитии, стипендию, лекции, защиту диплома, это было сделано чисто по инициативе студентов и аспирантов матмеха.

Не вспомните ли Вы, откуда взяли идею 45-го интерната?

Создание интерната было итогом той промежуточной деятельности, о которой мы говорили. ЮМШ уже наладили, и основной напор между 59-м и 63-м годами был сделан на работу вне Ленинграда: сначала область, потом Северо-Запад. Я могу перечислить основные вехи:

- выпуск сборника для Северо-Запада,
- поездки с лекциями в Ленинградскую область,
- организация олимпиад там, где их раньше не было — мы были инициаторами в Мурманске, Сыктывкаре и других городах.

Все это было организовано в 4 года и называлось операцией «Север». Стало ясно, что хорошо бы ребят пригласить

в Ленинград. Мы сумели добиться разрешения на открытие двух классов в интернате №7 на Каховского. Мы набрали два класса весной 63-го года. К этому времени стало известно об открытии интерната при Новосибирском университете (в 62-м году). Тогда были отправлены два письма в Министерство Просвещения, одновременно из Москвы, подписанное рядом ученых во главе с А. Н. Колмогоровым и П. С. Александровым, и из Ленинграда, подписанное В. И. Смирновым и другими учеными. Но мы не рассчитывали на успех, уже вызвали ребят в наши классы при интернате №7, как 26 августа мне позвонили из Москвы и сказали, что подписано распоряжение о создании четырех интернатов. Мы разослали ребятам телеграммы, чтобы они не приезжали. Мы успели гораздо раньше москвичей — я был на открытии интерната в Москве 2 декабря, а наш интернат открылся 14 октября. Мы с Вами разговариваем 15 октября, а днем рождения интерната официально, считается 16 октября. Я помню по дням, как это все происходило. Мы сумели за месяц, именно из-за того, что у нас были налажены контакты с областями, добрать ребят, набрать четыре класса, и 14 октября открылся наш интернат на улице Савушкина.

Согласны ли Вы с тем, что ЮМШ, ЛМШ и 45-й интернат созданы по инициативе А. А. Никитина? Или, может быть, не только его?

Я уже говорил, что было бы неправильно указывать одну фамилию. Это было создание матмеха как коллектива. Я, конечно, помню, какую колоссальную роль сыграл А. А. Никитин, какую роль сыграли С. Г. Михлин, Д. К. Фаддеев, С. В. Валландер и многие другие. Что отличало нас от Москвы? В Москве делалось то, что скажет Колмогоров, особенно это было заметно в интернате. В Ленинграде инициатива принадлежала молодым ребятам, но они понимали, что без старших ниче-

го не сделать. Наше старшее поколение давало возможность сделать многое, и многие вещи были сделаны не по заказу, их надо было придумать. Я не назвал еще много интересных дел, которые появились в те годы, и все это было придумано, конечно, ребятами. Даже если у них и есть авторство, было бы неправильно его озвучивать. Правильнее сказать, что такие люди, как Алексей Алексеевич Никитин, помогали создать это отношение к студентам со стороны факультета, его деканата, всех формальных властей.

И последний вопрос. Какие ныне известные математики начали свой путь в науку или в преподавание математики в ЮМШ 60-х?

Если мы не будем отличать ЮМШ от большой сети кружков, которая была на матмехе начиная с 54/55 учебного года, то можно сказать наоборот — я почти не знаю человека, который стал бы известным математиком и который не был бы связан с кружками.

История конкурса «Кенгуру»

Н. А. Жарковская

Марк Иванович Башмаков, бесспорно, был человеком разносторонне одаренным. При этом, как мне кажется, одним из его наиболее ярких качеств была способность быстро оценить новое явление, идею или инструмент. В истории с продвижением международного математического конкурса «Кенгуру» в России эта его способность проявилась в полной мере.

Хорошо известно, что в нашей стране еще с довоенного времени существует разветвленная и хорошо укорененная система традиционных математических олимпиад различных уровней: от школьного (часто, к сожалению, совершенно фор-

мального) до национального, с выходом победителей на международные олимпиады самого высокого уровня.

Основная цель этой системы — выявление ребят, имеющих математические способности и готовых заниматься математикой на уровне, далеко выходящем за пределы школьной программы. Для работы с такими ребятами в нашей стране действует множество кружков, созданы специализированные школы и интернаты. Влияние этих структур на развитие точных наук в нашей стране трудно переоценить. Подавляющее большинство успешных профессионалов в какие-то периоды своей жизни либо учились в таких кружках и школах, либо преподавали в них. Не стал исключением и Марк Иванович, в течение многих лет он активно занимался и непосредственным преподаванием, и большой организационной работой в этой системе.

Однако все эти замечательные мероприятия и организации нацелены на достаточно узкий слой одаренных и мотивированных ребят. Их надо найти, а потом по возможности создать им условия для занятий любимым делом на максимально высоком уровне. Именно из-за этой, по сути дела элитарной, ориентации в нашей стране не получил настоящего развития школьный уровень математических олимпиад: учитель и так хорошо знает своих учеников и понимает, кто из них имеет шанс проявить себя за пределами школы, а кого лучше не подвергать дополнительным испытаниям.

Совершенно другой тип математических соревнований возник в 50-е годы прошлого столетия в США: однотуровое мероприятие с большим количеством совсем простых задач, правда, вопросы нередко «с подвохом». Такой вот спринтерский математический забег, попробовать свои силы в котором может каждый. Основная цель — вызвать эмоции, азарт и дать каждому участнику возможность ответить хотя бы на часть вопросов.

В 70-е годы в Австралии известный деятель математического образования П. Холлоран подхватил эту эстафету и создал прообраз «Кенгуру» — Australian Mathematics Competition. Основной его особенностью было разделение задач на три категории сложности, причем задачи первого, наиболее легкого раздела были очень простыми, не требующими никакой предварительной подготовки, в то время как для решения задач последнего раздела требовались и навыки, и фантазия. Это позволяло сделать задания конкурса интересными максимально широкому кругу участников. На пике популярности в конкурсе участвовало до полумиллиона австралийских школьников.

В конце 80-х, с благословения П. Холлорана, французские математики запустили свой проект, назвав его в честь предшественника «Кенгуру». К схеме, разработанной Холлораном, они добавили платность и многочисленные, в основном мелкие, призы для участников. Призы заметно подогревали интерес школьников, а платность, пусть и очень скромная (как принято говорить, «на уровне порции мороженого»), делала конкурс не зависящим от спонсоров. Принципы организации «Кенгуру» оказались очень удачными: за 2–3 года он набрал сотни тысяч участников во Франции, им заинтересовались и в ряде других стран. К 1993 году о конкурсе стало известно и в России.

Надо отметить, что Марк Иванович не был ни первым, ни единственным российским математиком, имеющим возможность присоединиться к этому начинанию. Но именно он оценил перспективы новинки, понял, что у конкурса есть будущее. В те годы он возглавлял кафедру математики в ЛЭТИ и Лабораторию непрерывного математического образования при этой кафедре. Ее сотрудники и занялись по его поручению непосредственной организацией конкурса в России.

В тот момент никто из нас не понимал, в каком грандиозном проекте нам довелось участвовать. Время было трудное, все, если не рушилось, то радикально перестраивалось, и всем

нам, как отдельным людям, так и организациям, приходилось буквально на ощупь искать новые пути и формы работы. На этом фоне продвижение олимпиады, в которой пятиклассникам предлагались вопросы вроде «Мари 6 лет, а ее брат на 2 года младше. Сколько лет брату?», казалось делом странным. По крайней мере, обсуждение новинки на заседании Математического общества Санкт-Петербурга, инициированном Марком Ивановичем, вызвало, в основном, недоумение.

Тем не менее, Марк Иванович настаивал на том, что конкурс надо проводить, и активно использовал свое влияние для продвижения новой идеи. Со своей стороны мы, сотрудники лаборатории, работали над содержанием заданий (они требовали не только перевода, но и серьезной адаптации к реалиям нашей школы) и над распространением информации о конкурсе и его целях среди учителей.

И очень скоро стало понятно, что Марк Иванович прав — идея «математики для всех» оказалась привлекательной для огромного количества школьников и учителей. Уже через несколько лет в конкурсе участвовали школьники всех российских регионов. В 2006 году количество участников впервые перевалило за миллион, в 2012 — за два миллиона, что составило примерно треть всех участников конкурса в мире.

К сожалению, с 2014 года началось постепенное снижение количества участников, и накануне пандемии оно немного превышало миллион. Но это уже другая история, пандемия заметно подкосила не только «Кенгуру» и не только в России. Тем не менее, факт остается фактом — за годы своего расцвета конкурс «Кенгуру» приобрел миллионы поклонников и заметно повлиял на стилистику преподавания математики в школе, особенно в младших классах.

Игровой конкурс «Золотое руно» и продуктивное обучение

М. С. Ларионов

Популярность и востребованность математического конкурса «Кенгуру», стремительное увеличение числа участников и образовательных учреждений, его проводящих, показали, что как со стороны общества, так и со стороны системы образования существует запрос на подобного рода социокультурные практики. Появление лингвистического конкурса «Русский медвежонок» подтвердило данный тезис. Следующим подобным проектом стал конкурс по истории культуры «Золотое руно».

После основательной подготовки Марк Иванович сформулировал общие положения и разработал материалы первого конкурса. Главная идея заключалась в том, что поскольку содержание не связано со школьной программой, то процесс выполнения заданий должен происходить дома, с возможной помощью друзей и родителей, а также с использованием любых доступных источников информации. Не было никаких гарантий того, что конкурс «Золотое руно» найдет свою аудиторию, особенно среди родителей, и вызовет интерес у учителей, без которых организовать конкурс в школах не представлялось возможным.

14 ноября 2003 года конкурс был впервые проведен в Санкт-Петербурге, Москве и Кирове. Хорошие отзывы от учителей и родителей как о содержании конкурса, так и о форме его проведения подтолкнули организаторов к тому, чтобы конкурс стал ежегодным.

Популярность конкурса была обеспечена качественными и интересными заданиями, представленными в духе идей педагогической системы продуктивного обучения, одним из основоположников которой в России был Марк Иванович.

Современное понимание продуктивного обучения, при всем многообразии мнений, базируется на системно-деятельностном подходе. Обязательным условием продуктивности является возникновение проблемной ситуации (принятие цели, актуальной для субъекта) и дальнейшее ее разрешение.

Разработка продуктивных задач и создание максимально благоприятных условий (благоприятных не для ученика, а в педагогическом плане) требует от учителя специальной работы с потенциальными участниками конкурса, а именно выполнения роли тьютора — консультанта, помогающего каждому своему ученику активно расти, развиваться, становиться творческой личностью. Для учителя важными становятся компетенции построения продуктивного взаимодействия с социальными партнерами, с различными общественными организациями, реализация социально-гуманитарной задачи, направленной на расширение границ социального взаимодействия школы, на повышение ее открытости.

Одним из перспективных направлений реализации идей продуктивного обучения в рамках внеурочной деятельности являются как раз игровые конкурсы и, в первую очередь, речь идет о конкурсах, которые были основаны Марком Ивановичем: «Золотое руно» по истории культуры, «British Bulldog» по английскому языку, «Пегас» по литературе и другие. Наиболее распространенная форма таких конкурсов представляет собой выполнение теста, содержание которого связано с конкретной предметной областью.

Игровые конкурсы по своей структуре и организации в достаточной степени похожи, однако особого внимания заслуживает именно конкурс «Золотое руно», тем более что в разработке его формы и содержания в первое время Марк Иванович принимал очень активное участие.

При разработке содержания конкурса «Золотое руно» основной акцент делается не столько на память и знания, полу-

ченные в рамках изучения школьной программы, сколько на умении участников работать с новой информацией, определять круг возможных источников, производить поиск данных, сравнивать, анализировать. Такая форма учебного испытания позволяет участникам творчески подходить к решению вопросов, самостоятельно искать и находить новую полезную информацию.

Таким образом, решаются важнейшие педагогические задачи, которые Марк Иванович формулировал так: «связь с основной урочной деятельностью, формирование целостной образовательной среды, соединяющей потенциал образовательного учреждения, семьи и различных институтов общества, развитие информационной среды, обеспечивающей доступ школьников к широкому спектру возможностей индивидуального развития, система подготовки учителей к использованию различных форм внеурочной деятельности».

Важнейшая особенность конкурса — «семейный» формат, который предполагает решение вопросов участниками дома в выходные дни. Во время выполнения заданий можно пользоваться различными источниками информации, включая словари, энциклопедии, научную и художественную литературу, а также обращаться за помощью к родственникам и друзьям. Такой формат позволяет найти новые возможности общения и взаимодействия в семье, с одноклассниками и учителями. Для многих участников конкурса и их родителей главным достоинством конкурса является возможность интересно провести пару вечеров, вместе отыскивая ответы на вопросы.

Так же как и в других сферах деятельности, в сфере развития познавательных способностей большое значение имеет спектр возможностей, с помощью которых достигается желаемый результат. Именно здесь коллективная работа приносит максимальную пользу, поскольку, чем больше и разнообразнее коллектив, тем больше методов и способов решения задач

может быть использовано в процессе. Для кого-то более приемлемы объяснительно-иллюстративные методы, для кого-то проблемные, для кого-то исследовательские. Какие-то задачи решаются сразу, некоторые требуют подробного изучения, проработки нюансов. В таких ситуациях очень важна роль взрослых: они могут акцентировать внимание на необходимости, например, сопоставления фактов, выявления причинно-следственных связей, обобщения данных. Взрослые могут также управлять организацией работы — проведением мозгового штурма, дискуссий и т. д.

Конкурсные задания часто выходят за пределы школьной программы, и это является одним из условий организации этого проекта. Они могут показаться очень сложными, особенно тем, кто участвует впервые, но, чтобы этого не произошло, к конкурсу можно и нужно подготовиться — ознакомиться с темой, которая объявляется в начале учебного года, и заданиями предыдущих конкурсов. Тема конкурса объявляется для того, чтобы потенциальные участники смогли подготовиться, почитать соответствующую литературу, посетить какие-то выставки, в том числе и виртуальные.

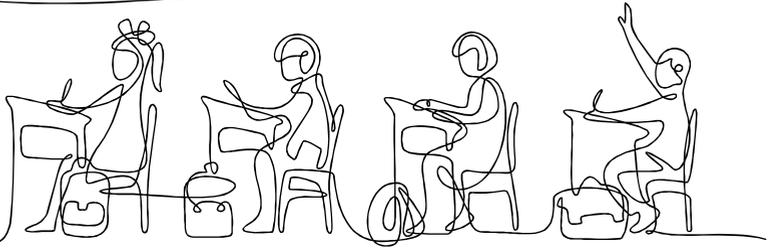
Материалы, представленные в заданиях, доступны для восприятия школьников, хотя участникам из младших классов, конечно, необходима помощь родителей и старших товарищей. Поддержка участников может выражаться в том, чтобы заранее подготовить литературу, подобрать статьи о наиболее видных деятелях и значимых событиях. Во время выполнения заданий следует обратить внимание на критерии, по которым можно осуществлять поиск ответа, и при случае делиться с участниками своими знаниями. Очень важно не усложнять вопросы: ответы на многие из них можно найти в словарях и энциклопедиях, в текстах сказок, в биографических статьях, в описаниях, размещенных на официальных интернет-сайтах музеев, картинных галерей и т. п. Буклеты с заданиями остаются у уча-

стников, на сайте проекта опубликованы все архивы, так что к отдельным вопросам можно возвращаться в будущем, и не один раз.

Несмотря на то, что главная цель конкурса познавательная, все же это конкурс, то есть в какой-то мере соревнование. Кто-то стремится ответить на все вопросы, кто-то впервые узнает о множестве занимательных фактов, кто-то в процессе поиска ответов увидит вещи еще более интересные и откроет для себя новые рубежи и горизонты, неведомые ранее.

Таким образом, идея Марка Ивановича Башмакова реализовалась в проект, в котором в 2010–2014 годах ежегодно участвовало порядка полумиллиона школьников из более чем 10 000 образовательных организаций. В последнее время аудитория уменьшилась, но все равно в нем ежегодно участвуют сотни тысяч школьников, родителей и учителей, для которых конкурс — это нечто большее, чем развитие познавательных возможностей, поскольку он усиливает интерес к мировой художественной культуре и привлекает к образованию всех членов семьи.

45-й интернат и Классическая гимназия

Счастье плодотворного общения

Михаил Горяев

Педагогическая деятельность, практически всегда сопутствующая деятельности ученого, началась у Марка Ивановича Башмакова еще в университетские годы и охватывала широкий спектр областей педагогики. Создание интерната — это звено в цепи тех университетских акций, которые имели общее название «работа со школьниками». На математико-механическом факультете Ленинградского университета, благодаря позиции таких выдающихся ученых, как В. И. Смирнов, А. Д. Александров, Д. К. Фаддеев, С. В. Валландер, Г. М. Фихтенгольц и многих других, работа в школе рассматривалась не как второсортная общественная деятельность, а как важнейшая часть становления современного ученого. Объединение с физиками (можно упомянуть таких легендарных организаторов науки как И. К. Кикоин, Я. Г. Зельдович, М. А. Лаврентьев и др.), пользовавшимся большим влиянием в партийно-правительственных кругах, позволило поставить такие воп-

росы, которые шли вразрез с официальной школьной практикой. Появление специализированных классов и школ противоречило концепции единого уровня образования и было бельмом на глазу чиновников от образования. Инициаторами подобных мероприятий выступали совсем молодые люди, студенты и аспиранты, ученики ведущих профессоров.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов М. И. Башмаков являлся инициатором ряда проектов в образовании: система кружков и юношеских математических школ, система предметных олимпиад. Используя опыт Новосибирского научного центра, самостоятельно открывшего свою школу, в начале 1963 года было составлено письмо о целесообразности открытия специализированных интернатов при крупных университетах. В итоге по инициативе и при активной поддержке академиков АН СССР А. Д. Александрова, А. Н. Колмогорова и М. А. Лаврентьева появилось Постановление Совета Министров СССР (№ 905 от 23 августа 1963 г.), по которому при крупнейших университетах страны в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске были созданы средние учебные заведения нового типа. Это были специализированные школы-интернаты естественнонаучного профиля, призванные осуществлять подготовку школьников на более высоком, чем в обычных школах, уровне.

М. И. Башмаков был одним из тех, кто внес наибольший вклад в организацию и становление специализированной школы-интерната № 45 при Ленинградском государственном университете. Будучи председателем комитета по организации школы, он руководил всей подготовительной работой и участвовал сам в определении места размещения школы, подборе преподавателей и воспитателей, отборе учеников из республик и областей Северо-Запада страны, подготовке необходимых документов и в решении других многочисленных вопросов. Меньше, чем за два месяца, прошедшие со времени изда-

ния решения Правительства, все проблемы были решены, и 16 октября 1963 г. школа-интернат начала свою работу в полном объеме.

М. И. Башмаков был первым председателем приемной комиссии, он сам ездил по областям Северо-Запада страны для набора учеников в интернат, им была предложена первая программа по математике и составлен учебный план, который сильно отличался от общепринятого и оказался весьма стабильным. Впоследствии он в течение семи лет преподавал в школе-интернате. Именно в первые годы работы интерната были заложены научные и методические основы обучения в школе, которые со временем составили гордость педагогической науки. В последующие годы через интернатскую школу преподавания прошло много выпускников университета, для которых этот этап жизни стал важнейшей вехой в их научном росте и личностном становлении.

Позже об этом периоде многолетний завуч интерната № 45 Г. М. Ефремов писал: «О ком хочется сказать особо — так это о Марке Ивановиче Башмакове. Удивительный человек! Школа была, по сути, его детищем — всю основную подготовительную работу перед ее открытием сделал он, а затем, до начала 70-х гг., определял всю стратегию преподавания математики в школе».

В первый год работы интерната Марк Иванович в основном занимался организационными делами. Особое внимание он уделял подбору преподавателей, причем не только профилирующих предметов (математика, физика, химия, биология), но и гуманитарных дисциплин. Главными принципами, которыми руководствовался Марк Иванович при выборе учителей, были молодость, активная научная работа и желание передать свои знания подрастающему поколению. Так в интернат в первые два года пришли студенты старших курсов и аспиранты матмеха А. В. Яковлев, В. А. Гусев, Н. А. Фомина, Ю. И. Ионин,

А. И. Плоткин, Э. Д. Глускина, Б. З. Докторов, Ю. А. Давыдов, Э. Л. Герловин. Все они в дальнейшем успешно занимались научной и педагогической деятельностью.

М. И. Башмаков в те годы был секретарем комсомольской организации университета и был напрямую вхож к деканам всех факультетов ЛГУ, чем активно пользовался при наборе учителей в интернат. Так, по совету декана физического факультета он пригласил в школу молодых аспирантов и преподавателей Б. С. Монозона, В. К. Кобушкина, А. С. Кондратьева и Л. Н. Савушкина. Аналогичным путем в интернат пришли молодые химики А. В. Суворов, А. С. Днепровский, В. М. Зайцев, В. С. Караван и биологи Л. А. Попова, Ю. В. Широков, Е. А. Нинбург. Следует отметить, что и сам декан биолого-почвенного факультета А. С. Данилевский неоднократно проводил занятия в школе и обязательно приезжал на летнюю выездную практику учеников интерната.

По приглашению Марка Ивановича в интернат пришли молодые учителя литературы Н. П. Королева, И. Г. Полубояринова, Н. П. Соболева, иностранных языков — Е. Г. Воробьева, Л. П. Ильницкая, В. П. Стратиевская, истории — Л. Ю. Меньшикова, Р. В. Знаменская, часть которых одновременно работала воспитателями и организаторами внеклассной работы. С легкой руки Башмакова в 45-й интернат перешли работать из существовавшего на его месте обычного интерната учителя физкультуры О. И. Дугин и Н. К. Гуткова и воспитатели В. А. Суйковская и Л. П. Романова. Впоследствии он говорил, что прекрасно помнит всех первых преподавателей интерната.

И в дальнейшем М. И. Башмаков постоянно уделял внимание развитию и совершенствованию преподавательского состава школы. Важной вехой в реализации этой задачи был 1968 год, когда по инициативе Марка Ивановича в интернат штатными учителями пришли его выпускники (тогда еще сту-

денты 3 курса университета): математики И. Екимов, Л. Курляндчик, В. Яковлев и физики А. Кучма, М. Горяев. Тогда на вечере, посвященном 5-летию школы, один из отцов-основателей интерната член-корреспондент АН СССР Д. К. Фаддеев с гордостью констатировал: «Школа начала работать на себя!». Впоследствии этот процесс под чутким и активным руководством Башмакова и его соратников, первых учителей интерната, успешно развивался, и многие выпускники в годы студенчества и аспирантуры получили хорошую практику преподавательской работы, а некоторые проработали в школе более продолжительное время.

Заметным шагом в развитии интерната было открытие в 1967 году по инициативе М.И. Башмакова набора учеников в 8 классы (до этого принимали школьников только в 9 и 10 классы). Об этом с особым удовольствием вспоминают те выпускники, кому посчастливилось учиться (и жить) в такой замечательной школе не два, а три года.

Марк Иванович заботился не только о жизни и обучении ребят в интернате, но старался всячески облегчить судьбу выпускников и после окончания школы. Следует отметить важные события в первые годы существования интерната, которые совпали с грандиозной реформой советского образования, предусматривавшей переход средней школы с 11-летнего на 10-летнее обучение. По этой реформе в 1966 году одновременно выпускались и 11-е, и 10-е классы, что автоматически практически в два раза увеличивало конкурс при поступлении в вузы. М.И. Башмаков добился в Министерстве просвещения разрешения начать выпуск 10-х классов в 1965 году, когда 45 интернат окончили два 11-х и четыре 10-х класса, а в 1966 из интерната выпустились всего 6 классов вместо 10 по общесоюзным правилам. Это существенно облегчало нам поступление в вузы из-за уменьшения конкуренции прежде всего среди интернатских выпускников.

11^а класс первого выпуска со своими учителями
на ступенях учебного корпуса 45-го интерната на ул. Савушкина, 61,
май 1965 г.

В течение первого года после открытия интерната Марк Иванович в основном занимался организационными школьными делами, а также разработкой новой программы по математике. А в 1964 году сам приступил к опробованию и непосредственной реализации этой программы. Нам несказанно повезло, что его выбор пал на наш класс. Необходимо отметить, что курс математики для всех математических классов нашего выпуска начался в актовом зале с достаточно понятных, но вместе с тем строгих лекций Дмитрия Константиновича Фаддеева, которого пригласил М.И. Башмаков. Помню, с каким интересом мы не только слушали эти лекции, но и потом уже после уроков оживленно обсуждали услышанное. С этого началось по задумкам Марка Ивановича привитие

у пока еще зеленых школьников математической культуры. И на своих уроках он был категорически против бездумного заучивания тех или иных положений алгебры и в конце концов приучил нас к замечательному правилу: «Я не знаю той или иной формулы, если не могу ее вывести, опираясь на основные положения математики».

В целом М. И. Башмаков был против механического перенесения положений университетских курсов в программу интерната. Выступая перед преподавателями, он говорил: «Наших ребят, многие из которых приехали из самых глубинок страны, надо учить в нормальной городской школе, а вы их ротом...». Марк Иванович не требовал от учеников никакой предварительной подготовки, кроме разве что умения писать и знания таблицы умножения, и на своих уроках постепенно и терпеливо «вдалбливал» в наши головы основополагающие азы математики с тем, чтобы мы созрели к восприятию более сложных и глубоких положений этой науки. А для созревших он пригласил из университета молодых, но продвинутых ученых и организовал во внеурочное время занятия по специальным курсам, которые с интересом посещало достаточное количество школьников.

М. И. Башмаков уделял огромное внимание такому аспекту внеурочной деятельности, как олимпиадное движение. Имея большой опыт организации олимпиад различного уровня, он вместе со своими сподвижниками начал проводить по выходным достаточно регулярно олимпиады в школе, которые с его подачи приравнивались к районным, поэтому успешно выступившие на этом уровне напрямую попадали на городскую олимпиаду. По результатам городского тура с первых лет интерната его ученики включались в городскую команду на Всесоюзные олимпиады и завоевывали там призовые места. А с 1967 года вместе со своими соратниками из Москвы и Новосибирска Марк Иванович добился того, что школы-интернаты при университе-

тах получили право выставлять свои команды по математике и физике наряду с региональными на Всесоюзные олимпиады. В 70-х годах и математики, и физики регулярно занимали призовые места как на Всесоюзных, так и на Международных олимпиадах. Необходимо отметить, что в отдельные годы, и городская, и команда 45-го интерната по математике целиком формировались из воспитанников интерната.

М. И. Башмаков заботился и об общекультурном развитии учеников интерната. Приглашенные им историки Р. В. Знаменская и Л. Ю. Меньшикова весьма эффективно организовывали нашу внеурочную жизнь, используя все богатства прекрасного города. Это были регулярные экскурсии в Эрмитаж и Русский музей, посещения театров и т. п. В интернат с концертами неоднократно приходили В. Ларионов, С. Юрский, Л. Гительман и другие замечательные артисты и деятели культуры Ленинграда. Да и сам Марк Иванович иногда проводил в нашем актовом зале музыкальные вечера, на которых зажигательно рассказывал о жизни и творчестве великих композиторов, сопровождая это собственной игрой их произведений на фортепиано.

Важнейшим компонентом внеурочных занятий в интернате были туристические походы, начало которым положил М. И. Башмаков. Он был внештатным классным руководителем нашего класса и организовал для нас первый двухдневный поход по Карельскому перешейку перед экзаменами в конце девятого класса. Мы прошли по чудным лесным дорогам более пятидесяти километров, сами готовили еду, разбили палатки и провели незабываемый вечер у костра с песнями Б. Окуджавы и А. Галича, которые знал и пел нам Марк Иванович. Уже единожды вкусивших трудности и прелести туристской жизни, нас не надо было в дальнейшем уговаривать на следующие походы. В десятом классе мы ходили дважды: в сентябре и начале мая. Во время весеннего похода в лесах

еще кое-где лежал снег, а на небольших речках сильно поднялась вода. Через одну из таких речек нам нужно было перебраться, а небольшой мостик был скрыт под водой. Мы сняли обувь и по колено в воде вброд перешли речку, а Марк Иванович перенес на своих плечах почти всех наших девочек.

Этими походами была заложена хорошая интернатская традиция, которую впоследствии поддержали и другие преподаватели школы, ходившие со своими учениками по Карельскому перешейку. Наш же класс и после окончания школы все студенческие годы продолжил ежегодно отправляться в походы. Почти всегда в них участвовал Марк Иванович, во всяком случае, по части разработки маршрутов этих походов (однажды даже прислал свой вариант из Парижа, где он в то время занимался научной работой), так что за годы школьной и студенческой жизни мы обошли практически весь Карельский перешеек.

Первый поход 9^в класса на Карельский перешеек, май 1965 г.

Такие походы сыграли немаловажную роль в формировании дружного коллектива нашего 10^В класса, который сохранился и до сих пор. Уже после окончания школы и университета помимо естественных эпизодических контактов в различных келейных составах хорошей традицией стали регулярные встречи всего класса. Практически каждый год по случаю годовщины интерната 16 октября или на день рождения Марка Ивановича мы собирались и с огромным удовольствием проводили время в теплой дружеской обстановке. На эти встречи старались приехать и наши одноклассники из других городов, а при невозможности очного присутствия некоторые звонили по телефону, поздравляли собравшихся и делились своими новостями. Марк Иванович интересовался изменениями в жизни своих учеников и всегда просил подробно рассказы-

10^В класс выпуска 1966 г.

Встреча 10^В класса у М. И. Башмакова, октябрь 1984 г.

вать об этом, при необходимости давая очень полезные советы. А сам делился воспоминаниями из истории интерната и сообщал о своих свершениях за последнее время, кои каждый раз поражали нас разнообразием и масштабами.

В заключение следует сказать, что для выпускников первых лет 45-го интерната (да и для последующих выпусков) само это понятие неразрывно связано с именем Марка Ивановича. Для многих учеба в нашей замечательной школе и прямые контакты с ним определили дальнейшую судьбу. В особенности это относится к выпускникам 10^В класса 1966 года, птенцам гнезда Башмакова, для которых он был отцом родным и сделал каждого из нас тем, кто называется Человеком Разумным. И мы всегда будем несказанно благодарны за выпавшую из рук Марка Ивановича манну небесную в виде интерната и счастье тесного и плодотворного общения с таким Великим человеком.

Жизнь вокруг учебы

Нина Васюнина (Ракушева)

Слушая выступавших во время прощания с Марком Ивановичем на Серафимовском кладбище, мы узнали о нем неизвестные нам раньше факты, и это несмотря на то, что в течение 58 лет многие из нас виделись с ним практически ежегодно на встречах нашего класса и знали о переменах в его жизни и новых направлениях его деятельности. Узнав его впервые в 1964 году и потом более чем полвека регулярно встречаясь с ним, мы уже давно понимали, как нам повезло, что мы знаем этого уникального человека, но вряд ли кто-то из нас в полной мере представлял себе в деталях все, что он успел сделать. Это не удивительно, Марк Иванович был и энергичным и неутомимым человеком, у него было поразительно много разных интересов, и прожил он длинную жизнь, хотя, расставшись с ним навсегда, мы особенно остро ощущаем, что такие люди должны жить гораздо дольше, его активная жизнь всегда была подарком для окружающих. Трудно смириться с тем, что больше мы с ним никогда не увидимся. Память протестует, высвечивая разные эпизоды из нашего с ним общего прошлого, и он в этих воспоминаниях всегда улыбающийся, доброжелательный, заботливый.

Сентябрь 1964 года, первый урок алгебры в нашем 9^в классе ленинградской школы-интерната № 45. В класс легкой походкой входит очень молодой человек в очках. Приветливая улыбка, непослушный ежик волос, негромкий, слегка хрипловатый голос. Он представляется, и оказывается, что Марк Иванович Башмаков не только наш учитель математики, но и классный руководитель. В прежней школе таких классных руководителей у меня не было. У него нет никаких ассоциирующихся с классным руководителем привычек и манеры общения с учениками. Он не организует политинформаций, не призывает

заниматься общественной работой. Но однажды утром, в октябре, появляется в классе, хотя в тот день у него не было уроков, и сообщает нам новость о снятии Хрущева Н.С. со всех занимавшихся им должностей, при этом Марк Иванович как будто успокаивает нас. Четырнадцатилетним подросткам, конечно, хорошо известны анекдоты о Хрущеве и претит словословие в его адрес, но известие об отстранении от власти не произвело на нас сильного впечатления, во всяком случае, на большую часть класса. Вспоминая этот эпизод, думаю, что Марк Иванович, прекрасно понимая значимость события, допускал, что новость может нас взволновать, и хотел сам сообщить нам о ней.

Класс по тем временам был небольшим, немногим больше 30 человек. Число учеников устоялось не сразу — у одной девочки с фарфоровым лицом и нежнейшим румянцем обнаружили во время медицинского осмотра затемнение в легких, продолжили обследование, и вскоре она уехала в противотуберкулезный санаторий. Ее место через некоторое время занял новый ученик, ранее не прошедший по конкурсу, а теперь приглашенный на освободившееся место. В нашем классе собрали ребят из Архангельской области, Коми АССР, Псковской и Новгородской областей, были и ленинградцы. Почти в каждом классе было несколько ленинградцев. Они, в отличие от приехавших издалека и не имевших родственников в Ленинграде, легче адаптировались к жизни в интернате хотя бы потому, что дом и родители, какие бы ни были с ними отношения, находились поблизости, и на выходные эти ребята уезжали домой. Но для многих новая жизнь началась с того, что теперь называют культурным шоком. Кто-то приехал из далеких деревень Приуралья и впервые в жизни познакомился с таким предметом быта, как наволочка на подушку. Они не вполне свободно говорили по-русски, застенчиво улыбаясь при попытке беседовать с ними. Этим ребятам особенно тяжело

было привыкать к жизни в ленинградском интернате, вдали от семьи, от привычного окружения. Другим было невыносимо отсутствие возможности закрыть за собой дверь и остаться одному, пусть и ненадолго. В первый год в одной из девичьих спален жили тринадцать человек из двух разных классов. И, когда была выделена комната для хранения чемоданов, получившая, естественно, название чемоданной, многие стремились получить от нее ключ, чтобы делать там уроки в одиночестве. Особенно популярной чемоданная становилась во время подготовки к экзаменам.

Нам всем приходилось осваивать новый способ существования, мы ежедневно решали множество задач, учебных и бытовых, и в то время, в потоке разнообразных дел, еще не отдавали себе отчета в значительности происшедшего с нами. Поступление в ленинградский интернат принципиально изменило возможные варианты развития нашей будущей жизни — и тех, кто приехал из дальней деревни или просто небольшого города, и уже живших до этого в Ленинграде. А человек, изменивший нашу жизнь, поразительно молодой для такого масштабного дела, как создание учебного заведения совершенно нового типа, с новой учебной программой, новым подходом к преподаванию, 27-летний Марк Иванович легко и непринужденно, как казалось при взгляде со стороны, продолжал не только учить нас математике, но и ненавязчиво опекать и развивать. В нем не было никакой нравоучительности, а неповторимая интонация подкупала всех. Уже годы спустя после окончания школы одна из встреч класса проходила в семье нашей одноклассницы, у которой подрастал сын-младшеклассник. Устраиваясь среди гостей за столом, он безошибочно выбрал место рядом с Марком Ивановичем и доверчиво его слушал, явно предпочитая всем остальным гостям. Но неизменная отзывчивость и простота в общении не отменяли ощущения дистанции между нами и нашим учителем, пиетет

к нему мы сохранили на всю жизнь, несмотря на то, что со временем двенадцатилетняя разница в возрасте потеряла свою внушительность.

Поступившие в интернат в прежних школах были одними из лучших учеников, а кто-то и лучшим, но не у всех учеба в новой школе идет гладко. Принять это и объективно оценить себя в четырнадцать лет сложно, у кого-то опускаются руки до степени отчаяния. Заметив это, Марк Иванович находил нужные слова для таких ребят, его психологическая поддержка помогла не одному ученику выбраться из временного провала и продолжить учебу в интернате. Излишне говорить, что о таких эпизодах мы узнавали от них много лет спустя.

Кажется, это были осенние каникулы. Те, кто жил не в самых далеких краях, уехали домой, кто-то, как я, к ленинградским родственникам, а ребята, которые не смогли поехать к родителям и не имевшие в городе родных, остались в общежитии. Проведя пару дней у родственников и вернувшись в интернат, я с завистью узнала, что в один из дней Марк Иванович приехал в школу и всех наших одноклассников, никуда не уехавших, повез к себе в гости, в комнату коммунальной квартиры, где он жил со своей мамой. Но и все остальные, кто в тот раз не был в гостях у Марка Ивановича, в течение многих лет после окончания школы смогли не один раз оценить его гостеприимство.

Субботний вечер, за окнами комнаты спального корпуса осенний мрак. Марк Иванович и его коллега, Плоткин Александр Исаакович, принесли проигрыватель и пластинки. На этот раз слушаем Баха. В перерывах между произведениями Марк Иванович и Александр Исаакович говорят о своих ассоциациях, вызванных музыкой. Говорят просто, даже как-то обыденно, но мы слушаем с интересом, проникаясь уважением к огромному пространству неизвестной для части из нас музыки прошлого.

В актовом зале учебного здания выступает известный чтец Ларионов, читает стихи перед полупустым залом — кому-то это не интересно, кто-то не может выбраться из плена домашних заданий, но актер читает так, как если бы перед ним был полный зал.

Пришли две молодые женщины-филологи, вокруг них человек десять-пятнадцать интернатских. Идет разговор о стихах, в беседе солируют старшекласники, а мы поражаемся тому, как много они знают.

Поездка в Эрмитаж, в театр или на музыкальный концерт случаются изредка — дорога в центр города такая долгая, домашних заданий так много... Но мы теперь живем в Ленинграде, и у нас есть эта возможность.

Марк Иванович собрал в школе увлеченных учителей, большинство из них молоды, практически все или выпускники, или аспиранты университета, и у них нет советского педагогического образования, что оказалось, скорее, достоинством. Среди старшего поколения учителей много колоритных личностей. И их, и молодых учителей я вспоминаю с теплым чувством и благодарностью. Это они приглашают Ларионова, организуют литературные вечера, поездки в музей и приносят билеты в театры и на концерты. Мы не задумывались о том, откуда это возникает, все воспринималось как естественный ход событий. Принципы организации нашего обучения и времяпрепровождения сформулировал, конечно, Марк Иванович. Умение организовать людей и, дав толчок некоторому делу, не заниматься потом мелочной опекой, встречается совсем не часто, но Марк Иванович это хорошо умел. При этом он не устранился от дел, чтобы только наблюдать издали, и в сложные моменты появлялся в нужном месте. Помню, как была удивлена, увидев Марка Ивановича в спальном корпусе во время эпидемии гриппа — болели многие, пришлось выделять отдельные комнаты для заболевших, изолируя их от пока здоро-

вых. Ситуация была напряженная, и Марк Иванович примчался в школу.

Весной девятого класса Марк Иванович повел нас в поход на Карельский перешеек. Не у всех уже был опыт походной жизни, мы учились устанавливать палатки, готовить еду на костре и, что важнее, эти непривычные дела в необычных условиях делали все вместе. В конце десятого класса Марк Иванович как-то признался нам, что «по отдельности» мы все ему нравимся, а вот вместе мы не так хороши, как хотелось бы. Очевидно, что это наблюдение он сделал в походах. Марк Иванович сказал нам об этом несмотря на то, что мы уже готовились покинуть школу и как единый коллектив переставали существовать, но впереди нас ждали другие группы разных людей, в которых предстояло жить, учиться или работать, и полезно было отдавать себе отчет в том, что у нас недостаточно навыков существования внутри коллектива.

За первый год жизни в интернате мы сроднились с ним и возвращаемся сюда следующей осенью, как домой. Кое-что изменилось, теперь у девочек нашего класса отдельная спальня, в ней нас всего восемь человек, это намного комфортнее, да и комната у нас другая, более уютная. Есть и огорчения, Марк Иванович больше не будет нашим классным руководителем, но заменившая его преподавательница немецкого языка очень милая, не помню никаких сложностей в наших с ней отношениях. Марк Иванович продолжает нам преподавать математику, ходить с нами в походы, и мы по-прежнему считаем его «нашим». В десятом классе время летит быстро, приближаются выпускные экзамены, после которых нас ждут вступительные. 1966 год был последним годом одиннадцатиклассного обучения, и по всей стране десятые и одиннадцатые классы выпускаются одновременно. Это означает, что конкурсы на вступительных экзаменах вырастают в несколько раз.

Наконец, выпускные экзамены позади, подошло время получения аттестата зрелости и выпускного вечера. В день выпускного вечера девочки достают подготовленные платья и туфли, с утра идут в парикмахерские, и некоторые возвращаются оттуда с немыслимыми «взрослыми» прическами. Из событий того вечера запомнились песня «Город детства», которую нежными голосами пели несколько наших одноклассниц, и Марк Иванович, танцующий сверхмодный, отчасти скандальный танец твист. Потом ночная прогулка на катере по Неве, возвращение в общежитие рано утром от места причала пешком через Петроградскую сторону по невероятно красивому безлюдному и бесшумному Кировскому проспекту. Время белых июньских ночей, дома и люди лишены теней, все окружающее изменило свой облик и стало немного странным. И то, что через несколько дней наша уже привычная жизнь в интернате заканчивается навсегда, тоже кажется странным.

Экзамены в университете начинаются в июле. Мы ненадолго разъезжаемся по домам, но довольно быстро возвращаемся в Ленинград, чтобы готовиться к вступительным экзаменам. Нас опять опекает Марк Иванович — в одной из аудиторий матмеха он проводит занятия, решая с нами множество задач. Эти занятия, шедшие вплоть до самого начала экзаменов, и дисциплинируют нас, и помогают восстановить рабочую форму, так легко исчезающую под летним солнцем. Когда экзамены, наконец, начинаются, Марк Иванович внимательно следит за нашими результатами, появляясь то на физфаке, то на матмехе.

Не все из нашего класса поступали и поступили в университет, но все-таки большинство. В основном поступали на матмех и физфак, хотя некоторые выбрали другие факультеты. Класс как бы рассыпался на несколько частей, и они не были монолитными — у всех появились новые знакомые, новые заботы, старые связи стали слабее. Тем не менее, остава-

лось ощущение общности, сохранившееся навсегда, всех нас в первую очередь объединяет то, что мы были учениками Марка Ивановича и стремились сохранить с ним связь. Он легко и охотно откликнулся на предложение пойти с нами в поход, встретиться классом по случаю очередной годовщины создания интерната, на просьбу дать книгу из своей библиотеки. Подчас взятая у Марка Ивановича книга была поводом встретиться с ним, возвращая ее. Встречи не были частыми, тем более удивительно, что Марк Иванович знал о том, как складывается жизнь практически всех наших одноклассников, искренне этим интересовался и так же искренне радовался или огорчался, узнавая те или иные новости.

Праздновалась очередная годовщина создания интерната. Все кресла в большом зале заняты, оставшиеся без мест толпятся вдоль стен и даже в проходах. На сцене довольно большая группа людей, среди них те, кто теперь руководит школой, представители городского чиновничества, приглашенные гости из Финляндии. Мы, несколько человек из нашего в-класса, сидящие рядом, начинаем искать в этой группе Марка Ивановича — как его, мелькавшего в толпе где-то в зале, может не быть на сцене? Да, он тоже там, в глубине сцены, а на переднем плане уже начинают выступать с официозными речами. Никто из выступающих не упоминает создателей интерната, первых его педагогов, а если судить по их речам, получается, что они сами и есть главные действующие лица, школа процветает благодаря им. Возникшее в нас недоумение сменяется возмущением, но мы ждем, когда, наконец, дадут слово Марку Ивановичу. Где-то к концу демонстрирующих энтузиазм, но скучнейших речей доходит очередь до Марка Ивановича. В отличие от предыдущих выступавших он, как всегда просто и естественно, произносит несколько фраз и через несколько минут оказывается неподалеку от нас в зале. Мы все торопимся с ним поздороваться, не рассчитывая, впрочем, на длитель-

ную беседу, потому что уже знаем, что он убегает в Эрмитаж на открытие очередной выставки книг из своей коллекции. В какой-то момент мы остались с ним вдвоем, и Марк Иванович, колеблясь, спрашивает, стоит ли сделать объявление об этой выставке. Конечно, говорю я, но он, посомневавшись, уходит. А меня по-прежнему переполняет чувство горечи от несправедливости по отношению к нему, хотя, кажется, сам Марк Иванович даже не обратил на это внимания, он поглощен мыслями о выставке. Не мы одни так остро отреагировали на бестактность современных руководителей школы — прямо из зала раздается громкий женский голос. Говорящая выражает удивление тем, что организаторы не представили собравшимся создателя школы и предлагает всему залу поприветствовать Марка Ивановича и сказать ему спасибо. Те, кто ее услышал и разобрал слова, начинают аплодировать, но Марка Ивановича в зале уже нет, он умчался в Эрмитаж. О тех, кто произносил речи со сцены, я не знаю ничего, кроме того, что они умеют составлять и декламировать формальные фразы, совершенно не нужные невольным их слушателям, но думается, что среди них нет никого, сравнимого по масштабу личности и таланта с Марком Ивановичем, и, по-видимому, они не в состоянии оценить своего предшественника.

Вспоминается еще одно официальное мероприятие, на этот раз открытие в Эрмитаже, в здании Главного штаба зала «Кабинет книги художника». Часть своей коллекции книг Марк Иванович подарил Эрмитажу, для нее отвели отдельный зал. Открытие сопровождается короткими выступлениями, после представителей Эрмитажа говорит Марк Иванович, и, как всегда, это естественная речь, скорее рассказ, интонация которого выгодно отличает его от предшествовавших выступлений.

Выставлять в Эрмитаже книги из своей коллекции Марк Иванович начал за несколько лет до организации зала «Кабинет книги художника». По первым таким выставкам он сам

проводил экскурсии раз в неделю. На одной из них какая-то посетительница задала вопрос, и прозвучало слово «коллекционер», но Марк Иванович, отвечая, пояснил, что он не коллекционер, а исследователь. Так он оценивал эту свою деятельность и хотел, чтобы другие это понимали и смотрели на выставки из его собрания как на результат исследовательской работы.

Прощаясь с Марком Ивановичем холодным апрельским днем, один из его многочисленных коллег по педагогической деятельности заговорил о том, что Марк Иванович, в свое время руководивший многотысячной комсомольской организацией университета, был совершенно неидеологизированным человеком. Эта краткая и абсолютно точная фраза называет то, что мы всегда чувствовали, общаясь с Марком Ивановичем, но не пытались сформулировать это его свойство. Казалось бы, что естественнее для человека с глубоким независимым умом и необъятным кругом интересов, как отсутствие идеологических рамок, но, конечно, так бывает не всегда.

Мы выросли, пришло время — начали заметно стареть, а Марк Иванович был все тот же, с легкой стремительной походкой, открытой улыбкой, с ворохом новых идей и стремлением о них рассказать, показать редкую книгу, пригласить в Эрмитаж на очередную выставку книг из своего собрания. Марк Иванович был удивительно разносторонним человеком, о его многочисленных интересах и достижениях уже не раз сказано и написано. Но если бы нужно было охарактеризовать его одним словом, я бы сказала, что он — просветитель. Всю свою жизнь Марк Иванович с необыкновенной душевной щедростью делился своими идеями и знаниями со всеми. Редкостно образованный, высокопрофессиональный во всех своих увлечениях, он был лишен снобизма, в любой аудитории относился с доверием к способности собеседников и слушателей понять его и с подкупающе естественной интонацией,

в которой никогда не было и тени пафоса, с мягкой интеллигентной настойчивостью рассказывал, объяснял, показывал. Думая о нем, неизменно испытываю чувство благодарности и восхищения.

Центр притяжения

Вячеслав Хомутников

Я много слышал/читал о многих ярких его делах: полном курсе математики для школьников, работах в совершенно неожиданных местах и странах. А много ли на свете людей, которые способны сделать подарок Эрмитажу, такой, который был бы с благодарностью принят? Он это все мог! Но я все это время был не рядом, хотя всегда считал/чувствовал Марка очень близким человеком. Поэтому могу и вправе писать только о его величайшей роли в моей личной жизни. Ну и в жизни многих моих друзей-одноклассников.

Марк «сделал» 45-й интернат! Ну да, там большие академики участие принимали, а он был еще аспирантом. Но понятно, что практическая часть работы была им сделана, все знают, как академики организуют/обеспечивают/руководят... Интернат — это первое, что начертило жизненный путь мой и многих-многих других детей, туда попавших. Что до меня, я прекрасно учился первые 8 лет (в сельской школе Архангельской области), но только интернат впервые показал мне ту красоту математики и математических теорий, которая осталась со мной на всю жизнь. До сих пор помню не содержание, но дух и красоту лекций Д.К. Фаддеева по алгебре и А.В. Яковлева по основам интегрального исчисления.

Несмотря на то, что Марк Иванович не каждый день был в школе, он всегда был ее душой, всегда был впереди. Помню первый «последний звонок» в Интернате. Это весна 1965 года,

первый выпуск 10–11-х классов. Там был исполнен красивый, яркий (костюмированный) «фигурный вальс». Исполнен был выпускниками, но первой парой шли Марк Иванович с Людмилой Юрьевной!

Марк «сделал» наш «В»-класс! Не знаю, почему нам так повезло... Конечно, интернатская жизнь сближает заметно больше, чем просто класс в школе, но и в Интернате таких классов очень немного, насколько мне известно... Не могу сказать, что я помню его уроки алгебры. Он сделал наш класс (на мой взгляд) походами. Он сделал наш класс бардовскими песнями, а были тогда практически только Галич и Окуджава. Ему удалось сплотить нас и какими-то честными разговорами, и совместной походной «работой». Много ли есть школьных классов, которые продолжают с интересом и удовольствием общаться уже почти 60 лет! Конечно, большая заслуга в этом принадлежит и Мише Горяеву, и нашим замечательным девочкам, но центр притяжения — это Марк Иванович. Хотя он даже формально не был нашим классным руководителем.

Ну и, наконец, так получилось, что именно Марк Иванович определил весь мой жизненный путь после школы. Где-то в середине выпускных экзаменов мне, одному из трех выпускников (а выпуск был порядка 150 человек), было предложено ехать в Москву и поступать в УДН им. П. Лумумбы. При всем интернатском воспитании я же был вполне советский мальчик — не принято было отказываться, я согласился. А после выпускного вечера у нас была прогулка на теплоходе по Заливу. И там выяснилось, вполне себе случайно, что Марк не знал об этом. И с удивлением сказал: «Это тебе зачем? Почему не матмех?» Мол, подумай... Его слово весило много! И на следующее утро я поехал и сдал билет в Москву и подал документы в ЛГУ. Матмех, конечно, только укрепил во мне осознание красоты математики. Я не стал Математиком, но моими любимыми лекторами остаются (увы, уже ушедшие)

В. А. Рохлин и Л. Д. Фаддеев. И за матмех я бесконечно Марку благодарен.

А еще он был большой Альпинист. Уже в возрасте около 70 он последний раз участвовал в зимнем восхождении на Монблан. Я в молодости чуть-чуть в горы походил на Кавказе и, думаю, понимаю и великое удовольствие от этого, и большую работу. Он мог все!

Вот и все, пожалуй... Вечная память!

Подарок судьбы

Любовь Григорьева (Пантелеева)

Марк Иванович — это подарок судьбы! И не только мне, но и всем моим одноклассникам 9–10^В класса 1966 года выпуска школы-интерната № 45 при ЛГУ. Я думаю о нем с удивлением, восхищением, обожанием и с благодарностью. Марк Иванович дал нам тепло и свет в этом большом, красивом и тогда совсем незнакомом большинству из нас Ленинграде. Марк Иванович показал нам красоту природы (походы в Карелию), красоту звуков (посещение филармонии и театров), красоту и загадочность души человека (книги, картины, выставки). Кажется, он чувствовал свою ответственность за нашу судьбу. Давал советы именно тогда, когда мы в них нуждались. На выпускном вечере он спросил о моих планах и, узнав, что я собираюсь поступать в Гидрометеорологический институт на океанологию (так как там принимали на эту специальность и девочек), посоветовал мне поступать в наш Университет, сказав, что одну-двух девочек (по-видимому, для «облагораживания» парней) на каждый курс на океанологию тоже принимают. Так я оказалась в замечательной группе океанологов, в семье, с которой я связана и сейчас.

Марк Иванович сдружил наш класс на всю жизнь. Он устраивал нам праздники и у себя дома, и в филармонии, и в библиотеке, и в музее на выставках.

Уверена, что такого Учителя, как наш Марк Иванович, ни у кого не было.

Огромное ему спасибо!

Для меня он здесь

Николай Васильев

О Марке Ивановиче невозможно говорить в прошедшем времени. Его связь с реальной жизнью настолько многообразна, впечатляюща и масштабна, что можно гордиться быть его учеником. Именно благодаря ему был предопределен мой жизненный путь.

Впервые я познакомился с Марком в 1964 году на вступительных экзаменах в 45-й интернат для ленинградцев, где он дал мне задачу, которую я не смог решить до конца. Такого со мной не было никогда. Задача, однако, решалась одним рассуждением, «на коленках». Я негодовал: ведь это «запрещенный прием»! С физикой было лучше, и я поступил в 9^В класс. Нашему классу посчастливилось: Марк Иванович стал нашим классным руководителем. Удивительно, что он взял на себя это бремя, имея столько забот по организации интерната, преподавая в Ленинградском университете (ЛГУ) и занимаясь научной работой и общественной работой в университетском комитете комсомола. Через Марка Ивановича мы прониклись университетским духом, хотя было непросто. Незабываемы наши традиционные походы на праздниках 9 мая, которые продолжились и в университете. Общение с природой и песней стало у меня в дальнейшем одним из дорогих подарков, который дал именно он. И сделал это очень просто.

Теперь ясно, как много усилий делал Марк Иванович, чтобы мы поднялись на университетский уровень по математике для поступления на матмех или физфак ЛГУ. Ведь это был самый высокий уровень в Ленинграде, а математическая и физическая школы успешно соперничали с московскими и новосибирскими школами в 60-е и 70-е годы прошлого столетия.

В трудные 90-е наш класс снова стал собираться и встречаться с Марком Ивановичем у него на квартире, чаще на Каменноостровском. Мы теряли навсегда своих одноклассников, но из далеких стран или наших губерний приезжали разъехавшиеся или выходили на связь наши одноклассники. Центром притяжения всегда был Марк. Он всегда был хлебосольным, на «острие» своих начинаний, интересовывал нас ими. К тому времени это был человек мира в лучшем смысле этого понятия. Он довольно рано оставил математику, будучи доктором физико-математических наук, но расширил свою деятельность на педагогику, создав уникальную систему обучения математике с начального уровня до университетского. Она получила мировое признание как «Кенгуру». Я думаю, во всех делах — в альпинизме, масштабной общественной деятельности, науке, искусстве «Художник и Книга» — он был вдохновителем, генератором идей и активным деятелем, на него всегда можно было положиться, как на самого себя. А скольким нашим университетским преподавателям он помогал получить контракты и гранты за рубежом! И меня наставлял и объяснял, как обойти трудности на своем примере.

Я не могу и не хочу представить его где-то на небесах, для меня он здесь.

Татьяна Лихолетова (Щербакова)

* * *

Что камертон для музыканта,
То Вы для нас!
В аккорде брать без фальши ноты
Учили класс!

Неважной не было работы,
Как нет сейчас:
Походы, лекции и книги —
Все в добрый час!

Всегда мы будем помнить школу,
Взгрустнем не раз,
В сердцах носить неистошимый
Тепла запас...

Наш каждый день в созвучье с прошлым
И каждый час!
Пусть пролетает год за годом,
Мы любим Вас!

1990-е годы

Башмаков и Классическая гимназия № 610

С.В. Бурячко

Какую роль в создании гимназии сыграл Марк Иванович Башмаков? Почему обратились к нему?

Собственно, к созданию гимназии в 1989 г., когда два гимназических класса с особой программой занимались на базе школы № 30, Марк Иванович непосредственно не имел отношения. Первый учебный год 1989/90 гимназия прожила отно-

нительно спокойно внутри 30-й школы. Однако к весне встал вопрос, что делать дальше? Остаться в недрах 30-й школы было невозможно по чисто хозяйственным соображениям: у школы были свои планы, и содержать еще два класса она не могла. Надо было либо окончательно интегрироваться в 30-ю школу с ее образовательной программой, либо выходить в самостоятельное плавание. Совет гимназии принял решение об отделении от 30-й школы, то есть в отдельную государственную школу. Это было историческое решение, предопределившее все дальнейшее развитие гимназии. Решение было поддержано городскими властями. В январе 1990 г. был избран новый состав Ленсовета (21 созыва). Победу на выборах одержали Демократические выборы-90 и Ленинградский народный фронт. Марк Иванович Башмаков был избран депутатом Ленсовета и стал председателем комиссии по науке и образованию. Надо сказать, что Марк Иванович всегда очень внимательно относился к проблемам школьного образования, был автором замечательных школьных учебников по математике, являлся одним из создателей и преподавателей знаменитого 45-го интерната при ЛГУ. Идея гимназии его увлекла. Кроме того, в гимназии уже работали его коллеги по 45-му интернату, в частности, Людмила Юрьевна Меньшикова, с самого начала преподававшая в гимназии латинский язык. Короче говоря, Ленсовет с подачи Башмакова, а также депутаты Съезда народных депутатов СССР А. А. Собчак и Ю. Ю. Болдырев направили в Исполком Ленсовета письмо с призывом поддержать инициативу гимназии и открыть школу — Ленинградскую классическую гимназию. Что и было сделано соответствующим решением Ленгорисполкома. Так гимназия получила номер 610.

Во время нового набора учеников конкурс превысил все ожидания: на 50 объявленных мест пришли более 600 кандидатов! Все это имело большой резонанс в ленинградских СМИ.

Однако в результате бюрократических игр и игр с собственностью гимназия не получила собственного здания. Формально за гимназией было записано здание в Дзержинском районе, но абсолютно не пригодное для реализации образовательного процесса. Так мы прожили до конца августа 1990 г. И уже перед самым 1 сентября гимназию временно поселили в здании РОНО Петроградского района на Большом пр. П. С., 59, где мы и заняли помещения методического кабинета на втором этаже.

С этого времени я начал работу в гимназии в качестве учителя математики, то есть на второй год ее существования. Со мной в гимназию пришел и Марк Иванович. Мы взяли шестые классы и вели уроки попеременно. Тогда по сути и сформировалась в гимназии программа по математике. Она и сегодня сильно отличается, например, от программ физматшкол, таких как 30, 239, ФТШ и др. Я помню уроки Марка Ивановича. Они меня завораживали. Он представлял обучение детей в школе как единое целое, и то, о чем он говорит в 6-м классе, например, обязательно найдет отклик в 11-м. Он был, конечно, блистательный педагог! Не все и нам удалось реализовать, но благодаря Марку Ивановичу в нашу программу вошли такие нетрадиционные разделы, как теория чисел, логика, графы и т. п.

Первое полугодие 1990/91 учебного года мы прожили в помещениях РОНО относительно спокойно, но потом сменилось руководство РОНО и Петроградского района, и нас стали выселять совсем, прямо скажем, не цивилизованными способами: по ночам в школе разбирали полы, днем приходили наряды милиции, донимали СЭС и пожарные. Двери наутро опечатывали. С подачи Марка Ивановича в гимназии ежедневно дежурили депутаты Ленсовета. В самые критические моменты Марк Иванович, будучи одновременно заведующим кафедрой высшей математики ЛЭТИ, любезно предоставлял нам помещения для уроков. Это был, пожалуй, самый драма-

тичный период в истории гимназии! Утром мы вели уроки, а потом просто дежурили в Ленсовете (Мариинском дворце, куда вход тогда был свободным!). У Марка Ивановича было много забот, но ему удалось организовать заседание президиума Ленсовета (был такой орган!). Председательствовал Анатолий Собчак, к тому времени избранный председателем Ленсовета. Это долго описывать, но в результате здание по Большому пр. П. С., 59, было передано гимназии решением Ленсовета. Мы как-то дожили учебный год, а летом 1991 года, в дни путча, нам было передано нынешнее здание на Петроградской стороне на Малом пр. (пр. Щорса тогда!), 9/6. Решающую роль здесь сыграло вмешательство академика Александра Александровича Фурсенко, бывшего тогда руководителем Ленинградского научного центра АН СССР.

Какое участие принимал Марк Иванович в дальнейшей жизни гимназии?

В дальнейшем Марк Иванович ушел из политики и, как я понимаю, увлекся другими видами деятельности. Им был создан Институт продуктивного обучения, организовавший массовые олимпиады школьников — «Кенгуру», «Русский медвежонок» и др. Увлечение коллекционированием редких книг сделало его руководителем отдела редких книг Государственного Эрмитажа. С этого времени сотрудничество с гимназией возобновилось. Марк Иванович успел сделать в гимназии две замечательные выставки, ставшие событием не только в гимназии, но и вообще в культурной жизни Санкт-Петербурга. Это выставки иллюстраций С. Дали к книге «Алиса в стране чудес» и иллюстраций Ж. Брака к поэме Гесиода «Теогония». К сожалению, преждевременная кончина Марка Ивановича прервала эту традицию.

На выставке «Шедевры мастеров парижской школы».
Краснодар, 2017 г.

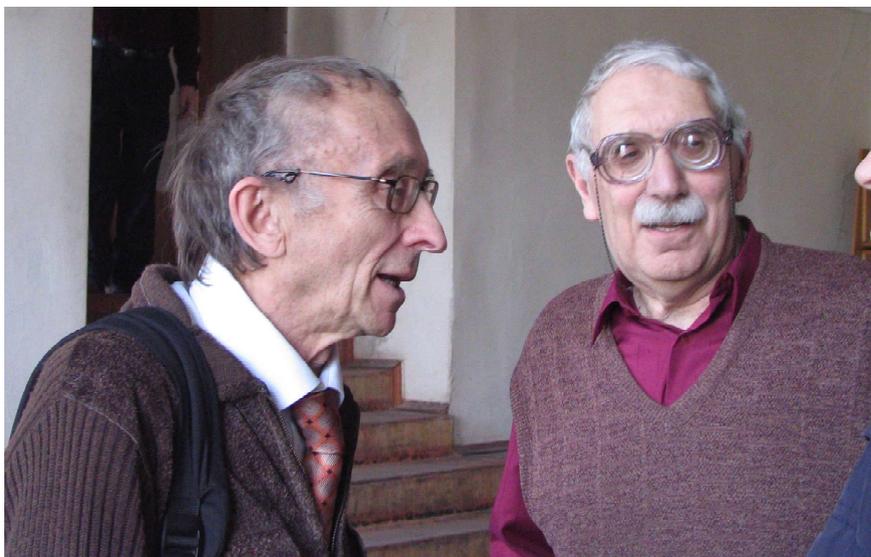
Премия «Книжный червь» на XIII Международном Книжном салоне.
Михайловский Манеж, Санкт-Петербург, 2018 г.

На открытии постоянной экспозиции «Кабинет книги художника»

Зал с коллекцией книг М. И. Башмакова в Эрмитаже

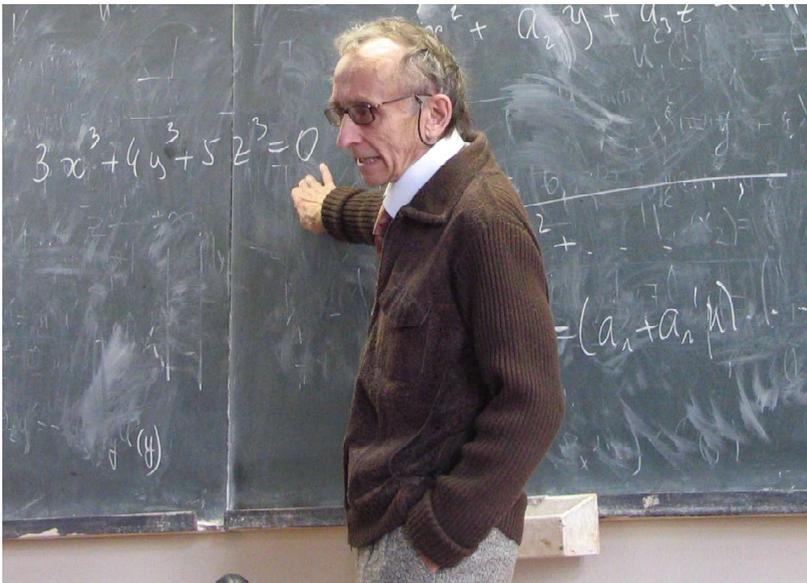
В Петербургском отделении Математического института
им. В. А. Стеклова с В. П. Хавиным

За обсуждением педагогических проблем

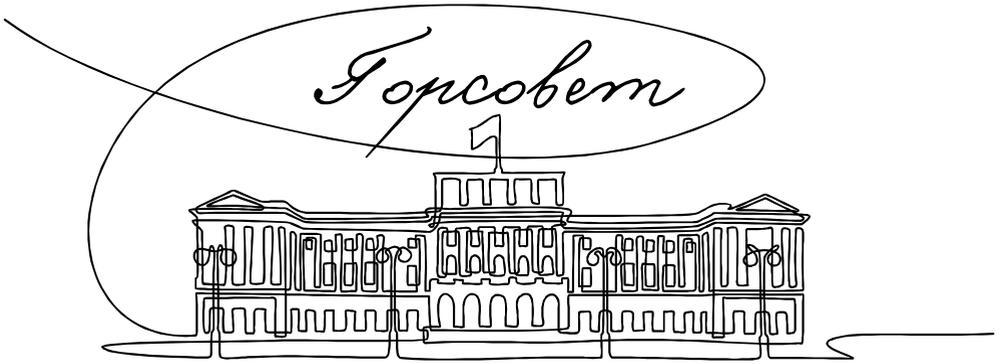
Российский математик, педагог,
доктор физико-математических наук, профессор,
Действительный член Российской академии образования

Доклад в ПОМИ РАН

Подписание соглашения в мэрии Манчестера:
слева председатель Комиссии по образованию Ленсовета
М.И. Башмаков, его заместитель Ю.П. Малышев,
справа лорд-мэр Манчестера, *в центре* председатель
Комитета по образованию О. Е. Лебедев

Русский европеец

Ю. П. Малышев, депутат Ленсовета (1990–1993 гг.)

4 апреля 1990 года. Первая сессия Ленсовета 21 созыва. В Мариинском дворце, вместо собиравшихся дважды в год на однодневные сессии передовиков производства — представителей «нерушимого блока коммунистов и беспартийных», появляются депутаты, выбранные на первых конкурентных и демократичных выборах. Выборы проводились в два тура, если в первом победитель не набирал 50 % голосов. Депутатов было много — почти 400 человек (до 1990 года их было свыше 600). Было избрано много преподавателей, научных сотрудников (107 кандидатов наук, 22 доктора наук).

В этой среде Марк Иванович Башмаков, избранный депутатом Ленсовета по 303 округу (Петроградский район), смотрелся совершенно естественно. Он избирался, как потом вспоминал сам, подчеркнуто «аполитично», обещая избирателям сосредоточиться на вопросах образования, при этом практически не принимая участия в избирательной кампании («Моя агитационная работа представляла исключительно самостоятельность моих учеников. Сам же я только один раз побывал на встрече с избирателями»). Тем не менее, во втором туре М. И. Башмаков выиграл выборы и стал депутатом «демократического Ленсовета».

В первый «организационный» период работы Ленсовета Марк Иванович, конечно, отстраниться от «не образовательных» вопросов не смог. На третий день первой сессии принимался Регламент работы Совета. Было предложено принимать регламент постатейно с поправками. Это потребовало бы нескольких дней работы. Депутат Башмаков внес предложение принять Регламент полностью, а поправки вносить, когда жизнь подскажет их необходимость. Сессия его предложение приняла. В избранном Ленсовете сразу стали создаваться депутатские группы и фракции. Марк Иванович вступил во фракцию «Конструктивный подход», которой руководил П. С. Филиппов — один из лидеров движения «Демократические выборы – 90». Но реального участия в ее работе не принимал, да, собственно, она и просуществовала недолго. В более структурированные «протопартийные» фракции и депутатские группы он больше не вступал.

Одной из первых задач создаваемого Ленсовета была организация постоянных комиссий. Эта работа проводилась в течение месяца. Естественно, что необходимость создания «образовательной» комиссии не ставилась под сомнение никем, и комиссия «по воспитанию и народному образованию» Ленсовета была образована одной из первых. В ее состав вошли 24 депутата, среди которых были учителя и преподаватели техникумов и ВУЗов, начальник районного отдела образования, директора образовательных учреждений, сотрудники научных организаций. Свои кандидатуры выдвинули два человека: Марк Иванович Башмаков и преподаватель Ленинградского политехникума Юрий Васильевич Фролов. Выборы председателя были организованы очень серьезно: с изложением программы действий и тайным голосованием. Но, как выяснилось позже, в этой процедуре большой необходимости не было: Марк Иванович получил все, без одного голоса членов комиссии. За этим последовало утверждение на сессии — и депутат

М. И. Башмаков стал председателем постоянной комиссии Ленсовета и членом Президиума Ленсовета — руководящего органа, принимавшего решения между сессиями (впоследствии этот реликт советского периода был упразднен).

Председателем комиссии Марк Иванович пробыл больше года. Все это время он сочетал эту деятельность со своей работой, но в октябре 1991 года Совет принял решение, что председатели комиссий должны работать в Совете только на профессиональной основе. Расставаться со своей профессиональной карьерой Марк Иванович, конечно, не собирался и ушел с поста председателя комиссии, оставшийся ее членом.

Одной из больших неудач, которая отразилась на всей дальнейшей деятельности Марка Ивановича, была попытка провести свою кандидатуру на пост председателя комитета по образованию. Доставшийся нам «в наследство» председатель комитета по народному образованию Ленгорисполкома Б. Б. Исправников был хорошим человеком и честно старался работать, но всем было ясно, что он совершенно не ориентируется в новых очень сложных условиях и быть руководителем не может. Поэтому перед комиссией встала задача подобрать нового руководителя ленинградской системы образования. И тут Башмаков предложил комиссии назначить на этот пост коллегу из Института усовершенствования учителей Мурманской (если я правильно помню) области. Сейчас о таком назначении узнали бы из СМИ, а тогда необходимо было пройти общественное обсуждение и утверждение на сессии Ленсовета с совершенно непредсказуемым исходом голосования. Комиссия восприняла эту идею без большого энтузиазма, да и сам претендент особо сильного впечатления не произвел, но со своим председателем согласилась. А вот руководители школ «старой закалки» устроили настоящую кампанию против «чужака». В итоге сессия предложенного комиссией кандидата не утвердила. Проблему руковод-

ства Комитета по образованию пришлось решать более системно...

В своей депутатской деятельности Марк Иванович, конечно, имел приоритетом вопросы инноваций в образовании. При этом он пытался не просто реализовать тот или иной проект развития, но и создать базу для системного развития в будущем. Так в новой структуре Комитета по образованию была создана должность первого заместителя председателя, отвечающего за вопросы развития, управление развития образованием. В здании на углу Кузнечного пер. и ул. Марата («дом Арины Родионовны») начал работать Центр развития альтернативного образования, который возглавил коллега из команды Башмакова. После этого встречи с М. И. Башмаковым стали проводиться не только в Мариинском дворце, но и на ул. Марата.

Одной из наиболее интересных программ, которыми руководил Марк Иванович, была программа продуктивного обучения «Город как школа», идея которой состояла в использовании городской среды, городской инфраструктуры как средства возвращения к образованию, создания мотивации к учебе неуспевающих учащихся старших классов. В Центре развития альтернативного образования была создана лаборатория продуктивного обучения (рук. В. Шадрин), организованы экспериментальные площадки в школе № 571 и ПТУ № 90.

Одним из самых больших проектов развития был проект создания Центров профессионального обновления. Этот проект получил большой грант Европейского сообщества, а в городе софинансирование было включено отдельной строкой в городской бюджет. Четыре Центра профессионального обновления, созданные в рамках проекта, сыграли большую роль в истории информатизации системы образования.

До 90-х годов наша система образования практически была лишена международных связей. Роль Марка Ивановича Башмакова в формировании и развитии этих связей очень велика.

Во-первых, ему было все интересно. Во-вторых, он был отличным партнером для западных коллег: отлично владел языками, был «своим» в любой стране. В-третьих, он всегда помогал освоиться нашим соотечественникам, многие из которых впервые попадали за границу.

Осенью 1991 года делегация Санкт-Петербурга прибыла в город-побратим Манчестер. Комиссию по образованию горсовета представляли М. И. Башмаков и автор этих строк, Комитет по образованию мэрии Санкт-Петербурга — председатель О. Е. Лебедев и Г. В. Борисова. Летели мы через Шереметьево. Получив багаж в аэропорту Манчестера, Марк Иванович был слегка расстроен исчезновением из чемодана кроссовок, которые он предпочитал всем видам обуви. Впрочем, ему еще повезло, потому что я лишился своего чемодана совсем (в итоге его так и не нашли). Так что следующим утром Марк Иванович давал мне мастер-класс по бритью своей безопасной бритвой, которую он мне выдал в пользование (я до этого брился только электробритвой!). Вечерами он звал меня на длинные пешеходные прогулки по Манчестеру, говоря, что любой город можно почувствовать, только обойдя его пешком. Под конец визита тоже случилось маленькое недоразумение. Будучи любителем хорошего чая, Марк Иванович попросил отвезти его в хороший чайный магазин. Командировочных у нас было совсем немного, фунтов по двадцать на человека, обмена рублей на валюту тогда еще не было, так что выбирал он тщательно. Ему удалось найти довольно большую коробку (сорт я уже забыл) за приемлемые деньги. Однако приехав в отель и распаковав чай, он с огорчением увидел, что основную часть коробки занимает чайничек, а самого чая в нем совсем мало... Несмотря на все мелкие проблемы, этот визит был крайне интересным и полезным. Подписав соглашение о сотрудничестве с Советом Манчестера (первый и последний раз видел Башмакова в парадном пиджаке, а не в курточке

с рюкзачком за плечами, фото бережно храню), мы положили начало одной из самых широких программ международного взаимодействия, в которой участвовали многие сотни сотрудников и учащихся наших городов.

После того, как в 1993 году указом президента Б.Н. Ельцина Совет был распущен, Марк Иванович продолжал поддерживать связи с коллегами по комиссии по образованию, приходя на наши встречи и постоянно спрашивая меня о том, как идут дела у наших коллег. Его образовательные проекты, такие, как олимпиада «Кенгуру», также были в центре нашего внимания.

Я, конечно, совсем не знал Башмакова-альпиниста. Но видел, как все большее место в жизни Марка Ивановича занимает увлечение книгами. Когда бы я ни приходил к нему домой, он неизменно показывал мне что-то из своей замечательной коллекции книг, издания, которые он инициировал. Одна из книг («Преступление и наказание» с иллюстрациями Э. Неизвестного) была мне подарена. Он высоко ценил свое сотрудничество с государственным Эрмитажем, создание Кабинета книги художника. Но, помимо «высоких» жанров, мог обсуждать новинки открывающейся в начале 90-х для русского читателя западной фантастики, например, Толкиена, открыл мне Роджера Желязны.

Таким остался в моей памяти Марк Иванович Башмаков — «русский европеец», большой ученый и педагог, коллекционер, деятель искусства и спортсмен...

Хроника альпинистских достижений

Первое восхождение — 1971 г. (34 года, а/л «Баксан»).

Звание кандидата в мастера спорта — 1978 г.

За эти семь лет совершил более 50 восхождений.

1987 год — звание «Снежный барс»: пик Ленина — 4 раза, Хан-Тенгри — 2 раза плюс все остальные семитысячники СССР. Почетное звание «Снежный барс» присваивается человеку, покорившему все семитысячники на территории СССР: пик Ленина, пик Корженевской, пик Коммунизма, пик Хан Тенгри, пик Победы. Башмаков 223-й в списке «барсов». Практически мастер спорта. Руководитель первых сложных зимних восхождений в СССР.

В течение пятнадцати лет Марк Башмаков был капитаном сборной ленинградского «Буревестника» по альпинизму, которая неоднократно становилась победителем первенства города по альпинизму.

Тренировал команду ЛЭТИ по альпинизму, в которую входили будущие участники второй и последней советской экспедиции в Гималаи на вершину Канченджанга 8586 м — С. Арсеньев, М. Можаяев, А. Глушковский.

Руководил первым восхождением на пик Коммунизма В. Балыбердина, который первым из советских альпинистов покорил Эверест в 1982 году.

Зимой в горах

(из книги «Третий полюс ЛЭТИ», 2012 г.)

М.И. Башмаков

Вместо предисловия

Альпинизм — это не вид спорта, а образ жизни. Зимний альпинизм — это особая по своей красочности сторона этого образа. То, что я расскажу о жизни зимой в горах, не будет укладываться в привычные представления о воспоминаниях, хотя я, кажется, имею на них право — я выезжал зимой в горы около двадцати раз, совершил более тридцати зимних восхождений, десять из которых отнесены к высшим категориям сложности. Пусть другие составляют аккуратную историю альпинизма, и для меня не так важно, будут ли в ней отмечены те восхождения, в которых я принимал участие. Жанр моего повествования совсем иной, более литературный, и ему можно найти аналогии в бумажном творчестве. Расскажу об одной из них.

В 1928 году в Париже вышла книга находившегося в эмиграции русского поэта Георгия Иванова «Петербургские зимы». С момента выхода этой книги, в которой рассказывается о жизни русских поэтов «серебряного века», в течение более пятидесяти лет не прекращались яростные выпады в адрес ее автора. Анна Ахматова много раз повторяла: «Сплошное вранье! Ни одному слову верить нельзя!». Ей вторили Надежда Мандельштам и Игорь Северянин, другие современники поэта, не говоря уже о многих литературоведах, воспринявших текст Г. Иванова как «документ истории» и находивших в нем несчетное количество «ошибок». Но поэт сам обмолвился, что в его очерках, которые он называл «фельетонами», правды не более 25 процентов.

Один современный автор справедливо заметил, что «даже если все вранье в “Петербургских зимах”, так и в “Войне

и мире” все неправда, как считал, например, Вяземский». Дело в том, что книга Г. Иванова лишь внешне напоминала мемуары. В ней действовали люди, носившие известные имена, упоминались реальные события, но воссоздавать по ней историю литературной жизни имеет не больший смысл, чем историку Франции сослаться на романы Дюма. Однако сочинению Г. Иванова оказалась суждена долгая жизнь — оно много раз издано и любимо читателями, которые видят в нем яркое художественное изображение одного из самых значительных периодов в жизни русской интеллигенции и заслуженно и искренне верят в его внутреннюю правдивость.

Я, разумеется, не собираюсь вставать в один ряд с Г. Ивановым, не говоря уже о Толстом и Дюма. Мне просто хочется оградить себя от упреков, что «все было не так, не там и не с теми людьми, или не было вовсе». Мне ничего не стоило взять в руки свою Книжку альпиниста и сохранившиеся отчеты о восхождениях, чтобы сверить фактические данные. Я этого не стал делать сознательно — то, о чем я собираюсь написать, прошло через мою жизнь, и я хочу представить его так, как оно запечатлено в моем сердце. Сохраняя настоящие имена людей, названия вершин и географических мест, я не претендую на документальную точность. Ведя повествование от первого лица, я предостерегаю от его отождествления с автором текста. Упреки в хвастовстве неизбежны, но отнеситесь к нему с улыбкой. Описывая Вселенную, в которой вы живете, удобнее встать на точку зрения Коперника, а не Галилея.

Немного истории

Первый раз я поехал зимой в горы в 1972 году. Последний раз я зимой восходил на Монблан в 2012 году. На первом этапе и в конце были перерывы, но я точно помню, что с 1979 по 1988 годы, то есть десять лет подряд, я выезжал в горы зимой каждый год и три раза даже дважды в год.

Восхождения различаются заметно по тому, в каких районах они совершаются. Поэтому было бы интересно проследить историю зимних восхождений по районам. Так получилось, что за эти годы мы побывали практически во всех доступных горных районах. Разумеется, на Кавказе: Центральный Кавказ — Безенгийское и Баксанское ущелья, Восточный Кавказ — горный массив Ерыдаг, замечательный скальный район в Дагестане. Разве что не были зимой на западном Кавказе.

Перенесемся на восток

Прежде всего, интересными были восхождения в районе Памиро-Алая и в горах. Были мы и на Центральном Памире, а также в ряде районов Тянь-Шаня.

Но, может быть, наиболее разумно рассказать о восхождениях, различающихся по своей технической стороне. Можно взять за основу стандартную классификацию чемпионатов и первенств: скальный класс, высотно-технический и высотный. Конечно, четкой границы между этими классами нет, но, тем не менее, восхождения в скальном классе, а такие мы принимали зимой, и высотные, как восхождение на пик Евг. Корженевской или пик Ленина, совершаются в совершенно различных условиях, и их описания по-своему интересны.

Классическим примером технического восхождение зимой является наша первая зимняя «пятерка Б», совершенная в 1979 году на вершину Труд по западной стене на Тянь-Шане. Нас было четверо: Б. Барулин, А. Мошников, А. Глушковский и я. Когда мы приехали в лагерь, который не работал, но, тем не менее, был доступен для того, чтобы там переночевать, местный инструктор смотрел на нас, как на каких-то больных. Он говорил: «Разве можно эту стену проходить зимой?» Я не буду рассказывать о самом восхождении. Оно прошло с технической точки зрения очень спокойно и не оставило в памяти никаких ярких страниц. Я сразу скажу, что главные препятствия при

совершении зимних восхождений — не технические, не погодные, а чисто психологические. Вернувшись, мы рассказали об этом восхождении, и уже на следующий год инструктора лагеря совершили зимой такое же восхождение и потом рассказывали нам, какую роль сыграл психологический толчок, который мы им дали. Может быть, самым запоминающимся эпизодом этого восхождения для меня стало то, что на вершине мы были 10 февраля, в мой день рождения. Не менее 20 раз я проводил его на восхождениях, но в первый раз на восхождении на вершину 5б категории. Это запомнилось очень отчетливо.

Зимой трудно себе представить чисто скальное восхождение. Много выпадает снега. Даже в тех местах, где летом нет снега, зимой на скалах, как правило, лед. Может быть, единственным исключением является восхождение на пик Ош — это очень любопытная история — и по времени оно сильно отличается от начала наших зимних поездок. Если первое зимнее восхождение делалось в сильном составе, то к этому времени (а поездка в район пика Ош пришлась на 1983 год) на восхождение я уже пошел с командой, состоящей из молодых альпинистов, конечно, имевших достаточную квалификацию, но не такой большой опыт. Восхождение на пик Ош интересно было тем, что это было второе прохождение скального маршрута, получившего медаль на чемпионате Союза. Это означало заранее, что технические скальные трудности там достаточно велики даже для лета. Надо сказать, что у нас вызвала трудности организация лагеря под стеной. Движение зимой по леднику, устройство лагеря, жизнь в нем — это все, конечно, происходит в условиях, сильно отличающихся от тех, которые существуют летом. Однако мы поставили две большие хорошие палатки под стеной и начали подготовку. Хотя у нас и было небольшое описание, мы увидели, что стена представляет собой достаточный вертикальный отрезок длиной 10 ве-

ревок — 400 м. Нас было 5 человек, я рассчитал, что в день мы сможем проходить примерно 2–3 веревки и что восхождение займет 4–5 дней. Точнее, имелось в виду, что мы сначала обработаем низ маршрута, а потом уйдем на 4 дня. У меня была традиция начинать такого рода восхождения, то есть проходить одну-две веревки, а потом заниматься только организацией восхождения. Так было и на этот раз. Выйдя в паре с одним из участников на обработку маршрута, я достаточно легко, без проблем, обработал первые 80 м. Спустившись вниз к нашим палаткам, мы поговорили с ребятами и поняли, что работы будет много, и совершенно нет смысла устраивать висячие ночевки на стене. У нас было достаточно снаряжения, и дальнейшая работа на этой стене выглядела бы очень смешно. Мы, правда, выходили все, потому что работы было много, и проходили две веревки, но после этого, оставляя веревки, спускались ночевать вниз. Это кончилось тем, что действительно за 4 дня мы поднялись на эту вершину. Я хочу упомянуть о большом соблазне. Первые восходители проходили последний участок со шлямбурами. Но дело в том, что правый край совсем близко, и очень трудно было уйти от искушения послать кого-нибудь вправо подняться на вершину и сверху бросить последнюю веревку. Спуск был очень простой, по кулуару. Это восхождение в известной мере осталось в памяти как очень спокойный и интересный выезд, в котором главное удовольствие я получил от посещения этого района зимой, от вспомогательных тренировочных восхождений и, конечно, от жизни на скальной стене в этих условиях.

К техническим зимним восхождениям я бы отнес восхождение на пик Ерыдаг. Мы выезжали туда дважды. Первый выезд был не очень удачным. В этот год, а это был 1980 год, по нашей инициативе город устроил в Ерыдаге открытое первенство. Приехала судейская команда, различные команды-участники готовились к восхождению, но погодные условия были

крайне неудачными, и, уже находясь на маршруте, мы узнали, что судейская коллегия решила прекратить проведение первенства и покинула лагерь. Мы, сделав простые тренировочные восхождения, уже на Ерыдаг по маршруту не пошли. Но на следующий год (в 1981 году) мы сделали в Ерыдаге несколько классных восхождений. Это был, кажется, единственный раз, когда во время одного краткого восхождения мы сделали две «пятерки Б» по различным маршрутам на юго-западную стену. Мне представляется, что это был расцвет технического совершенства нашей команды ЛЭТИ. В команде, а она была небольшой, из четырех человек, были люди, которые хорошо чувствовали друг друга, и вся обстановка на восхождении, несмотря на все возникавшие проблемы, была необычайно дружелюбной, веселой, и эти восхождения прошли прекрасно. Опять же в моей памяти от этих восхождений осталось то, что второе из них завершилось снова в мой день рождения. Внизу меня ждал громадный торт и поздравления друзей.

Кроме Ерыдага, другие технические маршруты сильно отличаются друг от друга. Весьма сложным и достаточно опасным было первое восхождение на пик братьев Кадомцевых, который располагался в том же ущелье, где пик Ош, куда мы поехали в 1982 году тоже в рамках зимнего чемпионата Ленинграда. Это восхождение, пожалуй, единственное из сложных, которое зимой мы представляли как первопрохождение.

На этом восхождении, я помню, много работали мои друзья, особенно Леша Корень. Сложности были в том, что пик находился достаточно далеко от базового лагеря, маршрут был совершенно не известен.

К техническим восхождениям надо отнести, в каком-то смысле, вершину наших восхождений — восхождение на шестерку Крумкол в 1985 году.

Что же касается перехода в другие классы, то трудно формально делить эти восхождения по высоте. Разумеется, вос-

хождение на пик свободной Кореи, высота которого не соответствовала высотно-техническому классу, по сложности и характеру работы являлось типичным высотно-техническим восхождением, которое было совершено нами в 1984 году. Эта поездка нам всем очень запомнилась, о ней стоит рассказать отдельно.

И, наконец, переходим к высотному классу. Мы начали с главного восхождения на пик Корженевской, о котором много написано. Затем последовали поездки на пик Ленина и на Тянь-Шань.

Совершенно отдельно стоит наша первая экспедиция, где мы прошли стену Дых-тау. Так же, как и восхождение на свободную Корею, которые было на следующий год (на Дыхтау мы были в 1983 году), это восхождение формально являлось чисто техническим, но по характеру его нужно отнести к высотно-техническим, потому что преодоление кавказского пятидесятника зимой в труднодоступном для зимы районе явилось для нас большим испытанием. Если описывать те трудности, с которыми мы встречались при подготовке зимних восхождений, на выездах и, наконец, на самих восхождениях, то сейчас большинство из них кажутся простыми, смешными. Действительно, многое изменилось. Легче организовать транспортировку и доставку на место расположения базового лагеря, гораздо меньше проблем с одеждой. Сейчас только с улыбкой можно вспомнить, как мы готовились проводить зимы, латая и делая самостоятельно специальные костюмы, обувь и т. д. Это же относится и к специальному снаряжению (я говорю о крючках, закладках, подготовке веревок и всего прочего). Казалось бы, сейчас, когда все эти проблемы решены, когда можно заказать и получить и первоклассную одежду, и хорошие кошки, ледорубы и прочее, эти восхождения станут существенно проще. Тем не менее, не заметно, чтобы так много совершалось классных восхождений зимой. По-моему, процент

неудачных сложных выездов, в общем, остался тем же. В чем дело? Я много об этом думал и давно уже пришел к выводу, что те трудности, которые запечатлеваются в памяти и о которых я пытался сказать, при соответствующей подготовке и развитии техники могут быть преодолены сравнительно просто. Но дело не в них самих, а именно в их преодолении. Жизнь зимой в горах имеет такие особенности, которые предъявляют к команде, к каждому участнику много совершенно неожиданных требований. И эти качества как раз проявляются в преодолении трудностей, в подготовке одежды, в технической работе на маршруте. Не так важны начальные условия, хотя, конечно, было бы безумным выезжать зимой с плохой одеждой и снаряжением. Самые главные причины того, что мы за эти годы совершили так много зимних восхождений, и, к счастью, все они были достаточно удачными и прошли без срывов и травм, является психологическая подготовка.

Трудности психологической подготовки как были, так и остаются; может быть, они даже усилились, потому что основой этой подготовки является коллективная работа, работа непрерывная, когда люди много общаются, много вместе тренируются и выезжают, что сейчас стало гораздо сложнее. Человек думает, что он может присоединиться к любой команде и пойти вместе с ней на любое восхождение, так как у него достаточно хорошая подготовка. На самом деле, мне кажется, что все это не так просто. В тех случаях, когда приходилось принимать сложные решения (совершенно ясно, что в этих нескольких десятках восхождений, практически в каждом из них, в период их подготовки были моменты, когда надо было такие решения принимать), основой было хорошее чувство локтя, понимание и оценка того, на что мы способны все вместе. Определенный оптимизм, уверенность и спокойствие, которое создано было в нашей команде и которое все высоко ценили, и было основой тех успехов, которых мы достигли.

Мы получили достаточно много медалей на зимних первенствах (по-видимому, на всех из них), но главное в том, что мы действительно прониклись ощущением единения зимой с горой, которая живет в это время собственной жизнью. Может быть, иллюстрацией этой психологической готовности я приведу такой интересный факт. На одном из выездов с нами был врач, который специализировался на проверке психологической готовности. Это делалось с помощью некоей системы тестов. Не все мы верили в эти тесты, но он относился к ним серьезно, и интересно было то, что он потом мне рассказал об их результатах. Так, я должен был принять решение о выходе на сложный зимний маршрут в довольно тяжелых погодных условиях. Такое решение было принято, оно было правильным, но, например, оказалось, что в этот момент, накануне нашего выезда, уровень тревожности, как это называл врач, у меня был близок к нулю. А у Трощиненко, который был руководителем экспедиции, но не участвовал в восхождении, он зашкаливал за самые верхние границы. Уровень тревожности у каждого участника был достаточно низким, то есть мы вышли в полной уверенности в том, что сможем пройти маршрут, что справимся с теми неожиданностями, которые, несомненно, нас будут ждать впереди.

Зарисовка 1

Место действия — Безенгийское ущелье Центрального Кавказа. Время — конец февраля — начало марта 1985 года. Команда альпинистов ЛЭТИ участвует в зимнем первенстве Ленинграда и заявила прохождение Крумкольской стены по маршруту 6 категории сложности. Это должна быть первая «шестерка» зимой. Мне, капитану команды, очень хочется, чтобы в восхождении участвовал Коля Бураго, мой близкий друг. Его альпинистская жизнь прошла в коллективе Политехнического института, и он не был в горах ни с кем из команды ЛЭТИ. Надо сказать, что требование «схоженности», то есть

участие в совместном восхождении хотя бы с одним из членов команды, является обязательным формальным правилом. Коля перешел на работу в ЛЭТИ, и я всячески стараюсь облегчить его вхождение в новый коллектив. Я взялся обеспечить Колину схоженность (и тем самым возможность его участия в команде) совместным восхождением по маршруту 4-ой категории сложности. Обычно, готовясь к сложному зимнему восхождению, мы делаем достаточно простые тренировочные выходы — мал запас времени, да и силы надо приберечь для главного. Желание дать Коле возможность войти в команду перевесило привычную осторожность, и мы вышли группой из 6 человек на маршрут 4Б категории, который в основном совпадает с путем спуска с Крумкола. Кроме меня с Колей, в группе еще четверо — трое молодых ребят из вспомогательного состава, которых я тренировал, начиная с новичков, и хорошо знал, и врач, который в горах всегда разрывался между своими прямыми обязанностями и желанием сходить на вершину. Пока остальная команда оборудует стартовый лагерь под стеной, подносит снаряжение и обрабатывает начало маршрута, мы должны успеть сделать наше восхождение.

Весь маршрут рассчитан на три дня — подход и ночевка под началом маршрута, прохождение ледового склона и ночевка перед выходом на вершинный гребень (Крумкольский провал), затем вершина и спуск по пути подъема.

Второй, главный день восхождения. Склон в виде громадной чаши, круто сходящейся к скальной стене. Начало не крутое, но достаточно опасное — зимой лед очень жесткий, и надо очень уверенно и точно идти в кошках. К самой крутой части подходим в середине дня и вынуждены дальше двигаться по перилам. В итоге к скалам выходим тогда, когда уже начинает смеркаться — зимний день в горах короток. До намеченного места ночевки еще 100–150 метров несложного на вид траверса. Понимаю, что нам пройти его в этот день, скорее всего, не удастся, и команду ребятм начинать обрабатывать край

рандклюфта — места, где лед подходит к скалам. Страховка у нас надежная, но круто, и срубить край для лежачей ночевки, конечно, не удастся.

Коля считает, что надо попытаться пройти траверс. Я его боюсь, он начинает движение и заворачивает первый ледовый крюк где-то через полверевки (20 м), а затем пропадает в сумерках. К концу веревки слышу его просьбу — надвяжи. Я связываю две веревки и продолжаю его выпускать, понимая, что смогу выдать ему не более 20 метров. Выдав около 10 метров, слышу шум и понимаю, что Коля сорвался. Вижу справа черную точку, катящуюся по склону вниз. Успеваю немного выбрать, вижу, как вылетает промежуточный крюк, инстинктивно сажусь верхом на край рандклюфта, и мне удается мягко протравить веревку и удержать Колю без бешеного рывка — страховка сработала отлично. Проходит томительная минута, Коля подает голос и начинает движение вверх. Я успеваю скоординировать ребятам сделать из палатки навес, чтобы принять Колю — его состояние неизвестно. Кроме обычного шока от падения, у Коли все в порядке, и он садится отдыхать, а мы в темноте пытаемся улучшить бивуак. Из этого мало что получается, однако, даже сидя на кромке льда, удается вскипятить чай, согреть Колю и подготовиться к сидячей ночевке.

Утром врач говорит о себе, что он серьезно болен и дальше не пойдет. Я связываюсь с базовым лагерем, сообщаю ситуацию, и мы начинаем спуск вниз, стараясь максимально обеспечить страховку для врача. Лишь к позднему вечеру мы проходим склон и встречаем наших друзей, поспешивших нам навстречу и подготовивших бивуак на леднике. Врач заявляет, что он выздоровел, и утром сам продолжает движение вниз. Восхождение не состоялось.

Скажу, что мне везло, и описанное является чуть ли не единственной неудачей в моем зимнем опыте, да и то последствия ее невелики.

До базового лагеря идти еще полный день. У стартового лагеря, где-то через 3 часа движения, я встречаю свою основную группу, которая полностью готова к восхождению. Понимаю, что если я пойду вниз в базовый лагерь, то один день будет потерян. Мне хватило двух часов лежания на зимнем солнышке, чтобы восстановиться и заняться организацией восхождения на первенство, которое мы и начали рано утром следующего дня.

Но о нем позже. Первая зарисовка вышла сухой, но поводов для раздумья она дает много. Почему я легкомысленно отнесся к формированию состава группы? Было ли оправданно ставить под удар судьбу главного восхождения? Сумела ли группа достаточно серьезно морально подготовиться к восхождению — ведь, кроме меня, у каждого участника это было бы высшим личным достижением для зимы? Я много об этом думал позже, но не могу сказать, что пришел к однозначным ответам.

Главное восхождение на Крумкол прошло успешно. Прошло отлично. Арсентьев, Можаяев, Шпынев отлично справились с техническими трудностями, и мы в хорошем настроении вышли на предвершинный гребень. Там нас ждало замечательное приключение. Мы встали на ночлег в двух палатках, расположенных с небольшим сдвигом по высоте. В четверке расположился Сережа Арсентьев с тремя друзьями, а я с Гешей Шпыневым занял маленькую двойку. Начали разжигать газовый баллон. Чтобы лучше найти входное отверстие, я попросил Гешу посветить, и он поднес открытый огонь прямо к баллону, из которого стал вырываться газ. Палатка сгорела моментально, и мы оказались сидящими на ее дне под открытым небом, прижимая к себе главную ценность — снятые ботинки, без которых спуск было бы трудно представить. Друзья из верхней палатки помогли перебраться к ним, и мы в тесноте, да не в обиде провели последнюю ночь перед спуском.

Зарисовка 2

Зима восемьдесят третьего года. Расцвет секционной жизни ЛЭТИ. В январе-феврале выезд молодежного состава в район Памиро-Алая и успешное восхождение на пик Ош по скальному маршруту 5Б категории сложности. Проверка в бою перспективных молодых альпинистов — С. Голубцова, В. Мороза и др. Поездку в далекую горную Киргизию, полную близких друзей и учеников, помогающих в бытовой жизни (встречи, размещение, транспорт, продукты, связь), воспринимаю как тренировку к главной цели зимнего сезона — первому проникновению зимой в сердце кавказских гор — ущелье Безенги.

Все меня отговаривают — в ущелье никого нет, лагерь закрыт, электричество отключено, дороги завалены, и местные жители дальше последнего селенья зимой не поднимаются. Но у меня много друзей на Кавказе, и они обещают помочь в организации экспедиции. В начале марта выезжаем в Нальчик и переправляемся в селенье Безенги. Там нам дают трактор, на котором пробиваемся по засыпанной снегом дороге к лагерю. Получаем ключи, открываем один барак, в котором занимаем одну маленькую комнату и коридор — больше не отопить и не согреть.

Цели две — восхождение вторым составом на «пятерку А» Миссес (руководитель Сережа Арсентьев, наша главная надежда и гордость) и прохождение стены Дыхтау «заслуженным составом», в котором четыре мастера — Леня Трощиненко, Гоша Щедрин, Сережа Ларионов, Саша Глушковский. Меня как руководителя долго спрашивает взять его на восхождение Сережа Соловьев. Гигантский склон Дыхтау зимой имеет ни с чем не сравнимый вид. Погода все время холодная и ясная. Ярко-белый снег, выступающие скальные пятна и участки обветренного льда цвета бутылочного стекла создают громадную круговую панораму, в которой с некоторых точек видна большая часть подковы — бокового отрога, отходящего от Бе-

зенгийской стены главного Кавказского хребта. Две гряды Кавказских гор, соединяющихся между собой легендарным перевалом Дыхни-Ауш, символизируют становление и развитие альпинизма в нашей стране. С одной стороны — Безенгийская стена, почти вся расположенная выше пяти тысяч метров, в которой находятся второй по высоте пятитысячник, грозная Шкара, мрачный Катун и ряд других пиков. Траверс этой стены всегда рассматривался как высшее достижение, к которому стремились самые сильные команды.

Другой массив — подкова — Кошан-Дых, с двух концов обрамляемая двумя мощными пятитысячниками Дыхтау и Кошантау и содержащая внутри скальный символ Кавказа Крумкольскую стену и очень красивый пик Мижирги.

Забегая вперед, скажу, что пройденный нами зимой маршрут на Дыхтау гораздо позже Федерация альпинизма включила в число маршрутов на очном летнем первенстве Союза.

Наше восхождение после заброски продуктов и организации стартовой площадки начинается необычно — три мастера выходят на маршрут по трем различным гребешкам. Конечно, часа через 2 пути мы соединяемся все вместе, и наша командная дисциплина восстанавливается. Общий подъем группы был так велик, что мы с двумя ночевками поднялись на вершину в очень слаженной, рабочей обстановке. Никто из нас не ожидал, что спуск с вершины будет столь сложным — опасный, крутой и длинный ледовый кугуар выводил на противоположную сторону, откуда нам предстоял тяжелейший физически обход подковы к подножью Безингийской стены и спуск по Безингийскому леднику в лагерь.

На разборе восхождения Сережа Соловьев заявил, что он был единственным участником, которым руководил руководитель восхождения. Правда, остальные заявили, что они понимали мои распоряжения с полуслова. Мне часто приходилось руководить группами, в составе которых были альпини-

сты очень высокой квалификации. Хорошо помню восхождение на пик Коммунизма в 1980 году, когда в моей команде были В. Балыбердин, Л. Трощиненко, В. Шопин, В. Лазарев, С. Ларионов — кандидаты в состав первой экспедиции на Эверест, или ряд восхождений с С. Арсентьевым, Г. Щедриным, М. Можаяевым, А. Глушковским. Мне часто кажется, что успеху наших восхождений способствовало сочетание высокой технической подготовки участников с твердостью и психологической уверенностью в принятии решений руководителем.

В итоге мы совершили три зимних экспедиции в Безенги и поднялись на Дыхтау, Крумкол и Мижирги по маршрутам высокой категории сложности, трижды получив за эти восхождения золотые медали зимних первенств Ленинграда.

Зарисовка 3

Зимой 1984 году мы решили поехать в горы Заилийского Алатау, чтобы пройти хороший маршрут на пик Свободной Кореи.

С этим районом у меня были связаны самые счастливые воспоминания. В 1975 году я был приглашен в состав сборной «Буревестника» и в качестве участника вспомогательного состава провел активный сезон с самыми заслуженными альпинистами города сначала на массиве Замин-Карор, а затем на леднике Беляева под пиком Коммунизма. После этой экспедиции в сборной произошли серьезные изменения, из нее ушли многие «ветераны», а новый руководитель сборной Горенчук включил в состав сборной ряд молодых альпинистов, провел очень интенсивный сбор на Кавказе (на базе «Узункол»), а затем выехал в район Заилийского Алатау, где новый основной состав сборной прошел вторым прохождением маршрут Попенко шестой категории сложности на Свободную Корею. К сожалению, из участников этого восхождения уже нет в живых Горенчука, Трощиненко и Сапожкова. Кроме них, в вос-

хождении участвовали Б. Барулин и я. Эта моя первая «шестерка» оставила в душе самые яркие воспоминания. Но все то было летом, а теперь, через восемь лет, мы оказались в зиме, но такой, которую я не могу сравнить даже с памирскими зимними воспоминаниями.

Внизу, во Фрунзе, уже было около 30 градусов мороза. К счастью, ветер часто стихал, но на леднике царила неимоверная стылость.

Мы планировали пройти классическую пятерку, но после четырех дней разведок отказались от мысли выходить на скальный маршрут в такую погоду. Появилась новая идея — подняться на вершину по одному из двух ледовых кулуаров. В летнее время эти кулуары почти непроходимы — днем под солнцем они простреливаются падающим льдом и камнями. Известно, что более короткий из этих кулуаров один американец, применяя новое в то время снаряжение, прошел за ночь.

Мы решили пройти более длинный кулуар, выводящий близко к вершине. Три дня ушло на предварительную обработку маршрута. Я предложил пройти его без ночевки — в кулуаре ночевать нельзя, а думать о ночевке на гребне в такую погоду не хотелось. В итоге мы потратили на восхождение ровно 24 часа — вышли в 2 часа ночи и через сутки спустились к палаткам по пути подъема. На леднике уже никого не было, и мы быстро спустились в столицу Киргизии, где я и отпраздновал свой очередной день рождения.

Теперь мне остается зимой ездить разве что на Эльбрус (где я в 1997 году отпраздновал свое шестидесятилетие) или Монблан (где в 2012 году я отпраздновал свое 75-летие, и на склон Монблана мы поднялись втроем — я, Сергей Ларионов и Андрей Лукин, а остальные 22 человека встречали нас с шампанским в ресторане на станции подъемника), но классные зимние восхождения, совершенные с командой ЛЭТИ, навсегда останутся в моем сердце.

Небожитель, с которым хочется общаться

Беседа с А. Э. Глушковским

Марк Иванович Башмаков многим успешно занимался, и альпинизм — одна из любимых сторон его деятельности. Когда он пришел в ЛЭТИ, он в каком спортивном статусе был?

Я познакомился с Марком Ивановичем в 1977 году, когда он пришёл работать в ЛЭТИ. В 1978 году мы были с ним в экспедиции на пике Карла Маркса. Тогда мы оба были кандидатами в мастера спорта. Из-за непогоды мы не прошли стену. С этого времени мы много лет почти каждый год вместе ездили на разные сборы и совершали сложнейшие восхождения летом или зимой.

В это время (1978–79 годы) он начал набирать мастерские баллы. Тогда на мастера нужно было набрать определенное количество баллов, эти нормы часто менялись. Но мастера он так и не получил, видимо, в Москве его считали слишком возрастным. Чтобы понять логику событий, повторюсь: Марк начинал пытаться выполнить норму мастера спорта и в итоге практически набрал баллы. Считаем, что он мастер спорта «без корочки». И он сказал, что больше не будет этим заниматься, в смысле — выполнять нормативы.

Но у него в голове возникла другая идея, идея зимнего альпинизма.

Лично у него?

Нет, у всей команды. Мы были уже в одной команде «Буревестника», тогда у всех нас зрела эта идея. Потом обсуждения начались в сборной города. И мы пришли к выводу, что нужно сходить на «5б» зимой. Тогда никто зимой на сложные восхождения не ходил. Мы были первыми, кто прошел «5б» зимой. Это был пик Труд на Тянь-Шане.

Высота и зима — это всё-таки другая трудность. Зимой на высоте ты должен привыкнуть и к высоте, и к суровым зимним условиям. Первым, сложным во всех альпинистских отношениях, было зимнее восхождение на Дых-Тау (56). И потом зимние восхождения на пик Свободной Кореи, на вершину Ерыдаг и т. д.

Я правильно понимаю, что он больше ходил на высотные восхождения, чем на технические?

Нет, это неверно. Он больше ходил как раз на технические восхождения, но был при этом не «лазуном», который залезал первым, а он был организатором этих восхождений. Марк много занимался тренировками молодежи в альпинистской секции ЛЭТИ. Будучи хорошим организатором и хорошим альпинистом, он многому мог научить ребят, начинающих заниматься альпинизмом.

С годами вокруг него сложился очень сильный коллектив — Влад Мороз, Арсентьев, Можаяев, Соловьев, Шпынев и другие. Все с большими спортивными амбициями, но Марк смог создать из них команду единомышленников, что было главным условием их успешных сложных восхождений. У Марка было такое качество — он говорил и сразу делал; например, он говорит: «Я вешаю первую веревку, а дальше вы повесите остальные».

Команда ЛЭТИ, в состав которой входил, часто в роли руководителя, Марк Иванович, совершила многочисленные зимние восхождения, в том числе и высотные, на семитысячники пик Корженевской и пик Ленина. В 1990 мы прошли пик Ленина зимой. После нас это восхождение повторили только в 2020 году. И всё — никто больше зимой на пик Ленина не ходил, это просто холодный экстрим. Холодно, ветрено и высоко.

Такие восхождения требуют от участников безупречных навыков движения по ледяным склонам, и Марк сделал упор

на этот вид зимнего альпинизма, раньше в Советском Союзе таких восхождений никто не совершал.

А в мире это было уже, как ты считаешь?

В мире зимой начали ходить в Альпах. Разумеется, в Альпах другая зима. Зимних восхождений на семитысячники никто раньше не делал.

Понятно, что летом он тоже ходил с нами много. Мы открывали новые горные районы: Гуамыш, Аксу. В таких восхождениях Марк где-то выступал организатором, как зимой, а где-то просто работал в команде.

Коммуникабельность у него, конечно, была потрясающая, он всегда легко входил в коллектив.

А когда было последнее ваше совместное восхождение?

2010 год, поход на Килиманджаро. Это уже не просто альпинизм, а часть нашей альпинистской жизни.

Легко ли был ходить с ним в одной команде? Марк ведь был много старше вас.

Да, абсолютно. Такой небожитель, с которым хочется общаться ближе.

Уникальный организатор

Андрей Лукин

Я познакомился с Марком Ивановичем, когда он был на пике своей альпинистской карьеры, а я только начинал заниматься альпинизмом. В дальнейшем я много раз бывал с ним на восхождениях, и постепенно у нас появились общие интересы и дела.

Ходить в горы с М.И. было очень комфортно, и не только потому, что он тщательно готовил восхождение, но и потому,

что общение с ним на самые разные темы доставляло огромное удовольствие. Он умел увлекательно говорить на любую тему. Однажды он прочел целую лекцию о приемах устного счета и сумел увлечь этим всех, кто шел с ним на восхождение.

М.И. начал заниматься альпинизмом, и его подготовка к восхождениям отличалась от привычной. Конечно, как и все, он понимал значение физической подготовки, но большое внимание уделял психологической подготовке. Благодаря ему я понял важность этого компонента, и это не раз выручало меня в трудных ситуациях. Психологическая устойчивость М.И. очень помогала всем, кто ходил с ним в горы.

М.И. считал, что психологическая устойчивость лучше всего формируется в игровых ситуациях и всегда проводил эту идею в жизнь. Разумеется, это касалось не только альпинизма. Его энергия позволяла проводить эту идею в огромных масштабах. Он организовал в России несколько конкурсов, нацеленных на формирование у школьников интереса к различным областям интеллектуальной деятельности.

Наблюдая эту работу продолжительное время, я очень заинтересовался этим и в какой-то момент предложил М.И. создать литературный конкурс «Пегас». Он поддержал этот проект и помог его «раскрутить». Большое впечатление произвело на меня умение М.И. формулировать вопросы конкурса так, чтобы не обнаруживать своего собственного мнения по вопросу. Потому что может быть твое отношение к главному герою, например, очень хорошее, у другого человека оно может быть не очень хорошим, и нужно задать вопрос так, чтобы это было объективно, и Башмаков очень за этим следил, когда он принимал участие в обсуждении вопросов. Он всегда был готов пойти на какой-то компромисс.

Прежде всего, Башмаков был идейным организатором темы. Он давал тему и слоган, затем мы обсуждали это, у нас было несколько тем, выбирали, чья лучше. Он всегда очень приветствовал альтернативы, но обычно продвигал свою тему.

Конкурс проводился летом, когда мы брали книги, давали детям читать, а потом по этим книгам задавали вопросы. Вопросы простые, Башмаков требовал больше простых вопросов. Кто на сложные будет отвечать? Каждый вопрос мы сопровождали иллюстрацией из его книг в его библиотеке.

Допустим, по Книге Джунглей. Башмаков очень любил Книгу Джунглей, а особенно охоту Каа с иллюстрациями Жува. Жув — такой хороший художник, например, считается, что он лучше всех рисовал кошек. Есть история о том, как папа подарил ему в детстве кошку, больше рисовать было нечего, и он рисовал кошку.

Башмаков очень много нам дал нового, и мы хотели продвигать эту информацию дальше.

Мы считаем, что про некоторые вещи, даже если человек один раз услышит о них в жизни, мы не зря сделали этот конкурс, не зря его провели.

Тем было очень много, вопросов было много интересных. И сам конкурс «Пегас» — очень интересная тема.

Последние десять лет М.И. полностью погрузился в придуманную им самим тему «Книга художника». Опыт книжного коллекционера и неуемная энергия позволили ему по-новому взглянуть на этот богатейший пласт культуры и привлечь к нему внимание многих.

Возвращаясь к прежним годам и другим конкурсам, надо сказать о том, что М.И., затеявая любое дело, умел заинтересовать людей своими идеями и включить их в активную работу. Ярким примером такого дела является конкурс по математике «Кенгуру», в широком распространении которого М.И. принимал деятельное участие. Я был свидетелем и участником того, как в период зарождения этого конкурса М.И. провел его в небольшом городке Тырнауз, находящемся в Приэльбрусье. Дело было совсем новым, городок небольшой, жители его никогда интереса к математике не проявляли, но М.И. сумел

найти нужного человека — учителя математики Григория Григорьевича Дядченко, обладавшего большим авторитетом у местных учителей и разделявшего идеи М. И. В результате конкурса, организованный на одном энтузиазме, прошел очень успешно, доставив удовольствие и организаторам, и участникам.

На фоне той кипучей энергии, которой обладал М. И., его уход представляется преждевременным. В моем окружении не было другого человека, который мог бы сравниться с ним в энергии и оптимизме. Его удивительная способность просто говорить о сложных вещах позволяла ему в любом деле сформировать вокруг себя коллектив единомышленников.

М. И. обладал удивительной интуицией, которая была особенно заметна в альпинизме. У него было «чувство горы», о котором сам говорил, когда мы с ним это обсуждали. Когда он шел на восхождение, у него была уверенность, что гора его примет. И вообще у него не было никаких сомнений, а когда у руководителя нет сомнений, это очень важно для участников восхождения.

Яркий пример — зимнее восхождение на пик Корженевской (7134 м) зимой. Мне много раз рассказывали про это восхождение. Марк считал его очень удачным. Они не только взойшли на гору, но никто из участников даже не поморозился, а в шедшей в то же время на пик Коммунизма сборной СССР были серьезные обморожения.

У М. И. в альпинизме был колоссальный взлет, благодаря его природной энергии, и к тому же тренировался он просто фанатично. При том, скорее всего, у него был «ген высоты». Он хорошо себя чувствовал на высоте. Башмаков мне показывал, где он тренировался на Каменном острове. Я видел его таблички, где записаны число, количество кругов, примерный километраж. Он записывал все. И это вызывает уважение, это колоссальная работа. Это дало ему очень мощный запас, он очень здорово работал. Он всегда хотел быть в тонусе.

Эпизоды из жизни. Что вспоминается

А. В. Корень*

1980, пик Корженевской

Марк — начпрод + французский язык. Обмен мешочка черных сухарей на две огромные плитки швейцарского шоколада. Швейцарка (красавица) была очень рада сухарям...

1983, пик Ленина, маршрут Аркина

Марк — руководитель. Спуск на заднице почти до низа, 2 км перепада, примерно один час. А на высоте 4200 подарок от башмаковского аспиранта: виноград, арбуз, дыня (тогда это было круто).

Летим в самолете. Стюардесса не дала Марку кофе. Тогда Марк достает горелку, зажигает и варит. Стюардессы были в шоке, но кофе принесли...

---

* Алексей Корень — один из двух альпинистов, выживших в трагедии на пике Ленина в 1990 году, тогда в лавине погибли 43 альпиниста.

В 78 лет на Эльбрусе
(последнее восхождение на Эльбрус совершил в 84 года)

Обладатель титула «Снежный барс» —
покоритель всех семитысячников на территории СССР,
руководитель первых сложных зимних восхождений в СССР

Самый старший участник REDFOX ELBRUS RACE.
Вертикальный километр, 2010 г.

Домашние тренировки в 84 года

Адрес от кафедры ВМ-2 ЛЭТИ к 80-летию

Кафедра
математики
ЛЭТИ

Кафедра Башмакова в ЛЭТИ

А. М. Коточигов

Вспоминая, Марка Ивановича я, прежде всего, думаю о его уникальной способности генерировать и воплощать в жизнь идеи. Кто же не любит пометчать «если бы, то...», но лишь немногие пытаются воплотить свои идеи, и уж совсем редко встретишь человека, способного привлечь людей к реализации своих идей на альтруистических началах. Марк Иванович относился именно к этой категории людей. Удивительно, как ему удавалось реализовывать эту способность в самых разнообразных и подчас весьма далеких областях деятельности, всегда достигая в выбранном направлении высокого профессионального уровня и формируя вокруг себя коллектив активных единомышленников.

В студенческие годы я знал о достижениях Марка Ивановича в математике и, что было редким совмещением в те времена, его значительных карьерных успехах в том, что тогда называлось общественной работой. Все окончательно смешалось для меня, когда я обнаружил, что у нас есть неожиданная

точка соприкосновения — альпинизм и, хотя я никогда не ходил с Марком Ивановичем в горы, эта связывающая нас ничтожка определила мой дальнейший жизненный путь. И это же выводит нас на следующий, самый большой по размеру круг деятельности Марка Ивановича — педагогическую работу.

В начале 60-х (хрущевская оттепель) кое-что в жизни стало меняться. Появился лозунг о трудовом воспитании школьников. Но трудовое воспитание ушло вместе с его вдохновителем. Выжили только физико-математические школы. Марк Иванович преподавал в университете, как все активно работающие математики. Но как человек общественно активный, не мог остаться в стороне и внес большой вклад в организацию и становление физико-математического интерната при ЛГУ. Реформы в школьном образовании внедрялись в это время достаточно активно, но в высшем инженерном образовании не менялось (централизованно) ничего, а перемены, как и в школьном образовании, назрели. Марк Иванович это понимал и решил попробовать себя на этой стезе. В 1977 году он стал заведующим кафедрой высшей математики-2 в ЛЭТИ. Ситуация там была не простой, существовавшая в ЛЭТИ большая кафедра стала плохо управляемой и ее разделили пополам. Большой административный опыт позволил Марку Ивановичу мягко взять ситуацию под контроль. В те годы заведывание кафедрой математики в инженерном вузе превращалось в чисто административную работу, и появление на таком месте активно работающего математика было заметным событием. Это обеспечило Марку Ивановичу хорошие позиции в глазах ректората и ученого совета. Первым направлением его деятельности была попытка снять традиционный студенческий вопрос «зачем мне нужна математика». Он предложил профессорам, читающим лекции в одном потоке с ним, «обмениваться» лекциями, то есть в соответствующий момент Марк Иванович появлялся на лекции по специальной дисциплине и объяснял, как

математический аппарат позволяет разобраться в инженерной проблеме. Профессор, читающий лекции по специальной дисциплине, действовал аналогично на лекции по математике. Этот замечательный ход плохо поддавался тиражированию. Слишком мало исполнителей были готовы участвовать в этом эксперименте.

Конечно, главным для любого заведующего кафедрой является кадровый вопрос. Марк Иванович справлялся с ним блестяще. Его прочные неформальные связи с университетом и поддержка ректората ЛЭТИ позволяли ему при всякой возможности привлекать на кафедру молодых сильных математиков. Эта прослойка в скором времени позволила провести новый успешный эксперимент. Подошла очередная волна борьбы с коррупцией, и ректорат предложил Марку Ивановичу заняться организацией приемных экзаменов по математике в ЛЭТИ. Борьба с коррупцией открывала перед Марком Ивановичем большие возможности внедрения новых форм проведения экзамена, и он воспользовался этим в полной мере. Марк Иванович всегда стремился создать у своих учеников ощущение, что каждый хотя бы чему-то научился, то есть справился с какой-то частью задания. Мысль его была, на первый взгляд, очень проста — включить в экзаменационное задание несколько очень простых вопросов. Но цель экзамена требует, чтобы в задании были и сложные задачи. Формально такое совмещение потребовало бы много места на изложение задач и заставляло бы участника много раз настраиваться на разные задачи. Марк Иванович предложил замечательный выход из этих затруднений. Задание состояло из трех задач-сюжетов, каждая из которых представляла одну задачу, разбитую на три-четыре вопроса, составленных таким образом, что вопросы «двигались от простого к сложному» и давали абитуриенту план решения задачи. Конечно, составление таких задач требует значительных усилий, особенно, на начальном этапе ра-

боты. Поэтому, когда экзамен проходил по новой схеме в первый раз, Марк Иванович сам составил большинство задач, а члены комиссии только обсуждали задачи. В ходе экзаменов Марк Иванович активно взаимодействовал с ректоратом. Вполне естественное напряжение в ожидании того, как пойдут экзамены по новой схеме, требовало такого взаимодействия. К этим обсуждениям Марк Иванович привлекал и членов комиссии, знакомя их с этой стороной работы. Экзамены прошли успешно, новый подход полностью себя оправдал. Через год эту работу надо было продолжать, и, естественно, Марк Иванович снова возглавлял комиссию. Но стиль его работы радикально изменился. Задачи к экзаменам готовили члены комиссии, а он только вносил свои коррективы. Дальше — больше, когда начались экзамены, Марк Иванович появлялся только в случаях крайней необходимости. Все текущие дела по организации работы и взаимодействию с ректоратом вели заместители. Оказалось, что за прошлый год Марк Иванович так хорошо обучил нас, что мы вполне справились самостоятельно. Более того, мы получили удовлетворение от того, что Марк Иванович нам доверяет и что мы оправдали это доверие. В общем, классический сюжет Марка Твена — Том Сойер красит забор. Остается добавить, что импульс, созданный Марком Ивановичем, был так силен, что такая схема экзамена продержалась более десяти лет и умерла естественной смертью в силу изменившихся внешних обстоятельств. Но все это уже не касалось Марка Ивановича. Он находил новые пути для своей творческой активности. В ЛЭТИ ему удалось организовать новое направление обучения «Прикладная математика и информатика». Популярное у школьников название и известность Марка Ивановича в школах по математическим олимпиадам обеспечили очень хороший набор на эту специальность. К сожалению, эта деятельность натолкнулась на сопротивление внутри ЛЭТИ. Заведующие выпускающих кафедр увидели в этом конкуренцию. Пре-

одолеть это сопротивление было невозможно, и Марк Иванович стал постепенно сокращать свою активность в ЛЭТИ.

С тех пор минуло четверть века, сменился почти весь состав кафедры, но те, кто работает на ней сейчас, по-прежнему получают удовольствие от стиля жизни кафедры, сформированного Марком Ивановичем.

История знакомства и сотрудничества

Л. Я. Шашкина

Я в вузе работаю с 1974 года. У нас тогда была большая кафедра математики, на которой были все факультеты вуза. А потом в 1977 году пришел Марк Иванович, и нас разделили по факультетам.

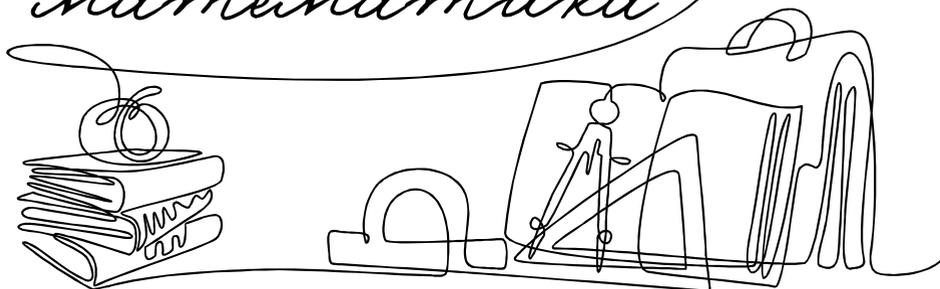
Марк Иванович подошел ко мне, не знаю, с чьей подачи, и сказал: «Лариса, Вы не хотите пойти ко мне на кафедру?» Я сказала: «Марк Иванович, с большим удовольствием». Наверное, уже тогда я чувствовала, что он очень хороший человек. Проработали мы с ним вместе до 1981 года, это получается 4 года, а потом меня с мужем отправили на Кубу. На 3 года я уволилась из секретарей кафедры и уехала.

Вернулась я в институт в 1984 году. Мне очень хотелось работать на той же кафедре с тем же заведующим кафедрой, поэтому я просто подошла к Марку Ивановичу и сказала: «Марк Иванович, Вы не можете взять меня снова работать вместе с Вами?» Марк Иванович посмотрел на меня и сказал: «Могу, Лариса». Так мы стали продолжать вместе работать. Это был мой первый заведующий, с которым работалось спокойно и комфортно. Проработали мы вместе 4 года до Кубы и потом с 1984 до 1996 года 12 лет. В общей сложности 16 лет проработали вместе.

Потом в 1996 году Марк Иванович ушел заниматься другими делами, так скажем. Мы не виделись где-то лет 10. Ну, естественно, я все про него слышала, все про него знала, поскольку некоторые наши сотрудники пошли вместе с ним работать, и связь была тесная.

В 2006 году мы решили собрать кафедру по случаю юбилея Анатолия Ефимовича Косулина, был мой юбилей, и еще у нас работал Ю. И. Ингстер — у Косулина было семидесятилетие, а мне и Юрию по шестьдесят, мы с ним одноклассники. И мне безумно захотелось увидеть на своем юбилее Марка Ивановича, а все вокруг говорили: «Ну что ты, Лариса? Он так занят». Я все-таки отважилась и позвонила. Марк Иванович сказал, что постарается, и вот я сидела на юбилее и все время смотрела на дверь, придет или нет Марк Иванович. И вдруг приходит Марк Иванович. Для меня, и не только для меня, это была очень приятная ситуация, потому что много людей, которые проработали с ним примерно такое же количество лет, тоже его увидели в стенах нашего вуза. Им было о чем всем друг с другом поговорить. Так что я доставила радость не только себе, но и многим сотрудникам кафедры.

Школьная математика

Учебники и книги М. И. Башмакова

С. Г. Иванов

В замечательном фильме «Метаморфозы Марка Башмакова» (<https://www.youtube.com/watch?v=YMWoyZreCAs>) Марк Иванович так сформулировал свое творческое кредо:

Обучение и учебник должны строиться по принципу пиршественного стола, накрытого, чтобы на этот «пир знаний» ученика как собеседника пригласил учитель. А для этого ему нужно иметь богатый стол. Есть возможность выбора, в разном порядке. Можно, например, сначала съесть фрукты, а потом только есть суп. А не то, что мы взяли учебник и строчку за строчкой линейно проходим. Это гипертекстовость, это веяния новых, современных технологий. И школьники к этому готовы.

Разумеется, эти идеи сразу становятся заметны при работе с учебниками Марка Ивановича. Сам я пользовался этими учебниками прежде всего для компьютерной поддержки преподавания математики школьникам, а также в работе со студентами и учителями. Несмотря на отсутствие опыта применения этих учебников на обычных школьных уроках, сразу заметил несколько особенностей.

1. Разные формы преподнесения материала, самоконтроля и промежуточного контроля

Например: теория, доказательство, замечание, приложение, примеры, алгоритмы, образы, смекалка, верно-неверно, тест, исследование.

2. Межпредметные связи, в том числе стихи с математическим подтекстом

Показать практическую полезность математики — идея старинная, но не всегда эффективная. Но при показе логических связей между разными дисциплинами, при обнаружении объектов на стыке различных школьных предметов понимание роли математики и осмысление межпредметных связей может раскрыться с новых сторон.

Один из примеров — стихи с математическим содержанием. Многие поэты имели математическое или техническое образование, что находило отражение в их стихах. Перечислю несколько примеров, найденных мной в учебниках Марка Ивановича. Вот Валерий Брюсов:

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам зри счет, как Демокрит.
Но живут, живут в N измереньях
Вихри воль, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!

Продолжает тему размерности Велимир Хлебников:

О дробных степенях пространства
Кто думал по ночам,
Его как свое убранство.
Я подаю очам.

Замечу, что фракталы, то есть множества дробной размерности, тогда еще не были придуманы.

Или вот Осип Мандельштам:

И я выхожу из пространства
В запущенный сад величин
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.
И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей, —
Безлиственный, дикий лечебник,
Задачник огромных корней.

Почитайте биографии этих поэтов (особенно в части образования) и поймете, что математические образы в их стихотворениях, видимо, возникли не случайно.

3. Сюжеты-исследования

Во многих темах есть возможность показать не только вычислительную, но и исследовательскую сторону математики. В учебниках Марка Ивановича приводилось много задач исследовательского характера, но, поскольку не каждому школьнику они доступны, часто использовалась идея применения серии задач с нарастающей сложностью, связанных между собой. Например, первая задача — уравнение с участием функции, вторая задача — неравенство, третья — уравнение с параметром, четвертая — неравенство с параметром. Таким образом, математическому объекту сопоставляли сюжет, развитие которого позволяло посмотреть на объект с нескольких точек зрения и решать задачи разного типа и уровня сложности. В некоторых задачах рассматривались вопросы, связанные с областью значений, условными равенствами и другими творческими вопросами. В таком случае начальные задачи смогут решить многие ученики, но для более подготовленных

и любознательных тоже найдется возможность поработать над содержательными сюжетами.

Интересно, что аналогичную идею Марк Иванович применил для вступительных экзаменов в ЛЭТИ, о чем рассказано в тексте А.М. Коточигова из этого сборника.

Кроме учебников Марка Ивановича, я сразу обратил внимание на ежегодно выходившие сборники задач прошедших конкурсов «Кенгуру», причем, кроме разбора задач, приводилась статистика (количество верно решивших по каждой задаче), типовые ошибочные решения, что повышает методическую ценность такого сборника.

Еще мне запомнились две книги Марка Ивановича — «Математика в кармане Кенгуру» и «Математика для тех, кому она не нужна».

Книги заинтересовали меня прежде всего оригинальным замыслом. В первой из них речь шла не столько о разборе задач конкурса «Кенгуру», сколько о расширении идей решения нескольких отдельных задач до содержательного математического обобщения, сопровождаемого примерами из истории математики.

Во второй книге речь шла о школьниках, для которых математика не является профильным предметом и требуется, как они считают, только для получения документа о среднем образовании. Но даже в таком случае можно задаться вопросом — как потратить на это меньше нервов, получить больше знаний и положительных эмоций.

Еще одна сторона моей работы с учебниками Марка Ивановича — компьютерная поддержка решения математических задач. Дело в том, что если задача состоит в построении объекта, удовлетворяющего заданным условиям, то проверку удобно поручить компьютерной программе, которая может указать, какое свойство не выполнено, и во многих случаях сопроводить эту информацию иллюстрацией.

Эффективен такой подход и для поддержки решения уравнений и неравенств, в том числе с параметром — здесь программа сможет продемонстрировать неполноту или избыточность решения с помощью примеров и контрпримеров, добавив иллюстрацию.

Таким образом, для конструктивно-исследовательских задач, которые в большом количестве представлены в учебниках Марка Ивановича, компьютерная поддержка оказалась довольно эффективной.

Методическая составляющая этих проектов была на высоком уровне и, надеюсь, еще ждет своей реализации. К сожалению, во многих проектах, связанных с компьютерной поддержкой математики, удалось сделать меньше, чем планировалось, по техническим причинам.

Подводя итог, отмечаю в учебниках и книгах Марка Ивановича возможность не только познакомиться с математическими объектами и закономерностями, но еще заметно расширить свой кругозор, проследить межпредметные связи, а в работе со школьниками наладить работу, в том числе исследовательскую, на нескольких уровнях в течение одного урока.

Научно-педагогическая школа М.И. Башмакова

С. Н. Поздняков

Научно-педагогическая школа на математико-механическом факультете Ленинградского государственного университета (ныне Санкт-Петербургский государственный университет) имеет давние традиции. Марк Иванович Башмаков как наиболее яркий ее представитель принял эстафету от Дмитрия Константиновича Фаддеева.

Мне известно о двух диссертациях, подготовленных на основе разработки курсов по разным разделам математики

в физико-математическом интернате № 45 при Ленинградском государственном университете, в становлении которого активную роль играл М.И. Башмаков. Это диссертация Валерия Александровича Гусева, посвященная методике введения производной без понятия предела. В основе работы лежала идея провести все рассуждения аккуратно, но на более узком классе функций — функций, удовлетворяющих условию Липшица. Вторая, известная мне диссертация — диссертация Юрия Иосифовича Ионина — написана под руководством Д.К. Фаддеева и М.И. Башмакова. Вот что об этом пишет выпускник 45-ой школы-интерната А.А. Флоринский в статье «Заметки об истории ФМШ № 45 при ЛГУ и академической гимназии СПбГУ им. Д.К. Фаддеева» (Математическое просвещение. 2020. Сер. 3, вып. 26. С. 17): «В основу обсуждаемого подхода к интегралу было положено то, что интеграл можно охарактеризовать как единственную аддитивную функцию промежутка, удовлетворяющую некоторым неравенствам «монотонной нормировки».

Об этих работах я узнал, когда в 1973 году выбрал на матмехе ЛГУ педагогическое направление и моим научным руководителем стал М.И. Башмаков. В качестве моей научной работы он предложил выбрать одно из двух направлений: методику преподавания математики в физико-математической школе или методику преподавания математики в профессионально-технических училищах. Я выбрал второе направление, так как в эти годы в стране активно развивалась система средних профессионально-технических училищ (СПТУ), и большая часть выпускников восьмых классов шла на обучение в СПТУ. В этой связи нельзя не упомянуть профессора и члена парткома математико-механического факультета Алексея Алексеевича Никитина. Он был равнодушным и социально активным человеком. Можно было удивляться тому, как он, минуя замов и секретарей, приходил непосредственно к руководителю

профтехобразования Ленинграда и области, ведя с собой компанию в составе молодого профессора Марка Ивановича Башмакова и нескольких студентов. Наверное, это было удивительно и для бессменного (со дня его основания в 1975 г. — до ликвидации в 1989 г.) начальника главного управления профтехобразования Ленинграда и Ленинградской области (Главленпрофобра) Льва Алексеевича Горчакова. Когда компания рассаживалась в кабинете высокого начальника, А. А. Никитин без особых предисловий заявлял, что становлением математического образования в средних профтехучилищах должен заниматься Ленинградский государственный университет, и что для профессионально-технического образования, которое стало давать полноценное среднее образование (СПТУ — средние профессионально-технические училища, в которых выпускники восьмилетки (теперь это девятилетка) учились 3 года, получая наравне с профессиональным общее среднее образование), матмехом ЛГУ должна быть разработана специальная программа по математике и учебник. Кроме того, нужны свои математические олимпиады, зимние и летние математические лагеря, на которые нужно выделить средства. Удивительно, но после этого процесс пошел немедленно. Координация была поручена управлению общего образования в лице его начальника Игоря Александровича Богачека и конкретно Галине Михайловне Карповой — инспектору по математике, которая не только по должности, но всей душой участвовала в постановке математического образования в ПТУ.

Таким образом, Марк Иванович в конце 70-х годов прошлого века переключился на подготовку программы и учебника по математике для профтехучилищ, а его ученики и коллеги — на проведение внеклассных мероприятий по математике в системе профтехобразования. В организации олимпиад Марк Иванович принимал непосредственное и активное уча-

стие. Одним из важных сформулированных им тезисов был тезис о том, что ребят из ПТУ нужно познакомить с классическими задачами математических олимпиад, не пытаясь их ни упрощать, ни усложнять несодержательными дополнениями. Он предложил использовать задачи, которые в школе использовались для 6–7 классов, но таких, чтобы в них содержались красивые математические идеи. Мысль эту он формулировал так: красивые математические идеи доступны всем, и все должны о них узнать. Если ребятам не выпало счастья познакомиться с ними в возрасте 13–14 лет, пусть познакомятся в 15–16 лет. Таким образом он определил главную цель математических олимпиад для профтехучилищ — расширить математическую культуру учащихся. И этот подход оправдал себя. Являясь организатором зимних и летних математических лагерей, в которые приглашались хорошо выступившие в олимпиаде учащиеся, и зная многих из этих ребят лично, могу сказать, что большинство из них не стали поступать в вузы, но, оставаясь рабочими — крановщиками, столярами, механиками — сохранили интерес к науке и стали интеллигентными людьми.

В 1985 году прошла Первая Всесоюзная олимпиада учащихся средних профтехучилищ по математике (Башмаков М. И., Пашкова Л. М., Поздняков С. Н., Фомин С. В. Первая Всесоюзная олимпиада учащихся средних профтехучилищ // Математика в школе, 1986. № 2. С. 61–65). К сожалению, эта олимпиада оказалась и последней в связи с трагическими событиями распада СССР и деградацией системы профтехобразования. Марк Иванович и сам активно участвовал в проведении олимпиад, приезжал в математические лагеря, проводил уроки в разных профтехучилищах, чтобы лучше почувствовать ребят, для которых писал учебники. Все это он делал энергично и «с удовольствием». Его пример заражал окружающих, например, я сам, будучи его аспирантом, с пятого курса и на протяже-

нии всего обучения в аспирантуре вел уроки в профтехучилищах, руководил математическими лагерями для профтехучилищ, заочной школой при газете «Смена», клубом «Интеграл», участвовал в проведении олимпиад. Расскажу забавный случай из 70-х годов. Известная журналистка из газеты «Смена» написала брошюру про работу Марка Ивановича в профтехучилищах. Рабочее название брошюры было «Алгорифм успеха». Однако в процессе редактуры оно преобразовалось в «Логарифм успеха», что немало позабавило математиков. В 90-е годы началось преобразование системы образования, которое серьезно коснулось профтехучилищ. В это время у Марка Ивановича появилась идея воссоздать Александровский лицей в его историческом здании (Каменноостровский пр., 21–23), где находилось ПТУ (СГПТУ № 16). Один из корпусов имел небольшие размеры, и в нем планировалось разместить Институт продуктивного обучения РАО, которым тогда руководил Марк Иванович. На базе СГПТУ № 16 был создан лицейский класс, с которым работали преподаватели ЛЭТИ (Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина), ныне университет СПбГЭТУ «ЛЭТИ»). Неопределенность 90-х годов прошлого века определила судьбу этого проекта — он завершился досрочно вместе с первым выпуском лицеистов.

По научно-педагогическому направлению, связанному с методикой преподавания математики в профтехучилищах, кроме меня, работали и другие ученики Башмакова — Галия Гисметовна Чекаева из Целинограда (в настоящий момент, Астана) и Татьяна Евгеньевна Савелова. Их исследования имели методический характер и были связаны с разработкой учебника и методических материалов для поддержки курса математики в СПТУ. Особняком стоит работа Лаины Параскевы, которая по линии связей коммунистических партий СССР и Греции приехала учиться в Ленинград (Башмаков М. И., Лаина П. И. Результативность обучения математике учащихся

средних профтехучилищ [о разработке базового компонента матем. образования] // Математика в школе, 1990. № 1. С. 37–42; Лаина П.И. Результативность обучения математике в школе.: Дисс. канд. пед. наук. Л., 1991).

В этой работе Башмаков предложил своей аспирантке из Греции исследовать оценку результатов обучения математики как многопараметрический объект. Иными словами, рассмотреть результат как целостный комплекс, включающий как конкретные навыки, так и различные аспекты развития личности. В результате этого исследования были выделены три большие группы параметров результативности (которые делились на несколько подгрупп):

1. Общее развитие личности.
2. Объем научных знаний.
3. Продуктивная деятельность.

Впоследствии эта работа нашла практическое применение в проведении конкурса «Кенгуру» — математика для всех — для 10–11 классов, выполненное М. И. Башмаковым совместно с Наталией Александровной Жарковской. Каждая задача этого конкурса имела классификацию по нескольким параметрам. После проведения теста участникам выдавался развернутый анализ результатов, показывающий значения различных параметров. Этот анализ позволял участникам оценить не только свои знания по предмету, но и сообразительность, умение применять свои математические знания, склонность к геометрическому (образному) либо к алгебраическому (символьному) типу мышления.

Активное участие Башмакова в этих исследованиях привело к выделению продуктивной деятельности в отдельное направление, которое в конечном счете имело следствием создание Института продуктивного обучения, ставшего первым самофинансируемым подразделением Российской академии образования (РАО). К тому времени Марк Иванович уже был

академиком РАО, и этот институт стал основным исполнителем программы по развитию продуктивного обучения, вошедшей в планы РАО.

Этот период связан с большим интересом Марка Ивановича к психологии обучения. Один из эпизодов связан с «методом Шаталова». Этот метод разработан талантливым педагогом Виктором Федоровичем Шаталовым, который использовал психологические феномены для быстрого усвоения школьной программы по математике («десятилетку за восемь лет»). На мой взгляд, основной особенностью его подхода было то, что школьная программа по математике становилась целью, а не инструментом для введения ученика в более глубокие идеи математики. Однако, поскольку именно так воспринимают школьную программу большинство учителей, его метод пользовался огромным успехом. Одной из составляющих опыта были «опорные сигналы». Применялись они так: когда Шаталов вел урок, он записывал на доске отдельные слова или числа, например, «Гаусс» или год рождения какого-то математика. Эти слова ученики переписывали в свои конспекты. В дальнейшем записанные слова служили сигналами для воспроизведения связанного с ними текста. Подобный эффект исследован психологами и является основой нескольких психолого-педагогических теорий. Психолог Лев Моисеевич Фридман сделал критический анализ метода Шаталова, в котором критиковал такое использование психологических механизмов из-за того, что у учеников вместо логических формируются связи с объектами, не имеющими значения для понимания смысла изучаемого материала. Марк Иванович Башмаков, знакомый со всеми взглядами на проблему, предложил новую идею — замену опорных сигналов «информационными схемами». Эти своеобразные схематические рисунки должны были частично сыграть роль опорных сигналов, однако основывались на глубоких математических связях включен-

ных в них математических объектов, не являясь случайным набором знаков, сопровождающих изложение отдельного учителя. Поэтому связи произносимых объяснений с этими картинками имели объективную основу.

В это время и в связи с концепцией информационных схем у Марка Ивановича появляется новая ученица — Наталья Александровна Резник, — которая начала заниматься методикой преподавания математики отнюдь не в девичьем возрасте, а пришла на заочное отделение матмеха ЛГУ с музыкальным образованием по причине проблем со слухом. Она стала заниматься проблематикой визуального мышления и защитила кандидатскую, а потом и докторскую диссертации по этой тематике, порадовав психологов связью методики с психологией обучения.

Идеи, связанные с продуктивным обучением, получили институциональную поддержку в создании Института продуктивного обучения, который был открыт одновременно с аналогичным и дружественным институтом (IPLE) в Берлине Йенсом Шнайдером и Ингрид Бем. С ними Марк Иванович познакомился в рамках проекта «Общество как школа» (INEPS — International Network of Productive Schools), который существует и поныне и объединяет педагогов разных стран, занимающихся проблемами социального адаптирования ребят школьного возраста, по разным причинам не посещающих обычную школу.

В связи с этим нужно отметить определенную переориентацию научно-педагогических интересов Марка Ивановича. Если в начале его педагогической деятельности они были полностью погружены в область методики преподавания математики, то теперь приоритет стал отдаваться педагогической составляющей. То, что такой сдвиг действительно произошел, подтверждают мои личные воспоминания в период работы учителем ПТУ. Марк Иванович наставлял меня, что излишнее

внимание к реальным педагогическим проблемам, поневоле выходящим на первый план в повседневной учительской работе, мешает осмыслению общих методических проблем, увидеть которые на уровне одного учебного заведения невозможно. По его совету я удалил из кандидатской диссертации все материалы, имеющие касательство к педагогике.

Этот переход также можно объяснить увеличением социальных проблем в 90-е годы, работой Марка Ивановича в Комиссии Ленсовета по образованию, председателем которой он был избран сразу после ее формирования.

Вернемся к теории продуктивного обучения, которой Марк Иванович занимался после завершения проектов с профтехобразованием. Термин «продуктивный» ввел Макс Вертгеймер — основатель гештальтпсихологии и преподаватель математики. Широко известна его книга «Продуктивное мышление» (Вертгеймер М. Продуктивное мышление: Пер. с англ. / Общ. ред. С. Ф. Горбова и В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987). Смысл, который в это вкладывал Вертгеймер, можно приблизительно изложить так. Мышление определяется привязкой абстрактных идей к представлениям, которые есть у человека, и именно этими целостными образами — гештальтами — человек оперирует в процессе деятельности, которую мы называем мышлением. Таким образом, осуществляя умственные операции, человек создает гештальты — продукции, что позволяет считать человека продуктом самого себя.

Приведем определение продуктивного обучения из монографии, редактором которой является М. И. Башмаков: «В настоящее время продуктивное обучение представляет собой оформившуюся педагогическую систему, которая ставит целью помочь молодому человеку в его профессиональном становлении, личностном самоопределении и уверенном вхождении в социум с помощью реализации его индивидуального образовательного маршрута, включающего его продуктивную

деятельность на различных рабочих местах и обеспечивающего раскрытие его творческого потенциала» (Башмаков М. И. Что такое продуктивное обучение // Теория и практика продуктивного обучения. М.: Народное образование, 2000. С. 287–316). Таким образом, в этом определении соединено и понятие продукта деятельности в том его материальном воплощении, как мы обычно и воспринимаем этот термин, но, в то же время, если деятельность человека специально организована, то, создавая продукт, человек создает и самого себя. Такое объединение материального и идеального вполне соответствует работам Л. С. Выготского, наиболее ярко представленным в монографии «Мышление и речь» (Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999), которую Марк Иванович внимательно изучил в процессе разработки теории продуктивного обучения.

Психологический феномен интериоризации, описанный в работах Алексея Николаевича Леонтьева (например, Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975), продолжающего развивать концепцию Л. С. Выготского, состоит в том, что внешние действия постепенно превращаются во внутренние. Таким образом, создание любого материального продукта влечет изменения в интеллектуальной сфере человека, делая его также продуктом своей деятельности.

В настоящее время на кафедре алгоритмической математики СПбГЭТУ «ЛЭТИ», преемнице кафедры ВМ-2, созданной М. И. Башмаковым, продолжает существовать его научно-педагогическая школа, в которой ученики Марка Ивановича и ученики его учеников продолжают работы по развитию продуктивных методов обучения, в том числе, на основе быстро развивающихся цифровых технологий.

**Стенограмма выступления М.И. Башмакова
11 декабря 2020 г. в рамках онлайн-совещания
по научному проекту***

Я хотел бы предложить следующую идею к развитию теории информационных сред.

Проанализированные в монографии «Информационная среда обучения» (М.И. Башмаков и др. РАО. СПб.: Свет, 1997) информационные среды в качестве своей содержательной основы, базы ссылок имеют, естественно, школьную математическую программу.

Какое-то время тому назад я участвовал в одном обсуждении, где со стороны учителей были высказаны следующие соображения. Имеется много разных задач, много разных способов, конструкций, как их решать. Это очень расплывчато и часто бывает далеко от математики.

Я тогда предложил попробовать применить уже имеющиеся способы конструирования среды, но на другой основе, взяв за содержательную основу математические идеи. В выступлении тогда все время звучала такая мысль — что идей этих не очень много. Когда у меня спросили, какие математические идеи могут помочь учителю в построении не очень узкого конкретного данного урока или темы, а более широко, в течение некоторого срока обучения, то я это сделал и выделил 24 темы, они даже оказались там опубликованы, нашли большую поддержку. Эти темы были разбиты на пять разделов, я разделы назову, скажем, конструкциями, там объединяются числовые конструкции, геометрические конструкции, логические конструкции, комбинаторные конструкции, графы, геометрическая комбинаторика. Во второй группе — оценки, и тут они

---

* *Прим. С.Г. Иванова:* текст вызывает сильные ностальгические воспоминания, поскольку это была моя последняя беседа с Марком Ивановичем.

совершенно разные: и сравнение чисел, и просто неравенства, оценка функций, числовые экстремумы, геометрические неравенства, и так далее.

Мне представляется, что, может быть, сейчас это актуально — попробовать выстроить такую содержательную схему, где во главу угла была бы поставлена не привычная формулировка той или иной темы, хотя и здесь тоже многое пересекается из того, что я сказал, я же хотел не уходить далеко от школы, а все-таки какая-то более явно выраженная математическая идея. С тем, чтобы можно было за какой-то интервал обучения собрать все это вместе. Грубо говоря, если стоят числовые конструкции, что-то в пятом классе, что-то будет в восьмом, что-то в десятом — можно видеть в этом нечто более единое. И тогда эта содержательная сторона должна быть оснащена задачами, с одной стороны, в достаточно большом объеме, и это может соединиться с идеей привлечения молодых людей, которые могли бы быть в качестве волонтеров. Чтобы к волонтеру можно было обратиться по поводу соединения разных вещей, а главное — распознавания этой идеи, потому что этого сейчас в школьной программе, на мой взгляд, не хватает.

Есть еще один вопрос, который к этому следовало добавить. Надо было бы работать над моделями нового типа. Слушая телевизор в последнее время, в связи, скажем, с футболом, я представил — как с интересом все смотрели на то, как формировались группы для отбора на чемпионат мира по футболу, с разными ограничениями: этот не должен играть с этим, и так далее. Я представил, что, если предложить школьнику составить с определенными данными расписание, — это потребует самых разных вещей. И, кроме того, по своей постановке и по всему, оно будет проводить еще одну идею, которую я все время буду отстаивать, а именно то, что она немножко противоположна идее создания материалов для одаренных детей, для школ олимпийского резерва. Наоборот — для всех.

Это идея, которая тоже была поддержана. В свое время мы получили премию «Математика для всех», но сама по себе эта идея не очень в школе для всех, но, тем не менее, на основе хорошей математики.

Тут тоже есть интересный неожиданный материал, но то, что много лет нами делалось для профтехучилищ, для школ, каким-то образом ушло, в силу каких-то причин.

ПТУ всегда стояли несколько в стороне, я буквально сегодня подписывал новые договоры и подумал — то, что мы сделали для них, это очень трудная книга, это набор моделей, ситуаций — жизненных, технических, настоящих. Они используются, казалось бы, для самых слабых учеников. Но она все время издается, эта книжечка, и учителя очень ее любят. И она будет снова издаваться. Эту сторону тоже можно было бы добавить.

Тем самым, заканчивая, я называю три вещи:

— первая — это расширение содержательной основы структуры новых информационных сред, переводя ее ближе в сторону основных математических идей;

— вторая — привлечение к этому волонтеров, которым это будет очень интересно, могу представить, как студент матмеха или какого-либо хорошего вуза отвечает за определенную тему, и к нему можно обращаться с просьбой;

— третья сторона — формирование наборов крупных моделей, не просто задача как модель, а модель, из которой можно извлечь много мелких моделей разного уровня, разной трудности, разного возрастного уровня, разного, может быть, даже идейного уровня.

Вот три идеи, которые я хотел бы назвать. Спасибо.

«Книга художника» — еще одна грань деятельности М. И. Башмакова — вид искусства, которым он сильно интересовался и для популяризации которого много сделал.

Марк Иванович не только коллекционировал редкие книги, но и позаботился о том, чтобы такие книги могли увидеть широкие круги любителей искусства. Он передал в дар Эрмитажу десятки редких книг из своей коллекции, неоднократно проводились выставки этих книг.

Чтобы полнее оценить масштаб и полезность этой работы, ниже приводятся списки проведенных выставок и книг, переданных Марком Ивановичем в дар Эрмитажу. Кроме того, с незначительными сокращениями публикуется расшифровка онлайн-экскурсии, на которой научный сотрудник Государственного Эрмитажа М. В. Балан подробно рассказывает про особенности этих книг, про технологию их создания.

Выставки книг из собрания Марка Башмакова в Эрмитаже

*Livre d'artiste. Книги из собрания Марка Башмакова
27 сентября 2013 г. – 15 января 2014 г.*

*Paroles peintes. Книги из собрания Марка Башмакова
17 апреля – 9 августа 2015 г.*

Кабинет книги художника

29 декабря 2015 г. – 3 апреля 2016 г.

Встречи в книге

15 апреля – 11 сентября 2016 г.

Александр Алексеев — мастер книги. Собрание Марка Башмакова

23 сентября – 18 декабря 2016 г.

Творческий почерк. К юбилею издания «Книги Бытия» Андрея Ланского

27 декабря 2016 г. – 8 мая 2017 г.

Шедевры livre d'artiste. Дар Марка Башмакова

10 февраля – 26 февраля 2017 г.

Ар деко. Книги из собрания Марка Башмакова

1 июня – 16 сентября 2018 г.

Пабло Пикассо: художник среди поэтов. Книги из собрания Марка Башмакова

21 декабря 2018 г. – 17 февраля 2019 г.

Не разделяя живопись и поэзию. Книги с иллюстрациями Андре Массона из собрания Марка Башмакова

5 марта – 2 июня 2019 г.

Алхимия образа. Книги Макса Эрнста из собрания Марка Башмакова

14 июня – 15 сентября 2019 г.

Цвет, ритм, юмор. Книги Жоана Миро из собрания Марка Башмакова

31 октября – 16 февраля 2020 г.

Книга художника: от Пьера Боннара до Энди Уорхола. Дар Марка Башмакова Государственному Эрмитажу

19 ноября 2019 г. – 1 марта 2020 г.

Завоевание иррационального. Книги Сальвадора Дали из собраний Марка и Павла Башмаковых

10 марта – 18 октября 2020 г.

Печать сюрреализма. Книги из собрания Марка Башмакова

15 июня – 5 октября 2021 г.

**Книги из собрания Марка Башмакова,
переданные в дар Эрмитажу**

<i>Художник</i>	<i>автор (если есть), название, год издания</i>
Пьер Боннар	Поль Верлен. «Параллельно». 1900
Пьер Боннар	Лонг. «Дафнис и Хлоя». 1902
Морис Дени	Данте Алигьери. «Новая жизнь». 1907
Морис Дени	«Цветочки святого Франциска Ассизского». 1913
Эмиль Бернар	«Любовная лирика Пьера де Ронсара». 1915
Аристид Майоль	Вергилий. «Эклоги». 1926
Александр Алексеев	Эдгар Аллан По. «Беседа Моноса и Уны». 1929
Рауль Дюфи	Эжен Монфор. «La Belle-Enfant». 1930
Морис де Вламинк	«Опасный поворот». 1930
Франсуа-Луи Шмид,	«Мусульманский рай». 1930
Густав Миклош	
Пабло Пикассо	Овидий. «Метаморфозы». 1931
Жорж Руо	Амбруаз Воллар. «Реинкарнации Папаши Убю». 1932
Рауль Дюфи	Альфонс Доде. «Тартарен из Тараскона». 1937
Андре Дерен	Франсуа Рабле. «Пантагрюэль». 1943
Кес Ван Донген	Анри де Монтерлан. «Прокаженные». 1947

Кес Ван Донген	Вольтер. «Царевна Вавилонская». 1948
Андре Массон	Андре Мальро. «Завоеватели». 1949
Фернан Леже	Артюр Рембо. «Озарения». 1949
Фернан Леже	«Цирк». 1950
Александр Алексеев	«Слово о полку Игореве». 1950
Андре Дерен	Петроний Арбитр. «Сатирикон». 1951
Жан (Ханс) Арп	«Сны и проекты». 1951–1952
Жорж Брак	Гесиод. «Теогония». 1955
Хуан Грис	Пьер Реверди. «Au soleil du plafond». 1955
Антони Клаве	Франсуа Рабле. «Гаргантюа». 1955
Андре Массон	Жан Полан. «Les Nain-Tenue». 1956
Сальвадор Дали	Мигель де Сервантес. «Дон Кихот Ламанчский». 1957
Жоан Миро	Поль Элюар. «Испытание выдержав». 1958
Марсель Громер	Уильям Шекспир. «Макбет». 1958
Жорж Брак	Пьер Реверди. «Свобода морей». 1959
Андрей Ланской	Пьер Лекюир. «Кортеж». 1959
Жан (Ханс) Арп	«К бесконечному белому». 1960
Жак Вийон	Франсуа Вийон. «Большое завещание». 1963
Коллектив художников	Уолесс Тинг. «Жизнь в один цент». 1964
Андрей Ланской	«Книга Бытия». 1966
Сальвадор Дали	Льюис Кэрролл. «Алиса в стране чудес». 1969
Макс Эрнст	Рене Шар. «Зуб наготове». 1969
Макс Эрнст	«Волшебный рог Льюиса Кэрролла». 1970
Александр Колдер	Жак Превер. «Праздники». 1971
Антони Клаве	Сен-Жон Перс. «Слава царей». 1976

Благодарим за предоставленную информацию научного сотрудника Государственного Эрмитажа М. В. Балана.

От Пьера Боннара до Энди Уорхола

Расшифровка онлайн-экскурсии М. В. Балана,
проведенной 8 августа 2022 года на выставке
«Книга художника» в Государственном Эрмитаже*

Наш сегодняшний выпуск посвящен выставке «Книга художника: от Пьера Боннара до Энди Уорхола. Дар Марка Башмакова». С этой выставкой связана история необычная, история печальная, в то же время история, важная для Эрмитажа.

Это не новая выставка, эта выставка была открыта в ноябре 2019 года, и это выставка, на которой было представлено 20 книг, переданных в дар Эрмитажу Марком Ивановичем Башмаковым.

Марк Иванович Башмаков — известный ученый, библиофил, коллекционер. Он собрал очень представительную, очень внушительную по объему, по именам, по количеству шедевров коллекцию книг, иллюстрированных художниками XX века, книг, которые мы называем *Livre d'artiste* или Книга художника. Мы выставляли эти книги на протяжении почти десятка лет. Вот здесь на выставке у нас есть и перечень выставок, полтора десятка выставок из собрания Марка Башмакова.

В 2017 году Марк Иванович передал в Эрмитаж 20 книг из своей коллекции, и по его инициативе был открыт кабинет Книги художника вот здесь рядом, в Главном штабе, и это постоянная экспозиция шедевров иллюстрированной книги XX века. В 2019 году — еще один дар, опять 20 книг. Выставка была представлением этого дара.

Этой весной Марка Ивановича не стало, и мы хотели в память о нём, в знак признательности и благодарности показать все 40 изданий, которые им переданы. Эта выставка закры-

---

* Видеозапись экскурсии по адресу: <https://yandex.ru/video/preview/3796282082661383654>.

лась в свое время из-за пандемии, и кабинет Книги художника был закрыт, сюда было не попасть. Сейчас кабинет Книги художника вновь открыт, и там можно увидеть 20 книг, подаренных в 2017 году. Здесь мы восстановили выставку, где представлено 20 книг, дар 2019 года. Эта выставка не та же самая, она обновленная, потому что в книгах десятки, а иногда и больше сотни иллюстраций, и мы можем выбирать разные. Вот здесь, когда мы решили эту выставку восстанавливать, мы её восстановили практически в той же композиции. Это те же книги, но выбирали мы, как правило, другие иллюстрации, другие листы. Мы помнили, что мы показывали, и старались не повторять те иллюстрации, которые уже были выставлены.

Я попробую рассказать о некоторых экспонатах. Это очень представительный набор книг, пунктиром показывающих историю этого явления, которое называется *Livre d'artiste*, или Книга художника.

Договоримся, что сейчас для нас это синонимы, иначе мы погрязнем в терминологических вопросах. Хронологически первая книга — «Дафнис и Хлоя», пасторальный роман Лонга, древнегреческого автора, книга с иллюстрациями Пьера Боннара, 1902 год.

Если мы говорим про историю *Livre d'artiste*, она возникла в конце XIX или на рубеже XIX–XX веков. Вот Боннар здесь — один из первых и главных героев. Это вторая его крупная книжная работа, первая, параллельная — стихи Верлена с литографиями Боннара — экспонируется в кабинете Книги художника.

«Дафнис и Хлоя» — книга гораздо более строгая и упорядоченная. Такая понятная система, вот почти квадратная иллюстрация над несколькими строчками текста, и так практически на каждой правой, то есть нечетной странице. Здесь больше 150 литографий, это сам текст, такой нежный и трогательный, и в общем, литографии Боннара такие же. Это очень редкое издание, у него маленький тираж — 250 экземпляров.

Что мы называем *Livre d'artiste*, или Книга художника? Мы имеем в виду, во-первых, что это произведение выдающегося живописца или скульптора, который, как правило, не иллюстратор по профессии. Во-вторых, это иллюстрации, выполненные в технике, что называется, оригинального эстампа. Это литография, гравюра на дереве, гравюра на металле, линогравюра, но это не дешевые механические репродукции, которые можно встретить в тиражной книге. И это, как правило, хорошая бумага, качественный набор текста, и это небольшой тираж. «Дафнис и Хлоя» — очень редкая книга и очень знаменитая. Это действительно одна из точек отсчета всей этой истории.

Рядом работа Эмиля Бернара, это сборник сонетов Ронсара, выпущенный в 1915 году. Бернар на рубеже 1880–90 годов был художником Понт-Авенской группы. Работал вместе с Гогеном, здесь гораздо более поздний Бернар, когда он стал таким последовательным традиционалистом, обращавшимся к искусству Средневековья, Возрождения XVII века. Это очень хорошо видно в этой книге. Здесь в общей сложности 17 гравюр на металле, 16 из них — это на отдельных листах отпечатанные композиции — явно навеяны искусством XVI–XVII века на мифологические сюжеты, которые, кстати, не имеют никакого прямого отношения к текстам сонетов, но просто это тот мифологический контекст, в котором и Ронсар существует. И, может быть, самое интересное — это контекст его оформления. Оформление — это заставки и концовки. У каждого сонета заставка, концовка, титульный лист, еще виньетка на обороте листа, это ксилографии, текст.

И очень для меня удивительная штука — это рукописный текст. То есть Бернар переписал текст сонетов от руки и дальше — никак не могу в это поверить, но — по всей видимости, этот текст гравирован на дереве, то есть это тоже ксилографии. Может быть, это делал не сам Бернар, но все равно это

совершенно огромная работа, можно даже посчитать, сколько это получается строк. Это классические сонеты, 14 строк в каждом, то есть 700 строк надо было награвировать. И это привет Средневековью, конечно, потому что это такой как бы блокбук, где вместе и текст, и иллюстрация или концовка-заставка, в данном случае гравированная.

Это, с одной стороны, работа очень традиционалистская, а с другой стороны, и очень авангардная. И уникальная, потому что я, честно говоря, не знаю, где бы еще вот такое в XX веке было сделано.

Как получали заказы на такие книги? Ну, здесь-то известно, как получали заказы: был такой человек по имени Амбруз Воллар, торговец картинами, собственно, один из пионеров всей этой истории, *Livre d'artiste*, потому что первую книгу Боннару заказал Амбруз Воллар. Он все это задумал, он эти книги издавал регулярно, издал в общей сложности несколько десятков, и потом уже выпускали другие. Так вот и «Дафнис и Хлоя» — это заказ Воллара, и сборник Ронсара — это тоже его заказ. Он с Бернаром сделал еще четыре книги.

Мы говорим Книга художника, а на самом деле, издатели были такими двигателями этой истории. Бывало, что художники делали иллюстрации без заказа, по собственному почину или по почину поэта, современника или друга. Но очень часто это издательский заказ.

Кстати, если мы вспоминаем Марка Ивановича, в его размышлениях, в его текстах о Книге художника, это был такой постоянный рефрен о роли издателей, которые были, по его словам, моторами для этой истории.

Кто мог покупать такие книги, ответить сложнее. Тут есть некоторый парадокс, потому что это малотиражные, библиофильские книги, они ориентированы на библиофилов, на ценителей, на любителей. Любители такие книги поначалу не любили. Библиофилы привыкли к тому, что книгу иллюстри-

рует иллюстратор. Это для нас сейчас неважно — иллюстратор, живописец... А чем иллюстратор не художник? Конечно, он тоже художник.

В XIX веке было такое разделение на разные сферы деятельности. Есть иллюстрирование, и есть живопись. Иллюстраторы знают, как надо иллюстрировать, как вписывать композицию в макет книги, а художники не знают. И зачастую с точки зрения вот таких традиционалистов-библиофилов эти книги были неправильные. Выражения «Книга художника», или *Livre d'artiste*, тогда еще фактически не было, но они тогда говорили «Книги, иллюстрированные живописцами». Это такие особенные книги, и на их вкус странные.

Существует мнение, что покупали их не очень охотно. Тот же Воллар в своих воспоминаниях говорил, что не очень покупали его книги, но сейчас они, конечно, разошлись. В общем-то все стали редкостью. Покупали люди, которым было близко это искусство. Может быть, я фантазирую, не столько ради самих книг, сколько ради работы художников. И в принципе, это была одна из идей, что эта книга с текстом, с иллюстрациями, но прежде всего это работа художника.

Если говорить про такие начальные вещи — это работы Мориса Дени, который много занимался книжной иллюстрацией в 1890-е и особенно в 1900–1910 годы. «Цветочки святого Франциска Ассизского» — собрание рассказов о жизни и деяниях святого. Дени, так же, как и Бернар, явно ориентировался на средневековое искусство. Он еще в 90-м году говорил о том, что иллюстрации не должны рабски следовать за сюжетом, а должны быть декорацией, оформлением книги, и приводил в пример как раз средневековые манускрипты. Здесь, это 1913 год, хорошо видно, что Дени ориентировался на средневековые первопечатные или рукописные книги. Такие бордюры, оформление, отпечатанные гравированные инициалы. В то же время видно, что это художник XX века, про-

шедший через опыт модерна и в целом связанный с декоративным искусством рубежа XIX–XX веков. Например, эти деревца — очень характерный декоративный мотив того времени. Собственно, Дени был одним из создателей этого декоративного искусства рубежа веков.

По поводу иллюстрирования — редкий художник не говорил, что иллюстрация не должна быть иллюстрацией в прямом смысле слова. Они хотели себя противопоставить профессиональным иллюстраторам. Показать, что художники делают, что хотят. Да, они говорили, но часто сами себе противоречили.

Мы можем взять книжку и узнать сюжеты — святой Франциск приручает голубей или брат Бернард по его просьбе наступает на грудь святому Франциску, — в общем, сюжеты будут узнаваемые, и так бывает довольно часто.

Рядом «Мусульманский рай», здесь хорошо бы еще разобраться, что это за текст. То ли это одна из сказок «Тысячи и одной ночи», переведенная известным востоковедом Жозефом Мардрюсом, то ли это его собственное сочинение, как бы в подражание. Это издание 1930 года. Иллюстрированное и оформленное Франсуа-Луи Шмидом и Густавом Миклошем. Это один из таких характерных образцов книги ар-деко. У нас была большая выставка книг ар-деко в 2018 году. Там, кстати, есть некоторая интрига по поводу Шмида и Миклоша, я не буду распространяться, в каталоге 2018 года можно почитать.

Ар-деко — это богато декорированная, цветная, яркая книга, эффектная, элегантная. Цвет золота, в то же время здесь явно наследие или отзвуки авангардной геометрии. Можно, кстати, показать обложку этой книги, там такое, прямо, торжество абстрактной геометрии. Или вот смотрите на богато оформленный титульный лист.

И здесь не только иллюстрации. Здесь еще есть разнообразные элементы оформления текста. Вот такие цветные плаш-

ки под заглавными буквами в началах строк, бывают цветные линейки. Это все гравюры на дереве.

И работа Дени — представьте себе, там больше 250 страниц, каждая оформлена. Здесь страниц поменьше, но в общей сложности больше 30 композиций в гравюре на дереве. Это всё огромный труд. Как правило, целая артель мастеров работала над созданием гравюры на дереве. Цветная гравюра требует печати каждой краски с отдельной деревянной доски, то есть это, как правило, такой коллективный труд.

В композиции этой выставки мы не пытались соблюсти хронологию и не пытались делать тематические объединения. Это просто не очень-то и возможно. Но нам хотелось, чтобы рядом оказались Дени, Шмидт и Дюфи — в принципе, очень разные художники, и не сказать, что одного круга, но книги друг с другом перекликаются и играют. Вот эта работа Рауля Дюфи, 1937 год, «Приключения Тартарена из Тараскона», текст Альфонса Доде. Это цветные литографии, очень веселые и, в общем, такие легкие, жизнерадостные. В принципе, и книга сама веселая, юмористическая, это здесь хорошо видно. Опять же, если мы говорим об оформлении, это тотально оформленные книги, здесь тоже множество литографий — это концовки, заставки, инициалы. Есть отдельные иллюстрации над несколькими строчками текста. Это цветные литографии, то есть это отпечатано с каменных печатных форм. Известняковая плита, на которой работает художник, причем вот здесь специально подчеркнуто, что Дюфи работал прямо на этих каменных плитах собственноручно, без помощи. Он сам работал на камнях, и это печать в несколько красок.

Вот эти камни посчитали и с гордостью сообщили, что 385 камней потребовалось для печати иллюстраций. Здесь, если я правильно помню, 106 страниц оформлены литографиями. И надо еще представлять себе литографский камень, плиту довольно увесистую. Ну, если камень размером со страницу, то

он несколько килограммов весит, а если в разворот, то и все 10 совершенно запросто.

Сколько времени уходило на создание книги? Работа была начата в 1931 году, а закончена в 1937, но это не значит, что художник 6 лет только над этой книгой и работал. Наверное, что-то другое делал в это время, например, панно для Всемирной выставки 1937 года и много чего еще. Но книга объемная и с большим количеством иллюстраций — это часто на годы растягивающийся процесс. Потом, это же не просто создание иллюстрации, это макетирование. Набор текста, совмещение иллюстраций или элементов оформления с текстом, предварительные макеты делаются, на которых вот это все прикидывается. Это огромный труд, причем до всякого компьютерного набора, это все делалось вручную.

Это работа художника, близкого к кругу Дюфи, — это работа Фернана Леже, только существенно более поздняя, 1949 год. Вот эти два листа, лежащие на стенке витрины. Это сборник Артюра Рембо «Озарение». Рембо к тому времени был абсолютно культовой фигурой, его многократно издавали, переиздавали, но удивительным образом очень мало иллюстрировали. И вот это первое иллюстрированное издание «Озарения». Здесь любопытная система — текст отпечатан типографским способом обычным, но есть отдельные стихотворения или фрагменты стихотворений, которые Леже переписал от руки. Вот как Бернар переписывал от руки, только здесь это не гравировалось на дерево, конечно, а это сам Леже переписал на специальной бумаге, видимо, литографской тушью. Далее, как переводная картинка, это было переведено на камень или, может быть, на цинковую печатную форму и отпечатано по методу литографии. Также есть несколько иллюстраций, в общей сложности 15 литографий, часть из них еще раскрашена. Вот красный цвет, который мы здесь видим.

Красная краска — не литографская, эта раскраска, в разных экземплярах раскрашивали разное количество иллюстраций, это делал не сам Леже, но использовали трафареты по его оригиналам. Экземпляры немножко отличаются друг от друга. Там и разное количество раскрашенных литографий, ну и краска, когда вручную раскрашивают, ложится не всегда одинаково, может быть немножко разный оттенок. То есть каждый экземпляр в некотором смысле уникальный.

Здесь любопытно, как цвет не просто меняет зрительное впечатление от композиции, но еще вводит смысл, например, «вот пришло время убить или вот время убийц». Это строчка из стихотворения Рэмбо, и здесь мы видим кровавые следы, про которые сразу понятно, как соотносятся со смыслом.

А еще одна книга, на этот раз полностью рукописная, — это работа Джорджа Брака и Пьера Риверди «Свобода морей». Я должен пояснить, когда мы говорим «рукописная книга», мы не имеем в виду, что это оригинальная рукопись. Мы имеем в виду, что оригинальная рукопись каким-то образом воспроизведена и отпечатана. Это не типографский набор, это как бы живой почерк. Это полностью рукописная книга, там нет ничего типографского, кроме выходных сведений. Смотрите, Бернар сам переписывает текст сонетов Ронсара, Леже переписывает фразы или стихотворения Рембо, здесь пишет сам поэт Пьер Риверди, который вообще любил вот такие вещи, он переписал целые сборники стихотворений. Там всего 19 стихотворений, 140 страниц в общей сложности, потому что он переписал их крупным почерком в огромном формате так, что на строчку может влезать одно-два слова, фраза может растянуться на две страницы, переходить с разворота на разворот. Дальше, как это было репродуцировано, как это было отпечатано — это в некотором смысле вопрос. То ли это литография, как было у Леже, то ли это, если верить современным источникам, это 1959 год, и они указывают, что это гравюра на кам-

не, то есть камень, литографский известняк. На нем получается рельеф литографии. Здесь гравюра, то есть какой-то рельеф. Его достоверно можно увидеть.

Это тот случай, когда поэт становится как бы художником книги. Он оформляет собственный текст, он представляет его в виде рукописи. Не надо думать, что это черновик, здесь видно, что он старался. В некоторых случаях там действительно такая эстетика черновика, но все равно это он старался, потому что это все равно с определенной художественной целью делается.

Оформление Брака — это вот такие небольшие композиции, ну буквально оформляющие текст, иногда почти абстрактные, иногда такие как бы просто кляксы. Как будто чернила капнули, собирая, и вот что-то такое получилось. Понятно, что это все специально делается, потому что тут текст дается белым на черном, тогда эта клякса попадает на текст. Иногда они очень сдержанные и изобразительные, черно-белые в основном, и есть несколько цветных литографий. Фронтиспис, обложка и пять вот таких литографий, помещенных между страницами с текстом, огромная книга. По обложке сложно представить себе её масштаб, но порядка 75 см высота. Тяжеленный том, который сложно доставать, сложно листать, сложно читать.

Эти стихотворения можно прочитать и в обычной книжке карманного формата. Так удобно, в метро едешь, читаешь. Но здесь это другое, потому что мы видим текст, совершенно по-другому представленный, да и это в общем, и в таком формате, и в такой форме, совсем другое представление текста. Вообще, это довольно развитая в *Livre d'artiste* тенденция, такая разновидность — рукописная книга, где тоже существуют свои разнообразные варианты.

Сохранился ли где-то хоть один литографский камень, который использовался для печати таких книг? Вообще, по правилам, литографские камни, как и другие печатные формы,

должны были уничтожаться. То есть камень стирали, чтобы потом его можно было использовать еще раз. Поскольку у этих книг ограниченный тираж, предполагается, что по окончании печати тиража дальше печатать нельзя, его нельзя повторить, поэтому сами камни, может быть, остались, а вот изображения на них быть не должно. Но может быть, где-то остались и не стертые камни, так же, как сохранились гравированные доски, например, Матисса. Они позолоченные хранятся, кажется, в Балтиморском музее, но они позолочены коллекционерами. По-моему, та же история с Пикассо, но тут я уже не поручусь.

На противоположной стене у нас собраны работы сюрреалистов и, условно говоря, примкнувших к ним. Понятно, что это мы на самом деле так объединяем. Здесь книга с иллюстрациями Андре Массона, мы можем показать титульный разворот. Роман Андре Мальро «Завоеватели» 20-х годов, посвященный гражданской войне в Китае, очевидцем которой был Мальро. Здесь у Массона есть некоторые сюжетности, есть отсылки к китайскому антуражу, но больше всего китаизмов в самой манере изображения. В 40-е годы Массон жил в Америке и там впервые, в Бостоне, увидел большую коллекцию китайского искусства, которым уже и раньше интересовался. С этого времени на протяжении лет, наверное, 20-и, многие его вещи делаются под знаком увлечения китайским искусством, но здесь это хорошо видно — такие вот размытые тающие пятна, с одной стороны, с другой стороны. Такие запутанные, как бы иероглифические, свободно нарисованные линии. Здесь есть какие-то китайские мотивы, сюжеты, но даже не сам сюжет, но именно вот влияние китайского искусства на саму манеру исполнения.

В то же время мы говорим про сюрреалиста, для него это свободное-свободное движение руки, выводящее как бы иероглиф, это продолжение того автоматического рисования, кото-

рым он занимался в годы такого классического сюрреализма, если это выражение имеет право на существование, то есть в 20-е годы.

Это хрестоматийная, очень известная работа Сальвадора Дали «Алиса в стране чудес». Это поздняя книга, 1969 год. Мы постепенно движемся к более поздним хронологически вещам. Это редкий случай, когда у книги большой тираж под 3000 экземпляров, даже неизвестно точно, сколько. Вполне сюжетная композиция, здесь 12 иллюстраций, по одной к каждой из глав. Это первая, это белый кролик бегущий, с которого начинается вся история и за которым погонится Алиса. А внизу вот здесь последняя иллюстрация, где Алиса просыпается или вот-вот проснется на коленях у сестры.

Здесь есть еще один Кэрролл, с иллюстрациями Макса Эрнста. Это очень любопытная штука, с которой тоже на самом деле надо еще разбираться. Это сборник под названием «Волшебный рог». Это собрание текстов Кэрролла. Тексты эти выбрал сам Макс Эрнст и его биограф Вернер Шпец. Небольшие фрагменты на английском или в переводе на немецкий, иллюстрации — литографии Эрнста.

Опять же, это поздняя книга, 1970 год. Эрнст использовал здесь собственные иллюстрации к другой книге Кэрролла «Логика без труда», чуть более ранней, но он их не повторил, а он воспроизвел и скомбинировал их фрагменты по методу коллажа. Это 1970 год, Эрнст здесь продолжает и развивает те методы, которые еще в 20–30 годы стали его фирменными методами.

Про коллаж я напомним вкратце, у нас была в прошлом году большая выставка книг сюрреалистов из собрания Марка Башмакова в 12-колонном зале, в Зимнем, и там были ранние книги Эрнста, где он использовал иллюстрации из журналов или романов XIX века. Он их вырезал, собирал вместе, все это выглядело внешне правдоподобно, но было совершенно абсурдно, вот это коллаж в понимании Эрнста. Здесь он делает

такие коллажи собственных работ и фактически продолжает использование этого метода уже в переводе в технику литографии.

Работы Антони Клаве. Клаве, конечно, не сюрреалист — тот случай, когда мы его присоединили к сюрреалистам, — хотя можно найти переклички. Клаве — испанский художник, начинавший с рекламной графики в духе ар-деко, затем в 40, 50-е годы иллюстрировавший довольно много книг, потом ушедший в живопись. И вот это его поздняя работа, 1976 год. Хронологически она на выставке последняя. Фактически это гравюра, которая дает представление о живописи Клаве этого времени. Только это гравюра, а не живопись. И скажем, эти вот сложные, как бы мерцающие фоны, здесь очень хитрое техническое новшество под названием гравюра с карборундом, которое заключается в том, что паста из карборунда и связующего специального порошка наносится на медную доску, там ее можно формовать, дальше она застывает, на нее можно наносить краску и печатать, еще можно по-разному обрабатывать. Плюс здесь еще такие рельефные детали, здесь или на этой верхней иллюстрации, я не знаю, где он это взял, но это какие-то шайбы или значки. Пока не очень понятно, что и откуда, но они дают такой рельеф тиснения. В целом в этой книге есть такое, ну как бы тяготение к объектности, и это отчасти привет уже современным книжным работам.

И вот если мы говорим про такие авангардные, новаторские вещи. Вот две работы 60-х годов. Книга Андрея Ланского «Книга бытия». В этой книге такие абстрактные композиции, вообще Ланской один из мастеров того направления, которое называется «Лирическая абстракция», это 40, 50, 60-е годы. Это свободная живописная абстракция в противовес строгой геометрической. Здесь такие абстрактные композиции и листы с текстом, опять же рукописным, он переписал сам текст первых двух глав «Книги бытия». На самом деле тексто-

вых листов больше, чем абстракций. И здесь очень любопытно, он переписывает неравномерно — есть большие фрагменты текста, есть маленькие, вот здесь вот буквально одна фраза, так были созданы небо и земля, соответственно, переписывает разным почерком в цвете. Это в оригинале были гуаши, а отпечатаны уже в технике литографии. Ну, и знаете, мы эту книгу выставляли когда-то целиком. Вот в кабинете Книги художника много с ней разбирались. Это такая попытка переосмыслить средневековый манускрипт. Да сам принцип манускрипта — понятно, что это рукописная книга, в целом встраивающаяся в традицию от Бернара до Леже или Брака, и так далее. Сейчас мы повесили эти вещи, и вдруг стало понятно, что он же не пытается сделать манускрипт действительно средневековый, а он пытается сделать современный манускрипт, имея в виду средневековую традицию.

Ну и про поп-арт и не только про поп-арт. «Жизнь в один цент». Хронологически не последняя, но одна из самых авангардных здесь книг, 1964 год. Эта книга задуманная Уоллесом Тингом, поэтом и художником, тексты написаны Тингом, а иллюстрации — здесь есть его литографии, а в целом литографии 28 художников, европейских и американских. Сам Тинг — китаец по происхождению, он сначала жил в Париже, но, когда писал книгу, жил в Америке, вот он собрал 28 художников. Это поп-арт, это абстрактный экспрессионизм. Это мастера группы КОБРА, здесь у нас абстрактная решетка Альфреда Дженсона. Работа Джеймса Розенквиста, Энди Уорхола... Во-первых, это очень широкий спектр художников, и это очень разные художники. Это такой разнородный набор, это такой срез искусства начала 60-х годов, европейского и американского. Здесь по-разному сверстан текст, а зачастую по-разному скомпонован с иллюстрациями, а зачастую еще разным шрифтом набран и в разном цвете отпечатан. И эта книга еще устроена так, что голову сломаешь, пытаешься понять, как она

сделана, как она вообще отпечатана. Ну, для того чтобы это понять, надо ее не просто перелистать, надо ее всю перелопатить, переразложить листы, и тогда это хоть немножко становится понятно. Я пока понял не до конца, но в принципе это может быть сюжетом даже отдельного разговора.

Это такое, в некотором смысле даже по своей структуре игровое издание, опять же отсылающее к современным практикам. Многие из страниц, которые мы сегодня увидели, даже напоминают какое-то станковое произведение, отдельную картину. Но мы нашим зрителям поясним, что все-таки это страницы из книг, просто эти книги, как правило, не сшитые, не переплетенные, соответственно, разворот или отдельные листы можно легко вынимать и в рамках экспонировать.

Некоторые более станковые. Действительно, их можно смотреть как самостоятельные. Вот у Клаве можно вполне смотреть как самостоятельное, например, у Ланского, я думаю, тоже, он и текст превращает в такую картину.

А где-то это такое оформление текста, которое только с текстом мыслимо. Например, у того же Дюфи или у Дени.

Кстати, факсимиле изданий серии «Книга художника» делались даже не только в наше время, но и в 70-е годы. У меня за стенкой в кабинете лежит факсимиле Боннара. Делали не на все, но на некоторые, самые известные, делали.

**Комментарий М. И. Башмакова
к иллюстрациям Сальвадора Дали для книги
«Алиса в стране чудес»**

В продолжение темы выставок, и не только в музеях, расскажем еще одну историю. В Санкт-Петербургской классической гимназии № 610 существует выставка иллюстраций Сальвадора Дали к книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

Выставка сопровождается текстом Марка Ивановича о художнике и его иллюстрациях, который приводим ниже. Подробнее о сотрудничестве Башмакова с классической гимназией можно прочитать в тексте С. В. Бурячко «Башмаков и Классическая гимназия» в данном сборника.

Сальвадор Дали (1904–1989)

Сальвадор Дали — испанский художник. Он родился в 1904 году в маленьком городе Фригерасе на берегу Средиземного моря, недалеко от Барселоны, в семье нотариуса.

Дали с детства был увлечен рисованием. Первая выставка его картин была устроена в муниципальном театре его родного города, когда Сальвадору было лишь 14 лет.

В свой родной город художник вернулся во второй половине своей жизни, приобрел право собственности на театр и устроил там музей, который открыт до сих пор для всех желающих познакомиться с жизнью и творчеством замечательного художника.

В 1926 году Дали обосновался в Париже, где жили художники и поэты — представители авангардных направлений в искусстве: Пабло Пикассо, Жоан Миро, Поль Элюар, которые стали близкими друзьями Дали. К этому времени сформировалось направление в искусстве, которое получило название сюрреализм. Дали примкнул к новому движению и в дальнейшем стал самым известным в мире его представителем.

Характерной чертой сюрреализма является изображение в одном рисунке несовместимых объектов. Некоторые создаваемые художниками-сюрреалистами образы становятся символами, по которым можно распознать автора. Так, у Дали появился образ мягких, гибких часов, который можно найти на многих его картинах и скульптурах. Определенным символом стал и театральный образ самого художника, неизменно демонстрирующего свои знаменитые усы.

Дали — автор большого количества живописных полотен, скульптур, графических листов. Большую роль в его творчестве играет иллюстрация книг. Дали оформил около ста книг, среди которых «Дон Кихот», «Фауст», «Божественная комедия», Библия, книги Овидия, Кальдерона, Бокаччо. Богатое воображение, яркие краски, юмор отличают его знаменитую работу по иллюстрированию «Алисы в стране чудес». К каждой главе сказки он сделал цветную композицию, по которой очень интересно наблюдать, как фантазия художника следует за текстом, добавляя новые образы и ассоциации. Разглядывание иллюстраций Дали к Алисе — увлекательное и веселое занятие.

Марк — искусствовед

Ф. М. Лурье

Мы познакомились между 1975 и 1977 гг. Букинистический магазин, сегодня находящийся во дворе дома № 3 по Невскому проспекту, тогда временно размещался в начале Гражданского проспекта, а я жил совсем рядом на Бутлерова, 8, и часто его посещал. После работы зашел в магазин, спросил, нет ли чего для меня. Девочки вынули из-под прилавка стопку номеров журнала «Русская старина». Тотчас сбоку подскочил худощавый очкарик и с возмущением воскликнул: «Я только что спрашивал у вас о «Русской старине», и вы ответили, что — нет!». Чувствую, зреет скандал, как можно вежливее объясняю, что давно собираю этот журнал, и в магазине лежит мой заказ. Объяснение подействовало, претендент изменил тон и спросил, нет ли у меня дублей. Услышав утвердительный ответ, незнакомец предложил ехать ко мне. Оказалось, он на машине. Не успел я повесить пальто, как посетитель в носках подскочил к стеллажу. Ну и манера — «перекупщик, надобно

срочно гнать». Наверно, Марк что-то почувствовал и при прощании сказал, что он математик, преподает в Университете. Обменялись телефонами.

Не помню, почему знакомство продолжилось. Нас связывали общие интересы — искусство, музыка, книги. Марик любил и превосходно знал классику. Он намного раньше меня начал ездить в Европу. Первые диски для меня были куплены им. Я писал ему списки, рассчитывались нашими деньгами. Марк очень старался, приобретал самое лучшее. Привозит, звонит и от радостного возбуждения от выполненной просьбы кричит в трубку: «Феликс, это Башмак! Я привез...» и перечисляет очередные шедевры. Мы ни разу не были вместе в филармонии, не обсуждали музыкальных произведений, несколько раз говорили об исполнителях. Не припомню, чтобы расходились во мнении.

Кажется, в честь десятилетия основания издательства «Вита Нова», с которым Марк плодотворно сотрудничал, после банкета состоялась прогулка на катере по Неве. Мы сидели на палубе втроем: Катя, Марк и я. Катя рассказывает: «Марк хотел играть на рояле, пришел во Дворец пионеров. Ему говорят — обучение платное, совсем немного, но надо платить. Понимая, что семья нуждается, и за обучение музыке платить нечем, Марк спрашивает, есть ли инструмент, за обучение игре на котором не надо платить. Оказалось, что посещение класса контрабаса бесплатное. Записался, один контрабас нести не может, помогал друг». Вообразите, Марк занимается в классе, а друг томится в ожидании, чтобы помочь Марку нести контрабас. Далее включается Марк: «Когда я поступил в Университет, там были симфонический и джазовый оркестры. Контрабасистов не было, бегал из одного оркестра в другой, приобрел широкую известность». Марк с ранних лет умел самостоятельно решать все свои проблемы. Он несколько раз спрашивал у меня совета, внимательно выслушивал и поступал по-

своему. Иногда я был прав, мы не обсуждали его решения. Не было случая, чтобы он меня раздражал или огорчал. Удивлял и восхищал. Никогда никакой позы, надувания щек, абсолютная демократичность. Иногда вдруг совершенно мальчишеская хвастливость. Приезжали ко мне с Володей Фоминым. Он в потрепанном лыжном костюме, ловит в моем взгляде вопрос. Марк тогда уже заведовал кафедрой в ЛЭТИ. Гордо подняв голову, сообщает: «Бежал пятьдесят километров в лыжной сборной от института». В 1980-е заехал днем ко мне в лабораторию, спрашивает: «Видите, как я сегодня одет? Еду оппонировать докторскую». Одет он был вовсе не как пижон. Мне кажется, после частых поездок в Европу Марк начал обращать внимание на одежду. В период его пакистанской деятельности он на своем дне рождения переоделся в пакистанское облачение, совершенно преобразившее его. Стал похож на Ганди, но не полуголого, без головного убора, каким мы привыкли его видеть на фото.

Кто-нибудь подсчитал, какому числу учеников и соратников он помог? Когда не было работы и денег, не на что было жить? Может, и для этого он создавал институты и другие учреждения?

Когда мы познакомились, у Марка была превосходная библиотека. Он лучше меня знал и чувствовал поэзию, особенно любил поэтов Серебряного века. У него были почти все прижизненные издания Гумилева, Волошина, Ахматовой, Мандельштама, журналы «Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон», «Художественные сокровища России» и др. Он превосходно знал русское и европейское искусство. Поэтому не удивительно, что в девяностые годы Марк увлекся книгами, иллюстрированными русскими художниками-эмигрантами, околками Серебряного века. С годами круг его интересов распространился на европейских художников. Благодаря незаурядным способностям, владению английским, немецким,

французским и итальянским языками, он сделался крупнейшим знатоком «Книги мастера» — уникального явления европейской культуры, возникшего одновременно во Франции, Германии, Петербурге (вслед за образованием в 1903 году Кружка любителей русских изящных изданий). Эти книги одновременно являются и произведениями искусства. Приведем определение Книги мастера, сформулированное Марком Ивановичем: «Те произведения искусства, о которых пойдет речь, являются книгами, созданными в небольшом числе экземпляров группой единомышленников, среди которых художник, издатель и другие «делатели» книги являются настоящими соавторами, имена которых становятся известными обладателю этого произведения искусства. Часто к этому коллективу присоединяется автор текста (если он доступен), иногда этот текст пишется самим художником».

Эрмитаж давно понял, что Книги мастера являются произведениями искусства. Поэтому его сотрудники организовали несколько выставок из собрания Башмакова. Получив от него в дар некоторое число книг, Эрмитаж организовал постоянную экспозицию и кабинет Книги мастера.

Мне посчастливилось стать свидетелем формирования книжного раздела Марка Ивановича, представленного в Эрмитаже. По мере роста собрания он из любителя превратился в крупнейшего исследователя, щедро делящегося приобретенными знаниями. До сих пор ощущаю потрясение от увиденных у него первых приобретенных «Книг мастера». Разумеется, я знаком с замечательными русскими иллюстрированными журналами 1910–1930-х годов с книжной графикой Кустодиева, Масютина, Шухаева, Кардовского, Сомова, Бенуа, Митрохина, Чехонина, Билибина. Это всего лишь один раздел башмаковской библиотеки. Этот раздел начинался с приобретения где-то на аукционе «Слова о полку Игореве» с иллюстрациями Шухаева. Дух захватывает от этого творения, как, впро-

чем, и от других. Башмаков — автор историко-искусствоведческих книг, связанных с темой его собирательства.

Большинство коллекционеров поверхностно знакомы с предметами собирательства, библиофилы — не исключение. Незначительное число библиофилов знают книгу отлично. Лишь единицы собирают книги и на основе своих библиотек занимаются серьезными исследованиями, например, Н. П. Смирнов-Сокольский, П. Н. Берков, Н. П. Лихачев, С. Цвейг. Марк относится к этой наивысшей категории библиофилов. У него, как и во всем, чем он занимался, все получилось. Он написал около двадцати искусствоведческих книг, больших, толстых, серьезных книг. Некоторые из них — фундаментальные исследования. Почти никто из крупных искусствоведов таким числом исследований абсолютно новой тематики похвастать не может. Он почти всех их превзошел. Возможно, его забудут как математика, но не забудут как исследователя и создателя литературы о Книгах мастера.

Американский физик Ричард Фейнман (1918–1988), лауреат Нобелевской премии, рассказывает, как слышал о себе разговор двух студентов:

— Кто этот мужик?

— Ты что, не знаешь? Это наш профессор, он (что-то бормочет про физику) классно играет на банджо в нашем студенческом оркестре. *(Привожу текст по памяти.)*

И ни слова о том, что он Нобелевский лауреат, участник Манхэттенского проекта, один из крупнейших исследователей квантовой электродинамики.

Прошедшее, проходящее время отображается в искусстве. По нему мы судим, знакомясь с достижениями в искусстве. Начиная с каменного века, ничего не изменилось. Изменения не предполагаются. Марк Иванович Башмаков забыт не будет.

**Основные книги М. И. Башмакова
по теме «Книга художника»***

1. Остановка в пути. Описание собрания альманахов Серебряного века. Из библиотеки М. И. Башмакова. СПб.: Петрополис, 2009 (в соавторстве с А. И. Башмаковым).
2. Художник книги Александр Алексеев. Описание собрания книг с иллюстрациями Александра Алексеева и Александры Гриневской из библиотеки М. И. Башмакова. СПб.: Петрополис, 2010 (в соавторстве с А. И. Башмаковым).
3. Русская графика в европейской книге. Описание собрания книг из библиотеки М. И. Башмакова. СПб.: Аграф+, 2011 (в соавторстве с А. И. Башмаковым).
4. Livre D'Artiste: Выставка книг из коллекции Марка Башмакова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013.
5. Художник и книга. Книги из собраний Марка Башмакова и Государственного Эрмитажа. СПб.: НП-Принт, 2015.
6. Александр Алексеев — мастер книги. Художник и книга. СПб.: НП-Принт, 2015.
7. Книга мастера: Иллюстрированные книги художников Парижской школы 1900–1986. СПб.: Альфарет, 2016.
8. Ар Деко: Книги из собрания Марка Башмакова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2018.
9. Пабло Пикассо. Художник и книга. СПб.: НП-Принт, 2018.
10. Сальвадор Дали. Художник и книга. СПб.: НП-Принт, 2020.
11. Сюрреализм и книга. Художник и книга. СПб.: НП-Принт, 2020.

---

* Выбор составителей сборника.

«Тонны книг». Два переезда Марка с квартиры на квартиру.
Книги измерялись не томами, а сотнями килограммов —
не читали — носили...

На выставке книг Ж. Миро, 2019 г.

Открытие выставки книг Ж. Миро, 2019 г.
Директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский и М. И. Башмаков

Открытие выставки ар-деко, 2018 г.

Презентация книги «Paroles peintes.
Книги из собрания Марка Башмакова», 2015 г.
М. И. Башмаков и М. В. Балан

Выставка и лекция «Livre d'artiste»
в помещении Института продуктивного обучения РАО

В домашней библиотеке

*М.И. Башмаков
в высказываниях
современников*

**Выдержки из сборника
«Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только.
Сборник воспоминаний»**

Под. ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова
(СПб., 2011 год)

Ю.В. Матиясевич

На следующий год я не мог заниматься организацией «Кенгуру», поскольку в день его общеевропейского проведения должен был быть за границей. Я обратился к Марку Ивановичу Башмакову, ему это дело понравилось, и с тех пор оно развивалось под его руководством. Были закуплены устройства для считывания 144 бланков, без которых проводить «Кенгуру» в его нынешнем масштабе — около двух миллионов российских участников — было бы невозможно.

В.П. Одинец

К сожалению, в нашей работе и в кружке, и в ЮМШ оставался серьезный пробел — отсутствие «внекружкового» общения, точнее, отсутствие совмещения активного отдыха на природе и занятий математикой. Воплотилась идея такого летнего отдыха позже, благодаря стараниям М.И. Башмакова, трансформировавшись в идею летних математических школ (ЛМШ), первоначально для школьников Ленинградской области.

Б. Докторов

Но первым, в начале осени 1959 года, с кем из старших я познакомился на факультете, был Марк Башмаков, он тогда, если не ошибаюсь, учился в аспирантуре, но вскоре на несколько лет уехал преподавать математику в одну из африканских стран.

Многое мне дало участие сначала в организации школы-интерната для одаренных школьников на ул. Савушкина, а потом и преподавание там. Это было начало 1960-х. К организации меня привлек Алексей Алексеевич Никитин, астроном, он долгое время был секретарем партийной организации факультета. Он и Марк Башмаков (который, скорее всего, в те годы был секретарем университетской комсомольской организации) вкладывали в это дело душу; и мне было интересно работать с ними. Для отбора способных ребят я ездил в Сыктывкар, Новгород, Псков, Вологду; выступал там в школах, проводил отборочные экзамены. Мы сами строили программу преподавания, и отношения с учениками были намного менее формальными, чем в обычных школах.

Д. Б. Эпштейн

На конференции 1966 года я был избран в комитет и бюро одним из секретарей, и лишь после зимних каникул стал «первым» секретарем комитета ВЛКСМ факультета и даже был оформлен на полставки в Василеостровском РК ВЛКСМ... Я нашел у себя предварительные списки состава комитета на 1966/67 учебный год. Наверное, на 90 % этот состав и был избран. В нем 53 человека. В качестве почетных членов предполагалось избрать М. И. Башмакова, В. Ф. Демьянова, В. Н. Малоземова, Генриетту Анашко — славную матмеховскую комсомольскую гвардию второй половины 50-х — начала 60-х годов. Секретарями должны были быть избраны М. Попов, Лена Стекляникова, Д. Эпштейн и Саша Сургайло. Во главе

академсектора должен был встать опытный третьекурсни́к Юра Крупицкий, а с ним в сектор войти второкурсники Сережа Валландер и Валя Алексеева.

Я и Миша Попов до Юры Крупицкого рассматривали вариант избрания Игоря Зельвенского секретарем комитета ВЛКСМ, разговаривали с ним, объясняя всю важность этой работы и даже, как он вспоминает, привлекая зарплатой в райкоме ВЛКСМ и доступом к закрытым переводам иностранной прессы. Но он принял предложение М. И. Башмакова, сделанное ему и Саше Сургаило: стать преподавателем в 45-м интернате. «Я ни разу не пожалел потом об этом решении» — сказал Игорь, вспоминая те события.

М. В. Попов

Секретарем комитета ВЛКСМ ЛГУ в тот период, когда я был секретарем на матмехе, был Марк Иванович Башмаков. Он придерживался той же линии — не затевать пустых дел и ничтожных по результатам кампаний, лишь ради отчетности. Все имело содержание. И мы хорошо понимали друг друга. Но то, что мы делали, отличалось от того, что делалось непосредственно перед нами.

И. Розенберг

Во втором семестре высшую алгебру и аналитическую геометрию читал у нас М. И. Башмаков, предпославший своим лекциям эпиграф: «А кошка отчасти идет по дороге, отчасти — по воздуху плавно летит». Вот эти полеты меня увлекали. «Гомоморфный образ группы изоморфен факторгруппе по ядру гомоморфизма» (и во имя коммунизма!) — дело нехитрое, а как красиво звучит!

Выдержки из стенгазеты «Матмех за неделю» за 1960/61 г.

М. Башмакову, А. Марданову, М. Мардановой Посольство СССР, Конакри, Гвинейская республика. VI комсомольская

конференция матмеха приветствует своих почетных делегатов, несущих свет и тепло математики в Африку. Жанна, Асмед, Марк, матмех с вами, матмех помнит о вас. Да здравствует дружба ученых Гвинейской Республики и Советского Союза!

Вернулся из Гвинеи Марк Башмаков. Своими впечатлениями он поделится осенью. Наши ребята, готовящиеся работать в Африке, сейчас «долбят» французский язык. Занимаются по 6 часов ежедневно в аудиториях и столько же дома. Есть первые успехи.

**Из сборника «Матмех ЛГУ–СПбГУ.
Шестидесятые и не только: от истоков
до дней недавних»**

Под. ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова
(СПб., 2012)

И. В. Романовский

С аудиторией справляться я мог, потому что, когда был студентом, один год или семестр вел математический кружок, причем не какой-нибудь, а кружок Георгия Владимировича Епифанова, в котором занимались Бондарева, Калинин, Марк Башмаков, в общем, очень сильный кружок.

А. В. Яковлев

Хорошо помню городскую олимпиаду для 9 класса. Среди принимавших задачи в той аудитории был М. И. Башмаков.

В 1959 году мы создали сеть кружков при Дворце пионеров, создали как единое целое, с общими программами в каждой параллели. Кружки получились неплохие, вели их Н. М. Митрофанова, О. Н. Бондарева, в одной из параллелей кружок вел я. Это была своего рода предтеча ЮМШ, которую

создали на следующий год, по инициативе А. А. Никитина, насколько я помню. Заметную роль сыграл М. И. Башмаков.

Н. М. Митрофанова

На первом курсе мы с Марком Башмаковым вели математический кружок для школьников. Это были десятиклассники. Не помню, сколько учеников у нас было, но помню двух замечательных людей из этого кружка — Сережу Маслова и Гену Давыдова. В дальнейшем Сергей Маслов стал известным математиком. А пока мы учились на матмехе, многие из моих знакомых были в жюри олимпиад (Башмаков, Романовский...).

В. Г. Мазья

В первые дни первого учебного года на стенде, установленном на лестничной площадке второго этажа, можно было прочитать результаты прошлогоднего студенческого конкурса по решению задач. Среди официальных участников первое место занял Марк Башмаков, решивший все 15 задач, за ним следовала небольшая группа призеров. Конкретные результаты не указывались, но я знаю, что Юра Бурого решил 14.

В. Троицкий

Мое общение со студентами матмеха началось еще до моего окончания школы. Так получилось, что летом после десятого класса я остался в городе в одиночестве и заскучал. Хотелось новых впечатлений, переживаний, хотелось испытать себя. И я отправился в комитет комсомола Университета, тогда его секретарем был Марк Иванович Башмаков, которого я немного знал, так как он помог нашему ЛИТО выпустить ротاپринтный сборник. Я попросил устроить меня в какой-нибудь стройотряд.

Заключение

Мы, как могли, стремились с разных точек зрения осветить многогранную деятельность Марка Ивановича Башмакова.

Цель сборника — сохранить не подернутые пеленой времени воспоминания его друзей, коллег, учеников. Поэтому мы сохраняли авторские тексты, надеясь, что читатели почувствуют, с какими разными людьми Марк Иванович плодотворно сотрудничал и какие прекрасные плоды приносило это сотрудничество.

Мы не ставили своей целью написание главы энциклопедии, поэтому в тексте нет сведений об авторах, списков публикаций и других «технических» деталей.

Читатели легко смогут найти более подробную информацию о деятельности Марка Ивановича и об авторах сборника в интернете.

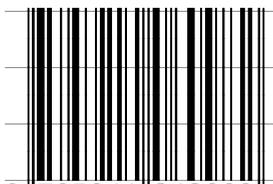
Башмаков о себе и мы о нём

Составители *А. М. Коточигов, С. Г. Иванов*

Художник *А. В. Василькова*

Компьютерная верстка *Т. Г. Мяндо*

ISBN 978-5-91406-098-2

9 785914 060982

Подписано к печати 23.03.2023.

Формат 145×205. Тираж 150 экз. Заказ № .

Отпечатано

190000, Санкт-Петербург, пер. Гривцова, 6